

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»

На правах рукописи

ВОЛОТОВ Дмитрий Андреевич

**БАТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА-ЭПОПЕИ Л. Н. ТОЛСТОГО
«ВОЙНА И МИР»)**

Специальность 10.02.01. – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Н. С. Ганцовская

Ярославль

2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. БАТАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА КАК РЕЗУЛЬТАТ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ	15
1.1. История русско-французских культурных отношений как предпосылка для формирования языковой ситуации в России на рубеже XVIII–XIX веков.....	15
1.2. Проблемы теории заимствований. Заимствования из французского языка в русский.....	21
1.2.1. Общие проблемы теории заимствований.....	22
1.2.2. Классификация заимствований.....	26
1.2.3. История батальной лексики в русском языке. Заимствованная лексика французского происхождения в русском языке XVIII – первой половины XIX вв.....	29
1.3. Проблемы теории терминов. Батальные термины французского происхождения в русском языке.....	33
1.3.1. Терминологические качества батальной лексики.....	35
1.3.2. Французская батальная терминология в русском языке.....	39
1.3.3. Французская батальная терминология, содержащаяся в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».....	42
Выводы	48
ГЛАВА II. ЗАИМСТВОВАННАЯ АГЕНТИВНАЯ БАТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	50
2.1. Наименования воинских званий и лиц, их носящих.....	50
2.1.1. Наименования <i>император</i> и <i>фельдмаршал</i> как олицетворение главнокомандующих французской и русской армий в образах Наполеона и Кутузова.....	51
2.1.2. Наименования лиц генеральского состава русской армии.....	54
2.1.3. Наименования лиц офицерского состава русской армии.....	62
2.2. Наименования лиц, принадлежащих к различным родам войск.....	67
2.3. Наименования должностей в армии и лиц по роду деятельности.....	75
Выводы	92
ГЛАВА III. ЗАИМСТВОВАННАЯ ПРЕДМЕТНАЯ БАТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	95
3.1. Наименования, отражающие организацию вооружённых сил.....	95
3.1.1. Наименования родов войск.....	95
3.1.2. Наименования войска и его подразделений.....	105
3.1.3. Наименования отдельных частей войска, выполняющих определённую боевую задачу.....	115
3.2. Наименования атрибутов (артефактов) военных действий.....	123

3.2.1. Наименования оружия, частей орудий и снарядов.....	123
3.2.2. Наименования военных укреплений и сооружений.....	133
3.2.3. Наименования предметов военного обмундирования.....	140
Выводы	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	158
ИСТОЧНИКИ	175
СЛОВАРИ	177
ПРИЛОЖЕНИЕ	180

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено вопросам структуры и семантики батальной лексики французского происхождения в русском литературном языке первой половины XIX в. Изучение иноязычной лексики является одним из важнейших направлений языкознания, так как ни один язык мира не является замкнутой языковой системой, заимствуя новую лексику из иностранных языков. Определённый вклад в изучение проблемы заимствований внесли зарубежные и отечественные лингвисты: Н.С. Авилова, Т.А. Амирова, Н.С. Арапова, Л.М. Баш, Е.Э. Биржакова, Л. Блумфилд, И.А. Бодуэн де Куртенэ, С.К. Булич, Л.А. Войнова, В.Г. Гак, Н.С. Ганцовская, Я.К. Грот, О.С. Егорова, Р.С. Кимягарова, А.Н. Кожин, Ф.Е. Корш, Л.П. Крысин, Л.Л. Кутина, Т. Лер-Сплавинский, Ю.Т. Листрова, Д.С. Лотте, Ф. Миклошич, И.И. Огиенко, Б.А. Ольховиков, М.Р. Очкасова, А.И. Соболевский, Ф.П. Сороколетов, А.В. Суперанская, М. Ф. Тузова, М. Фасмер, Э. Хауген, Г. Хютль-Ворт, Е.И. Чарикова, О.Г. Щитова и др.

Русский язык принадлежит к числу экстравертных языков и имеет немало разноязычных заимствований, среди которых на одном из первых мест стоят галлицизмы. Французский язык на рубеже XVIII-XIX вв. стал показателем ментальности эпохи наполеоновских войн, своего рода *lingua franca* в области военного искусства, в том числе и для русского языка. В рассматриваемый период русский язык располагал основным корпусом французской заимствованной лексики военной тематики, что зафиксировано во многих документах, исторических источниках разного рода, в том числе и произведениях художественной литературы исторической направленности.

Актуальность исследования. Проблема формирования лексики современного русского языка разных периодов существования до сих пор остается актуальной. Несмотря на ряд исследований в данной области, нет полного представления о составе русской батальной лексики различных тематических групп, о том, каковы источники её формирования, каково её место в лексической системе русского языка, с одной стороны, и с другой – какова роль в ней заимствований, в том числе французских, в пиковый момент их усвоения.

В период конца XVIII – первой половины XIX вв. происходит становление основных норм нового русского литературного языка, куда органически вписались и французские лексические заимствования в области военной терминологии. На фоне русско-французских контактов предыдущих столетий массовое усвоение французской батальной лексики в рассматриваемый период оказалось особенно актуальным. Наилучшим образом данная ситуация нашла отражение в знаменитом романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир», который может служить историческим источником изучения форм существования русского языка времён военных действий России с Францией эпохи Александра I. События в «Войне и мире» построены на подлинных исторических фактах с использованием галереи реальных персонажей того времени, в том числе с детальным освещением военных действий, происходивших в Европе с 1805 года. Соответственно при описании батальных сцен в романе наряду с общеупотребительной лексикой присутствуют и термины военной тематики. Подавляющую часть иноязычной заимствованной батальной лексики в романе составляют единицы французского происхождения, которые в тексте романа представляются полностью или частично усвоенными русским языком-реципиентом.

Недостаточная изученность в русском языке заимствованной лексики военной тематики с точки зрения её семантики и функционирования обусловили выбор темы диссертационного исследования и его актуальность. В данной работе батальная лексика французского происхождения исследуется в синхронно-диахронном аспекте как яркое свидетельство специфики языковой ситуации в России первой половины XIX в.

Проблема исследования заключается в выявлении структурно-семантических черт заимствований французского происхождения, в определении их фонетических, грамматических и семантических особенностей, а также в установлении степени ассимиляции анализируемой лексики в русском языке первой половины XIX в.

Объектом исследования является русская батальная лексика французского происхождения первой половины XIX в. в том объёме и в аспекте тех культурно-лингвистических координат, которые отражены в произведении Л. Н. Толстого «Война и мир».

Предмет исследования – деривационные свойства (грамматические, семантические, лингвокультурные) батальной лексики французского происхождения в русском языке в ситуации боевых действий с Наполеоном.

Научная новизна диссертации заключается в том, что:

– в ней впервые, опираясь на ряд документальных источников («Книга об экзерциции, церемониях и должностях, воинским людям надлежащих», составленная Петром I, воспоминания русских и французских военачальников из собрания произведений о войне с Наполеоном историка Е. В. Тарле, уставы и военные словари петровского периода, материалы картотеки Словаря русского языка XVIII в. Института лингвистических исследований РАН (СПб.) и др.), к которым мы причисляем в первую очередь текст романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», монографически рассматривается состав, структура и семантика основного корпуса французской заимствованной батальной лексики на этапе активного формирования современного русского литературного языка первой половины XIX в.;

– впервые определяется весомость батальных галлицизмов и место этой системы батальных наименований в наиболее важный момент формирования их основного корпуса в связи с состоянием русского литературного языка того периода и с точки зрения степени и результата их ассимиляции на разных уровнях языка в парадигматическом и синтагматическом планах.

Основная **цель** работы заключается в определении структурно-семантических свойств батальных галлицизмов, их роли как части русского речевого узуса в эпоху формирования современного русского литературного языка на рубеже XVIII–XIX вв. Исходя из цели работы, в исследовании решаются следующие **задачи**:

– описать историко-культурные связи России и Франции как стран языка-реципиента и языка-донора соответственно в качестве предпосылки для процесса заимствования и определить степень влияния последнего на русский язык XVIII – первой половины XIX вв.;

– отобрать лексический материал для исследования в рамках романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» на фоне всего состава русской лексики французского происхождения первой половины XIX в. и определить его тематический и лексико-семантический состав;

– выявить и рассмотреть структурно-семантические черты батальных галлицизмов, историю их появления в русском языке, установить этимологию данных единиц, проецирующуюся на их употребление в русском языке первой половины XIX века;

– определить фонетические, грамматические, деривационно-словообразовательные и семантические особенности заимствованных французских лексических единиц в русском языке как показатели степени их усвоения;

– установить степень ассимиляции анализируемой лексики в русском языке первой половины XIX в. и изменения в этом плане в дальнейшие периоды развития русского языка;

– обозначить место французских заимствований в системе современного русского литературного языка периода становления его норм, показать динамику развития структуры и семантики этих лексических единиц в русском языке вплоть до наших дней.

Хронологические рамки исследования охватывают период первой половины XIX века, в который происходят события, описанные в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир». Тесные культурные связи России и Франции в предшествовавшие десятилетия оказали огромное влияние на языковую ситуацию в России, инициировав в русском дворянском обществе не только моду на французский язык, но и необходимость заимствований в области военной

терминологии. Как результат, заимствованная французская лексика оказалась в той или иной степени усвоенной в русском языке первой половины XIX в.

Территориальные рамки исследования охватывают пространство Российской Империи первой половины XIX века в целом, а также территорию Европы в качестве плацдарма военных действий, описываемых в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир». Участие солдат и офицеров русской армии на территории других государств способствовало усилению влияния иностранных языков на русский язык.

В качестве исходной **теоретико-методологической посылки** диссертации были положены традиции сравнительно-исторического и системно-типологического анализа заимствований в русском и зарубежном языкознании, междисциплинарный подход к выявлению причин появления изучаемого языкового явления в пространственно-временном континууме русского языка определённого периода и описанию его специфических форм приспособления к речевому строю национального языка-донора.

В основу исследования положена следующая **гипотеза**:

Заимствованная батальная лексика французского происхождения, востребованная в эпоху Петра I и далее, была в той или иной степени усвоена русским языком к первой половине XIX в. и стала основой корпуса всей русской военной лексики первой половины XIX в., сохранившись и в современной терминосистеме русской военной лексики.

Материалом для исследования послужила батальная лексика французского происхождения, которая функционировала в русском языке исследуемого периода и по составу коррелировала с соответствующей лексикой произведения Л. Н. Толстого «Война и мир». Для анализа в романе было выявлено более 2500 случаев употребления 115 батальных лексических единиц французского происхождения. В качестве дополнительного материала исследования использовались такие документальные, историко-публицистические и историко-художественные, эпистолярные, лексикографические источники: «Книга об эксерции, церемониях и должностях, воинским людям надлежащих»,

составленная Петром I, произведения о войне с Наполеоном из собрания сочинений Е. В. Тарле, где содержатся воспоминания русских генералов и французских маршалов, «Русские мемуары 1800–1825 гг.», роман «Наполеон» Стендаля, «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого, произведение в стихах «Бородино» М. Ю. Лермонтова, пьеса Д. И. Фонвизина «Бригадир», монография Ф. П. Сороколетова «История военной лексики в русском языке (XI – XVII вв.)», материалы картотеки Словаря русского языка XVIII в. Института лингвистических исследований РАН (СПб.), военный словарь М. С. Тучкова 1818 года, военно-энциклопедический словарь, исторический словарь галлицизмов русского языка Н. И. Епишкина, военный словарь С. А. Тучкова, энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, толковый словарь иноязычных слов Л. П. Крысина, различные словари иностранных слов, этимологические словари русского языка А. Г. Преображенского, М. Фасмера, П. Я. Черных, А. В. Семёнова, толковые словари В. И. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, словари русского языка XI–XVII и XVIII веков, словарь современного русского литературного языка в 17 томах (далее – БАС), словарь русского языка в 4 томах (далее – МАС), а также иноязычные толковые словари Larousse, Longman, Oxford, Robert.

Степень разработанности проблемы. Заимствованная лексика русского языка, как уже было сказано выше, является объектом исследования многих учёных-лингвистов, в работах которых решаются как общие, так и частные вопросы проблемы заимствований. В имеющей особую ценность для изучения батальной лексики монографии Ф.П. Сороколетова «История военной лексики в русском языке» анализируются военные термины в рамках временного периода XI – XVII вв. В работе М. Ф. Тузовой исследуется русская военная лексика второй половины XVII – первой половины XVIII вв., что оставляет открытой проблему изучения формирования военной лексики в последующие периоды развития русского языка. Диссертационная работа М.Р. Очкасовой посвящена исследованию французских нетранслитерированных заимствований на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир», но в ней почти не затрагиваются батальные

галлицизмы. Труды Е. Н. Батовой, Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Д. К. Жане, А.Н. Кожина, Л. Л. Кутиной, Е. А. Маймескул, Б. Н. Павлова, Ю. С. Сухоруковой, Г. Е. Шиловой, Е. А. Щербак, М. Б. Ясинской и др., посвящённые исследованию французской заимствованной лексики на различном материале, также послужили опорой при выборе подхода к изучению определённого пласта заимствованной лексики в рамках отдельного произведения.

В данной диссертации в комплексе использованы следующие **методы и процедуры анализа**: дескриптивно-аналитический, сравнительно-исторический и контекстуальный методы характеристики материала, приёмы этимологического, компонентного и статистического анализа. Подготовка материала из основного источника осуществлялась методом сплошной выборки. Всё это позволило произвести отбор, систематизацию и адекватное описание языкового материала.

Теоретическая значимость. Теоретико-методологическую базу диссертации составили прежде всего традиции сравнительно-исторического и системно-типологического исследований в русском и зарубежном языкознании, междисциплинарный подход к выявлению причин и специфики возникновения заимствований в конкретном национальном языке. В соответствии с этим: применён интерпретационный вариант теории заимствований относительно пространственно-временных и культурно-исторических координат существования галлицизмов в русском языке первой половины XIX в.; выявлены и обобщены терминологические качества специальной лексики на материале заимствованной французской батальной лексики в русском языке первой половины XIX в.; обоснована ценность использования произведений художественной литературы как важного источника исследования батальной лексики французского происхождения наряду с документальными и лексикографическими материалами. В работе были подтверждены, уточнены и в определённой степени развиты языковедческие критерии ассимиляции заимствований в определённые периоды развития языка, положения о первоочередной и максимально полной усвояемости терминологической заимствованной лексики в наиболее жизненно важных сферах

существования языка и в особых ситуациях его развития, каковой является военная сфера.

Практическая ценность работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы в курсах истории современного русского литературного языка, в спецкурсах по лингвострановедению и межкультурной коммуникации, спецсеминарах по лексикологии и лексикографии русского языка, факультативах и в практике школьного обучения при изучении иностранных языков.

Личный вклад диссертанта заключается в следующем: на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир» с привлечением и других источников собран и обобщён корпус французской заимствованной батальной лексики в русском языке первой половины XIX в.; описаны структура, семантика данной лексики русского языка первой половины XIX в.; определена степень ассимиляции заимствованной батальной лексики в процессе её усвоения русским языком первой половины XIX в. на фоне развития русского литературного языка и в сравнении с другими иноязычными системами.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечены опорой на традиционные теоретико-методологические подходы к исследованию лексики русского языка, солидный опыт системного описания заимствованной лексики в современном языкознании. Кроме того, верификация обеспечивается разносторонним изучением проблемы, использованием широкого комплекса лексикографических, историко-лингвистических и других материалов с опорой на личные наблюдения автора над исследуемым материалом, добытым методом сплошной выборки из авторитетного и информативно-надёжного источника, апробацией в ходе научной и научно-образовательной деятельности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Батальные галлицизмы в русском языке первой половины XIX в. принадлежат пласту профессиональной лексики и терминологичны, что способствовало их быстрому и прочному вхождению в состав лексики русского языка; их семантика в русском языке в большинстве случаев коррелирует с

семантикой современных им французских батальных единиц-доноров, уже сложившихся как термины.

2. Основная часть заимствованной в XVII-XVIII вв. из французского языка батальной лексики, пройдя этапы фонетико-графического, морфологического и семантического приспособления, оказывается полностью усвоенной русским языком к первой половине XIX в. в плане парадигматики и синтагматики.

3. Незначительная часть заимствованной батальной лексики французского языка в первой половине XIX века была не полностью усвоена русским языком, находясь на этапах адаптации и ассимиляции. Заимствования употребляются в нетранслитерированной форме, имеют фонетические, лексико-морфологические, лексико-синтаксические, словообразовательно-деривационные варианты, что свидетельствует об их неполном усвоении русским языком на данном этапе.

Апробация работы. Основное содержание диссертации изложено в докладах на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: научно-практической конференции «Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура» (Кострома, 2010 г.), Международной научной конференции, посвящённой 1000-летию города Ярославля «Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи» (Ярославль, 2011 г.), V Всероссийской научной конференции «В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – воспитание» (Иваново, 2011 г.), IX и X Международных научно-практических конференциях «Диалог культур – культура диалога» (Кострома, 2010, 2011 гг.), Всероссийской научно-практической конференции «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации» (Кострома, 2012 г.), XXXIII Международных Толстовских чтениях «Творческое наследие Л. Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации» (Тула, 2012 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней» (Иваново, 2012 г.), XII Международной научно-практической конференции «Диалог культур – культура диалога» (Кострома, 2013 г.). Результаты диссертационного исследования отражены в 8 публикациях, включая 4 статьи в

журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Поставленные в диссертации задачи обусловили **структуру работы**. Исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во **Введении** даётся обоснование выбора темы диссертационного исследования и её актуальности, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цель, задачи, теоретическая и практическая значимость, а также другие положения, характеризующие методологический аппарат проводимого исследования.

В **первой главе** «Батальные термины французского происхождения в русском языке первой половины XIX века как результат русско-французских культурных отношений» рассматривается история русско-французских культурных отношений как предпосылка для формирования языковой ситуации в России на рубеже XVIII–XIX веков, освещаются общие проблемы теории заимствований и теории терминов, выявляются особенности заимствованной из французского языка военной терминологии в русском языке первой половины XIX века.

Вторая глава «Заимствованная агентивная батальная лексика французского происхождения в русском языке первой половины XIX века» состоит из трёх параграфов: в параграфе 2.1 «Наименования воинских званий и лиц, их носящих» анализируется лексика, обозначающая лиц генеральского и офицерского состава русской армии; в параграфе 2.2 «Наименования лиц, принадлежащих к различным родам войск» даётся характеристика особенностей семантики и функционирования наименований лиц, относящихся к различным родам войск; параграф 2.3 «Наименования должностей в армии и лиц по роду деятельности» посвящён лингвистическому описанию номинаций должностей в армии и лиц по роду деятельности.

Третья глава «Заимствованная предметная батальная лексика французского происхождения в русском языке первой половины XIX века» состоит из двух параграфов: в параграфе 3.1. «Наименования, отражающие организацию

вооружённых сил» рассматриваются номинации войска и его подразделений, родов войск, а также отдельных частей войска, выполняющих определённую боевую задачу; в параграфе 3.2 «Наименования атрибутов (артефактов) военных действий» исследуются семантика и функционирование групп наименований вооружения, военных укреплений, а также предметов военного обмундирования.

В Заключении диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и указываются дальнейшие перспективы исследования.

Приложение даёт возможность представить и обобщить результаты исследования. Приложение включает Словник русской батальной лексики французского происхождения в тексте романа Л. Н. Толстого «Война и мир» с комментариями и текстовыми иллюстрациями.

ГЛАВА I. БАТАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА КАК РЕЗУЛЬТАТ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. История русско-французских культурных отношений как предпосылка для формирования языковой ситуации в России на рубеже XVIII–XIX веков

Взаимоотношения России и Франции имеют многовековую историю. Ещё в середине XI века дочь Ярослава Мудрого Анна стала королевой Франции, выйдя замуж за Генриха I. А после его смерти, став регентшей при его сыне – будущем короле Франции Филиппе I, фактически правила Францией [Карамзин: 212]. Известна личная неприязнь Петра I к Франции, но это никоим образом не отражалось на внешнеполитических отношениях двух стран. В 1717 году после указа Петра I появилось первое посольство России во Франции, что стало отправной точкой для установления дипломатических отношений между нашими странами [Соловьёв 8:318]. В период преобразования русской армии по европейскому образцу в 1712 году во Францию было отправлено несколько русских офицеров [Очерки истории СССР: 358]. Тем не менее, связи с Францией в петровскую эпоху были эпизодическими: главными торговыми партнёрами России были Англия и Голландия, военными союзниками Российского государства выступали северные страны Европы, с которыми Россия входила в коалиционные силы [Биржакова: 24-29].

Начало активных контактов между двумя государствами относится к периоду царствования российских императриц Елизаветы и Екатерины II, когда происходит налаживание, а затем закрепление дружественных отношений. Елизавета Петровна воспитывалась в духе французского общества: к 16-ти годам она в совершенстве знала французский язык, её учителем танцев был французский танцмейстер Рамбур. «По-французски» Елизавету учили для того, чтобы выдать её за какую-нибудь из особ французской королевской крови, но попытки родителей в итоге оказались безуспешными [Соловьёв 9:356].

В. О. Ключевский в «Лекциях по истории России» пишет о страсти русской императрицы к французскому театру и придворным балам, проходившим по описаниям версальских банкетов и фестивалей [Ключевский 1989: 313-316].

Как в XIX веке констатировал французский историк А. Леруа-Больё, тенденция России XVIII века к подражанию всему иностранному на целое столетие затормозила рождение самобытной национальной литературы [Leroü-Beaulieu]: отечественная литература испытывала огромное влияние иностранной западной литературы [Исаченко: 42-45; Макашин: 5-82]. Аналогичное мнение высказывает А. Труайя, который пишет, что у русских писателей той эпохи много прямых заимствований у французских писателей [Труайя: 454-455]. В период царствования Екатерины II из-за границы было выписано множество зарубежных учёных, деятелей искусства, преподавателей, обучение в высших образовательных учреждениях велось на французском языке или на латыни. Как писал историк К. Валишевский, Екатерина приютила у себя «толпу французских придворных, имевших более или менее официальное назначение при дворе Екатерины» (барон Бретейль, принц Нассау, маркиз Бомбелль, Калонн, граф Эстергази, граф Сен-При и др.), которые также получили неслыханные по щедрости подарки [Валишевский: 228]. Как отмечает отечественный историк Н. И. Павленко, ссылаясь на Фридриха Энгельса, «двор Екатерины II превратился в столицу тогдашних просвещенных людей, особенно французов» [Павленко 2006: 130]. Екатерина II, воспитанная на сочинениях и трудах французских просветителей Вольтера, Монтескье, д'Аламбера, Дидро, вела с ними тесную переписку [Павленко 2006: 130-132]. Несмотря на этот факт, идеи французских философов, по мнению Екатерины, не соответствовали её внешней политике. Более того, к концу XVIII века русско-французские отношения характеризуются охлаждением, а в 90-е годы перерастают в борьбу против французской буржуазной революции [Биржакова: 37]. Но такое противоборство на политическом уровне нисколько не сказывается на тенденциях и получившей широкое распространение и влияние моде русского дворянского общества на всё французское, в том числе и на французский язык.

Как отмечал В. О. Ключевский, дворянин екатерининской эпохи «представлял собой очень странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, – всё было чужое, всё привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела... на Западе, за границей, в нём видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, как на случайно родившегося в России француза» [Ключевский 1990: 167].

В XVIII веке достаточно тесные связи между Францией и Россией не ограничивались лишь одним аспектом – например, внешней политикой или торговыми отношениями. Скорее это было тесное всестороннее взаимодействие, которое, кажется, нельзя определить иначе, как «диалог двух культур» – термином, описанным М. М. Бахтиным [Библер: 22]. Диалог происходил не только в области искусства и культуры, но и в сфере государственного устройства, особенно в военном деле, что неизбежно отражалось и в языке. П. А. Вяземский, парафразируя известное изречение, точно характеризует культурные связи России с Францией: «Grattez le Russe, vous trouverez le Parisien» («Поскоблите русского, найдёте парижанина») [Вяземский: 328]. Безусловно, слова Вяземского, одного из самых видных деятелей того времени, поэта и дипломата, представляющего цвет русской аристократии, нужно расценивать как достоверные. Ю. М. Лотман отмечает, что французский язык превратился в язык великосветского общения, выполняя функцию интеллектуального общения и одновременно став «знаком замкнутости дворянской культуры». Далее он пишет: «исторический парадокс русской дворянской культуры заключался в том, что рост патриотических чувств... не вступал в противоречие со столь же бурным процессом распространения французского языка, приводившим к складыванию, в ряде случаев, русско-французского двуязычия» [Лотман 1992: 352-353].

В отечественном языкознании XVIII век определяется лингвистами как время постепенного сложения на национальной основе единой литературно-языковой нормы [Биржакова, Войнова, Кутина, Будагов, Левин, Булаховский 1952, Филин 1983, Будде, Кречмер]. Как отмечалось В. В. Виноградовым,

Ю. С. Сорокиным, А. И. Соболевским и другими лингвистами, формирование современного русского литературного языка сопровождалось активным заимствованием лексики других языков [Виноградов 1978, Соболевский, Сорокин, Крысин 1968, Булич, Огиенко, Бабай, Микитич]. Характеризуя языковую ситуацию в России второй половины XVIII века, лингвисты отмечают огромное влияние французской культуры и языка. Так, Ю. М. Лотман писал, что почти целое столетие, с середины XVIII в. до начала XIX в., французский язык пропитывал почти все сферы общественной и культурной жизни России [Лотман 1992: 2:387]. В. М. Живов утверждал, что «галломания конца XVIII – начала XIX в. представлялась национальной катастрофой, и в языке это сказывалось яснее, чем в какой-либо другой области» [Живов: 444]. В этот период Российская империя активно заимствует у Франции элементы прогресса, культуры, языка, поэтому вместе с заимствованием новых предметов и явлений в русский язык приходят номинации, их обозначающие.

В течение всего XVIII и в первой половине XIX веков французский язык оказал, несомненно, огромное влияние на состав и функционирование русской лексики. Академик А. А. Шахматов относительно этого периода писал следующее: «прилив французских слов не прекращался, причем заимствовались не только слова, необходимые для выражения новых понятий в области техники и культуры, но также и такие, которые имели при себе в русском языке равнозначные или почти равнозначные синонимы; в светском обществе явилось стремление отделиться от простонародного, избегать «подлых», т.е. обыденных, простых выражений, заменяя их более вычурными и прежде всего иноземными» [Шахматов: 93].

Именно в этот период активизируется поток заимствований из французского языка в русский. Первые галлицизмы проникли в русский язык в Петровскую эпоху, вторая волна заимствований из французского языка, уже менее интенсивная, приходится на времена царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II [Биржакова: 37]. К концу XVIII века лексика, заимствованная при Петре I, закрепляется в словарном составе русского языка, а особенно значимыми

заимствования из французского языка становятся в связи с галломанией светского общества. В роли основных языков-источников на первое место вышли французский и немецкий языки, поэтому количество галлицизмов в русском языке в эту эпоху достаточно велико и по объёму заимствований французский язык занимает одну из лидирующих позиций [Биржакова: 54; Ковалевская: 159; Кузнецова: 140].

Вероятно, причина такого количества галлицизмов в русском языке кроется в огромных успехах Франции, мощного и процветающего во всех областях государства. Франция по праву считалась (и считается до сих пор) страной-законодательницей культуры и моды на всё изысканное. Как пишет Ю. М. Лотман в «Избранных статьях», с одной стороны, французский язык, вытеснив латынь, сделался к этому времени международным языком науки и дипломатии, а французская культура по праву заняла среди европейских культур ведущее место [Лотман 1992: 350]. С другой, знание французского языка, отражающего атмосферу европейских дворов, стало своего рода пропуском в высшие слои общества, поэтому русское дворянское общество, стараясь не отставать от французских аристократов, перенимало новые реалии вместе со словами, обозначающими эти понятия.

Известно, что галлицизмы проникали во многие сферы жизни и деятельности русских людей – искусство, культура, мода, одежда, интерьер, кулинария и т.п. [Булаховский 1937: 22; Виноградов 1982]. Это касалось не только высших классов, но и непривилегированных сословий – купцов, приказчиков, мещан [Батова 2006]. Несмотря на роль французского как языка великосветского общения и даже общения в непривилегированных слоях русского общества, его влияние русский языковой строй испытал также и в военной сфере: процесс заимствования из французского языка коснулся не только языковых единиц, отражающих культурно-бытовую сферу жизни общества, но и лексики, так или иначе связанной с военной деятельностью. По словам Ф. П. Сороколетова, первые галлицизмы военной тематики начали входить в русский язык на столетие раньше петровских реформ [Сороколетов: 269], но процесс массового заимствования

отмечается в эпоху Петра I. В Табели о рангах, составленной по образцу европейской системы чинов и званий, встречается немало заимствований из французского, особенно в названиях чинов военных (*маршал, генерал-аншеф, премьер-майор, секунд-майор, капитан, лейтенант* и др.) [Табель о рангах 1]. Как отмечает В. В. Виноградов, в петровскую эпоху военная лексика, заимствованная из того или иного языка-донора относилась к определённой тематике. Так, в терминах морского дела господствовали заимствования из голландского (*рейд, киль, фарватер, шкипер*) и английского (*бот, шхуна, бриг, мичман*) языков. Многочисленная группа слов, обозначающих сухопутные термины, заимствована из немецкого языка (*юнкер, гауптвахта, лагерь, штурм*). Но в таких терминах было заметно и сильное влияние французского языка (*барьер, батальон, гарнизон, марш, мортира, лафет*), вероятно, обусловленное тем, что во Франции прежде всего было заведено постоянное войско [Виноградов 1982: 60].

Образцовая строгая организованность и дисциплинированность армии Германии, прививаемая в русской армии, чему способствовали немецкое происхождение многих российских императоров XVIII века и тесные контакты в рамках различных военных союзов с Германией, также оставили след в русском языке в виде заимствований из немецкого языка (*офицер, солдат, генерал-фельдцейхмейстер, ротмистр, плац, regiment, штаб*) [Кепещук; Розенцвейг; Сидоров; Bond].

Несмотря на длительное влияние организованной немецкой военной системы, в конце XVIII века именно Франция послужила примером для подражания для армии Российской империи с её сословной составляющей, поскольку в эту эпоху французские войска во главе с императором Наполеоном стали образцом непобедимости, демонстрируя её в сражениях, а не на плацу. Такая область, как военная, не имела ничего общего с представлением прекрасного и изящного, и интересы русского дворянского общества были далеки от страшной действительности военных действий, тем не менее наружная, иногда показная, сторона быта русских офицеров, их внешний вид, были предметом восхищения представительниц светских кругов. «Культ мундира» в дворянском

обществе, особенно дамском, имел особое значение: «в глазах прекрасного пола, не последнюю роль играла эстетическая оценка: расшитый, сверкающий золотом или серебром гусарский, сине-красный уланский, белый (парадный) конногвардейский мундир был красивее, чем бархатный кафтан щеголя или синий фрак англомана» [Лотман 1994: 46]. Как писал Стендаль, современник Наполеона, служащий наполеоновской армии и участник русской кампании 1812 года, блестящие успехи французской армии в Африке и победы в Европе, основанные на любви и почитании французскими солдатами своего императора Наполеона, стали предметом для зависти и примером для подражания для многих армий европейских стран, в том числе и для русской [Стендаль: 327-336]. В отличие от победоносной французской армии, популярная во времена Павла I модель строго организованной немецкой армии с присущими ей формализмом, иногда тупостью, с железной дисциплиной, скучной муштрой и постоянной маршировкой по плацу, оказалась менее подходящей. Поэтому многие военные термины заимствовались в XVIII веке из французского языка, и если в начале XVIII века новая терминология только входила в русский язык, то к началу следующего столетия в эпоху Александра I она стала особенно употребительной.

1.2. Проблемы теории заимствований. Заимствования из французского языка в русский

Любой язык мира постоянно развивается, избавляясь от «ненужных», неупотребляемых слов и обогащая свой состав новыми словами. Этот процесс протекает двумя способами – путём использования собственных языковых средств и при помощи заимствований. Русский язык, как и многие другие языки, не является замкнутой языковой системой, заимствуя новую лексику из других языков. Среди процессов, происходящих в языке и способствующих его развитию, процесс заимствования занимает важное место. Поэтому вопросам, связанным с заимствованием и функционированием иностранной лексики в языке-реципиенте, уделяется большое внимание в работах многих видных русских и зарубежных лингвистов: Н. С. Авилова, М. П. Алексеев,

О. С. Ахманова, Ш. Балли, Е. Э. Биржакова, Л. Блумфилд, В. А. Богородицкий, Р. А. Будагов, Л. А. Булаховский, Ф. И. Буслаев, В. В. Виноградов, Л. А. Войнова, Э. Ф. Володарская, Н. В. Габдреева, Я. К. Грот, Е. А. Земская, Р. С. Кимягарова, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Л. Л. Кутина, Д. С. Лотте, О. А. Леонтович, Е. В. Маринова, Л. Д. Микитич, О. С. Москальская, И. И. Огиенко, Г. Пауль, И. В. Привалова, И. А. Смирнов, А. И. Соболевский, Ю. С. Сорокин, А. В. Суперанская, Э. Хауген, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелёв, Л. В. Щерба и др.

1.2.1. Общие проблемы теории заимствований

Лексеме, пришедшей из другого языка, в языкознании присвоено немало вариантов её наименования – заимствование, заимствованное слово, иноязычие, иноязычная лексема, иноязычный элемент, иноязычное вкрапление. Л. П. Крысин отмечает, что «в лингвистике нет однозначного определения или по крайней мере более или менее одинакового понимания самих терминов «заимствование» и «заимствованное слово»... В настоящее время... не существует общепринятого понимания того, что такое «заимствованное слово», чем этот термин отличается от терминов «иноязычное слово», «иноязычное вкрапление» и др.» [Крысин 1965: 104-110]. В данной работе мы остановимся на более привычном и распространённом в научной литературе употреблении термина «заимствование». Определение этого термина даётся во многих трудах, где почти в каждом предлагается двойное толкование понятия: с одной стороны, это процесс, а с другой – результат.

Русский лингвистический энциклопедический словарь даёт следующее определение термина: «заимствования – элементы чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесённые из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода одного языка в другой» [ЛЭС: 158]. В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой для термина «заимствование» приводится следующее толкование: «1. Обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов

(нередко сами эти предметы становятся известными носителям данного языка лишь вследствие контактов с теми народами, из чьих языков заимствуются соответствующие слова). 2. Слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования (в 1 знач.); ср. заимствованное слово» [СЛТ: 151]. Н. М. Шанский отмечает, что «под заимствованным следует понимать всякое слово, пришедшее в русский язык извне, даже если оно по составляющим его морфемам ничем не отличается от исконно русских слов...» [Шанский 1987: 1:33].

Г. Пауль в книге «Принципы истории языка» под иноязычным влиянием понимает либо заимствование «иноязычного материала», либо использование собственного языкового материала с комбинированием элементов и их приспособлением к содержанию понятия «по чужеземному образцу», т.е. калькирование [Пауль: 461]. По мнению Э. Хаугена, «заимствованным» слово можно считать в тех случаях, когда из иностранного языка заимствуется как значение, так и звуковая оболочка слова» [Хауген: 354]. Во французском словаре лингвистических терминов данное понятие трактуется следующим образом: *Emprunt (Borrowing – Entlehnung, Lehngut) Or ces choses nouvelles peuvent venir de l'étranger, où elles sont déjà dénommées. On constate que l'emprunt est non seulement un phénomène essentiellement lexical (opposé à grammatical), mais encore et surtout un phénomène nominal* (Новые понятия в язык могут приходиться из иностранных языков, где эти понятия уже лексикализованы. Поэтому считается, что заимствование – не только собственно лексическое явление, противоположное грамматическому, но также и в большей степени явление номинативное) [Langage: 95, 119].

Каждая из предложенных дефиниций представляет собой единство процесса и результата, причём все исследователи указывают на то, что заимствования приспособляются (адаптируются) к системе языка-реципиента и нередко усваиваются им до такой степени, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка, а обнаруживается только лишь с помощью

этимологического анализа. В последнем случае мы имеем дело с полной ассимиляцией языковой единицы.

Для определения степени усвоенности иноязычной лексики вслед за Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиной мы предлагаем разграничить термины *адаптация* и *ассимиляция*.

Адаптация (лат. *adaptio* – приспособление, прилаживание) – формальное, т.е. фонетическое и морфологическое, усвоение иноязычной лексемы принимающим языком. Формальное приспособление иноязычного слова к фонетическим нормам, а также включение лексемы в морфологические парадигмы заимствующего языка еще не означает, что данное слово полностью усвоено языком, стало членом его лексико-семантической системы.

Ассимиляция (лат. *assimilatio* – уподобление, отождествление) – словообразовательное и семантическое усвоение заимствования языком-реципиентом. Если иноязычное слово стало базой для образования дериватов, словообразовательных цепочек и словообразовательного гнезда, если оно имеет устойчивое изменившееся или не изменившееся в новой языковой системе лексическое значение, обладает определенным и разнообразным набором лексических валентностей, вступает в синонимические, антонимические, родовидовые и другие отношения с лексическими единицами принимающего языка, – то есть если налицо признаки словообразовательной и семантической усвоенности иноязычного слова, то оно, следовательно, является полноправным членом словаря данного языка, полностью уподобилось по своим свойствам другим элементам лексико-семантической системы.

Процесс усвоения иноязычного слова языком-рецептором предполагает его *формальную адаптацию* (звуковую, орфографическую, акцентологическую, грамматическую) и *семантическую ассимиляцию*. «Это вопрос о включении его в лексико-семантическую систему принимающего языка, установление его разнообразных связей с исконными элементами словаря, включение его в разнообразные ряды и цепи зависимостей. Это вопрос об отношении нового слова к синонимическому ряду подобозначных слов и размежевание его – смысловое и

стилистическое – с иными элементами этого ряда; появление у него антонимических оппозиций на почве нового языка, занятие им определенного места в семантических структурах и микроструктурах нового языка и изменения в них, вызванные их вхождением» [Биржакова: 13].

Важными критериями полной ассимиляции иноязычного слова на почве данного языка, принадлежности заимствования лексической системе принимающего языка считают следующие:

1. Передача иноязычного слова фонетическими и грамматическими средствами заимствующего языка.

2. Отсутствие фонетических и грамматических колебаний в слове, выраженных наличием фонетических и грамматических дублетов.

3. Включение слова в парадигму склонения и спряжения заимствующего языка.

4. Устранение смысловой дублетности слова.

5. Появление из заимствованного слова производных на почве принимающего языка и подчинение его словообразовательным законам усвоившего языка.

6. Регулярная употребляемость в речи.

7. Формирование разнообразных лексических валентностей заимствованного слова [Крысин 1968].

Как известно, широкое употребление неусвоенных или малоусвоенных заимствований из западноевропейских языков явилось характерной чертой нового литературного языка в петровскую эпоху. Этот процесс связывается с интенсивным развитием в различных областях науки, хозяйства, государственной и военной организации, культуры. Тем не менее, по словам В. М. Живова, заимствования выступали прежде всего как «показатель новой культурной ориентации, их употребление свидетельствовало о причастности к новой петровской культуре, об усвоении новой системы ценностей и вместе с тем об отказе от традиционных представлений. Интенсивность употребления заимствованной лексики была обусловлена именно этой её ролью, тем, что слова

приходили не вслед за вещами и понятиями, а опережая их или не соотносясь с ними» [Живов: 146].

Как полагают, в современном русском языке содержится от 10 до 35% заимствованной лексики (учитываются не только слова, но и словообразовательные элементы, фонетическая, акцентологическая специфика и др.). В её составе выделяют: 1) славянские, родственные и 2) неславянские, иноязычные заимствования. К первым относят слова старославянские, украинские, польские и др., ко вторым – греческие, латинские, итальянские, французские и т.д. [Шахматов: 76; Диброва 1:299].

Литературный язык Петровского времени от предшествующего периода развития языка отличался засилием иноязычной лексики. Известно, что заимствования являются частью лексической системы любого языка, но, по мнению, В. М. Живова, они «ничего не дают для определения статуса языка: сколько бы заимствований из голландского или немецкого не появилось в рассматриваемый период, русский язык не становился от этого голландским или немецким и даже не сближался с ними» [Живов: 89].

1.2.2. Классификация заимствований

Несмотря на то, что и в русской, и в зарубежной лингвистической литературе накопилось значительное число работ, посвящённых исследованию вопросов заимствования [Гальди; Епимахова; Константинова; Майоров; Мартынова; Никитин; Сергеева; Bassnett и др.], до сих пор нет универсальной классификации заимствованной лексики. В основу классификации заимствований может быть положено несколько критериев. Как известно, понятие заимствования включает следующее: 1) источники заимствований; 2) устное/письменное; 3) прямое/опосредованное; 4) древнее/позднее/позднейшее/новое/новейшее; 5) уровневое/межуровневое заимствование [Диброва 1:296].

Основными критериями для типологизации заимствований у многих немецких лингвистов являются природа заимствования (фонетическое, лексическое, культурное заимствование) и его функционально-стилевые

особенности, которые неразрывно взаимосвязаны между собой [Пауль 1960: 461-462]. Э. Хауген, исходя из степени морфемной и фонемной субституции (нулевой, частичной и полной) иноязычной модели средствами заимствующего языка, группирует все заимствования по их структурным признакам на: 1) заимствованные слова, то есть полностью воспроизведённые иноязычные морфемы с нулевой, частичной или полной фонемной субституцией; 2) заимствованные морфемы, то есть частичное воспроизведение иноязычной модели; 3) заимствованные значения с нулевым морфемным и фонемным воспроизведением иноязычной модели [Хауген: 344-382]. Классификация Л. Блумфилда также имеет одноуровневую структуру, где он различает три вида заимствований с точки зрения их кодификации: 1) заимствование понятий культуры, 2) «внутреннее» заимствование, происходящее вследствие непосредственных языковых контактов, обусловленных территориальной или политической близостью; 3) диалектные заимствования, проникающие в литературный язык из диалектов [Блумфилд: 233].

Предложенный А. Шлейхером принцип деления всех иноязычных слов на заимствованные – *Lehnwörter* – и иностранные слова – *Fremdwörter* в отечественной лингвистике оказался малопригодным, поскольку и те, и другие одновременно «иностранные» и «заимствованные». А. А. Реформатский различал 2 группы заимствований – 1) слова усвоенные и освоённые, и 2) усвоенные, но не освоённые [Реформатский 2002: 74].

Используя трёхступенчатый подход к классификации заимствований, В. М. Аристова предлагает различать три типа заимствованных слов: *проникновения*, *заимствования* и *укоренения* [Аристова: 151]. Л. П. Крысин выделяет иноязычные вкрапления, экзотизмы и собственно заимствованные слова. Не принадлежащие лексической системе русского языка слова первых двух типов противопоставляются заимствованным словам [Крысин 1996: 43-52]. Л. П. Крысин детально описывает этапы освоения иноязычного слова: 1) употребление иноязычного слова в его исконной форме, без транслитерации, 2) употребление в кавычках, с транслитерацией и транскрипцией, 3) употребление

«на равных» с единицами родного языка, но с сохранением некоторых особенностей, 4) этап утраты особенностей и этап стабилизации значения, 5) регистрация иноязычного слова в толковом словаре [Крысин 1996: 142-161].

Э. В. Кузнецова в процессе заимствования выделяет следующие типы усвоения иноязычного слова: 1) фонетико-графическое (т['э]зис вместо т[э]зис); 2) морфологическое приспособление: а) утрата иноязычных флексий, б) замена флексий русскими окончаниями, в) смена родового значения, г) изменение грамматического (флексийного) оформления и структуры основы; и 3) семантическое усвоение [Кузнецова: 147]. Принцип классификации Н. М. Шанского и А. Н. Тихонова основан на способе словообразования при заимствовании. Двухуровневая структура предложенной ими классификации предполагает 4 типа: 1) лексико-синтаксические; 2) лексико-семантические; 3) морфолого-синтаксические и 4) морфологические заимствования. Последние в свою очередь подразделяются на заимствования, образованные: а) путём сложения; б) суффиксальным способом; в) безаффиксным способом и г) калькированием [Шанский 2:61]. Обширный обзор классификаций заимствований приведён в статье «Иноязычные слова в лексической системе языка» Л. П. Лобковской, где автор показывает их многочисленность и разнообразие [Лобковская: 109-120].

Ввиду определённости временного периода вхождения заимствований в русский язык и их языка-источника, обусловленных целями и задачами данного исследования, в качестве основного классификатора на первый план выдвигается критерий степени ассимиляции. В нашей работе разграничиваются две группы лексических заимствований: 1) усвоенные заимствования, и 2) не полностью усвоенные заимствования. Во вторую группу заимствований, как отмечал Ю. С. Степанов, могут включаться также интернационализмы, относящиеся к области специальной терминологии разных отраслей науки и техники [Степанов: 191], которые сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей. Степень ассимиляции заимствований в работе рассматривается преимущественно

в синхронном аспекте, поскольку, как указывает В. М. Аристова, «членение заимствований по степени адаптации будет правомерным лишь в какой-то определённый исторический момент; для каждого последующего периода такая классификация будет явно анахронична по отношению к постоянно развивающейся лексической системе языка» [Аристова: 8].

В силу характера процесса заимствования, в результате особенностей взаимодействия языка-донора и языка-реципиента, когда вместе с понятием полностью заимствуется и слово, большинство галлицизмов в нашем материале являются *прямыми заимствованиями* (*генерал, батальон, капитан, маршал, картечь, корнет, сержант, плюмаж, майор, редут, драгун, капрал, флешь* и др.). Наряду с прямыми заимствованиями в лингвистике также выделяются *кальки* [Лотте: 12; Крысин 2002], которых среди рассматриваемых нами батальных галлицизмов не оказалось. Среди прямых лексических заимствований можно выделить небольшое количество слов, которые на этапе вхождения в русский язык испытывают морфологические преобразования [Беликова]. Некоторые сложные слова, которые во французском языке были образованы путём сложения двух слов, заимствуются русским языком в «готовом» виде (*авангард* от *avant-garde*, *арьергард* от *arrière-garde*, *генерал-лейтенант* от *general-lieutenant*).

1.2.3. История батальной лексики в русском языке. Заимствованная лексика французского происхождения в русском языке XVIII – первой половины XIX вв.

Как отмечают многие лингвисты, заимствования в любом языке признаются естественным и неизбежным явлением и следствием развития и прогресса [Ларин, Булаховский 1954, Виноградов 1977, Сорокин, Грот, Вендина, Алексеев]. Т. Кабре в книге «Терминология» отмечала, что терминология имеет дело также с терминами не только в рамках узкой сферы или одного языка, но и в международном масштабе: *Terminology also conceives of terms in an international sense, and as a result gives priority to those methods of term formation that bring historical languages closer to one another. This leads to the adoption of international*

criteria for term formation and guidelines that are broader than those customary for a single language, e.g. the preference for terms formed with Greek and Latin roots and affixes. It is the task of terminologists to find a happy medium between authenticity and internationalization (Интернациональная природа терминов приводит к формированию международных критериев образования терминов и к требованиям, которые выходят за рамки отдельно взятого языка – например, предпочтительное использование терминов, образованных с использованием корней и аффиксов греческого или латинского языков. Задача термиологов – установка золотой середины между аутентичностью и интернационализацией терминологического аппарата) [Sabré: 34]. Нередко слова какого-либо одного языка получали распространение во многих других языках мира и носили название интернациональной лексики [Маслов: 205]. В разные исторические эпохи вклад в фонд интернационализмов вносили языки разных народов. Первым таким ареалом из европейских стран стала Италия, вступившая на путь капиталистического развития, откуда начали распространяться такие заимствования (*банк, кредит, баланс* и др.). Позднее неоспоримый вклад в общественно-политическую жизнь европейских государств внесли Англия, Германия, Голландия. В XVII-XVIII веках в центр культурной и политической жизни Европы выдвигается Франция. Русский язык также пополнялся интернационализмами [Авилова; Мальцева], и в этот период основным источником его обогащения становится французский язык. Б. А. Успенский пишет, что «это отношение к французскому языку и культуре основывается на убеждении в единстве пути всех народов, охваченных процессом цивилизации: путь этот мыслится как постепенное и последовательное движение к одной цели, где одни народы оказываются впереди, а другие следуют за ним. Французскому народу суждено было возглавить это движение (на соответствующем историческом этапе), и поэтому французская культура служит ориентиром для других культур, шествующих по дороге прогресса» [Успенский: 153]. Он опирается на мнение П. И. Макарова: «язык следует всегда за Науками, за Художествами, за просвещением, за нравами, за обычаями, между тем, в

отношении к обычаям и понятиям мы теперь совсем не тот народ, который составляли наши предки, следовательно хотим сочинять фразы и производить слова по своим понятиям, нынешним, умствуя как Французы, как Немцы, как все нынешние народы» [Успенский: 153].

В России во второй половине XVIII века большинство читающей публики владело иностранными языками, придворные офицеры, служащие государственного аппарата, журналисты, писатели говорили по-французски, законодательницей мод стала Франция, преобладали переводы с французского языка (в 90-е годы их 55%, то есть больше половины всех переводов) [Биржакова: 55]. Поэтому всё это обусловило вхождение в русский язык французских слов, для многих из которых требовались перевод или пояснение значения [Ганцовская 2004]. Во второй половине XVIII века словарный состав русского языка пополнился галлицизмами из различных сфер жизни общества: *абажур, абордаж, аванпост, авансцена, альбом, афиша, баллада, баллон, бильярд, бинокль, бланк, брошюра, букет, вальс, велюр, винегрет, водевиль, гарнизон, гарнитур, гурман, дезертир, демагог, десерт, деталь, дирижёр, дублёр, жабо, жакет, жилет, идеал, интерес, кабинет, кашне, кокетка, контраст, костюм, ликёр, материализм, материалист, паркет, партнёр, пейзаж, персонаж, суфлёр, сюжет, тост, тротуар, туалет, факт, флакон, шаль, эгоист, эполеты, эстетика, этюд* и др.

Проникнув во многие сферы деятельности дворянского общества, а вслед за этим и в речь многих слоёв русского непривилегированного населения, галлицизмы выполняли в русском языке особую функцию. Несмотря на роль французского в основном как языка великосветского общения, процессу заимствования подверглась лексика не только культурно-бытовой области, но и лексика, связанная с военной деятельностью [Волотов 2012:63-66]. Заимствованию лексики подобной тематики способствовали два объективных сопутствующих друг другу фактора. Во-первых, русская армия петровских времён нуждалась в коренных преобразованиях её организации, в создании регулярной армии [Павленко 1990: 45]. Во-вторых, Пётр I, прорубивший «окно в

Европу», использовал иноязычные термины для обозначения новых реалий, в результате чего возникла потребность в новой терминологии.

Батальная лексика русского языка XVIII – первой половины XIX веков является одним из крупных пластов заимствований из французского языка в русский, поэтому она широко представлена французскими заимствованиями – *абордаж, авангард, апрош, армия, арсенал, арьергард, атака, баталия, батальон, батарея, бивак, ботфорты, гарнизон, гвардия, генерал, генерал-аншеф, гренадер, диверсия, дивизия, драгун, жандарм, интендант, инфантерия, кавалергард, кавалерия, кавалькада, казарма, канонада, канонир, капитан, капонир, кираса, коннетабль, лафет, люнет, маневр, маршал, мортира, мушкет, ординарец, парад, плюмаж, редан, редут, ретирада, ретраншементы, сержант, тет-де-пон, траншея, фланг, фронт, шинель, эполет, эскадрон, эскари* и др.

Изучение исторического развития лексики русского языка имеет неравномерный характер. Это выражается прежде всего в далеко не одинаковой изученности различных лексических групп [Алимпиева; Уфимцева 1962; Уфимцева 1968]. Слова, относящиеся к выражению системы понятий военного дела, давно уже привлекали внимание исследователей. Имеется целый ряд работ, так или иначе связанных с изучением военной лексики и фразеологии древнерусского языка, начиная от тех, которые рассматривают военную лексику в качестве вспомогательного материала для различного рода исторических, археологических и тому подобных исследований, изысканий этимологического характера, замечаний по значению и употреблению отдельных слов, до работ, специально посвящённых исследованию военной лексики в тот или иной период истории русского языка. Одной из первых попыток описания военной лексики древнерусского языка явилась работа А. С. Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным», в которой основной целью был анализ слов, обозначающих «занятия, промыслы и ремесла с относящимися к ним орудиями». Значительное место анализу некоторых разрядов военной лексики и фразеологии уделено в работах Ф. П. Филина, А. И. Генсёрского, С. Д. Ледяевой. Военная лексика второй половины XVII века и первой половины

XVIII века была предметом специального рассмотрения в кандидатской диссертации М. Ф. Тузовой «Русская военная лексика второй половины XVII века – первой половины XVIII века», где основное место занимает анализ установления новых явлений в военной терминологии и анализ закономерностей лексико-семантических изменений и сдвигов в этой терминологии, имевших место в русском языке XVII – первой половины XVIII века.

1.3. Проблемы теории терминов. Батальные термины французского происхождения в русском языке

Изучение проблем терминологии отечественными и зарубежными учеными-лингвистами всегда имело перед собой множество вопросов. Всегда остро обсуждалась проблема разграничения общей и специальной лексики в любом языке мира, и мнения языковедов в данном случае оказываются различны: в модели Э. Хаугена терминология является частью процесса разработки функций языка, аспектом интеллектуализации в модели развития языка Пола Гарвина, частью процесса модернизации в схеме Чарльза Фергусона, составным элементом культивационного подхода, представленного Иржи Неуступны [Antia: 9]. В книге «Терминология» Т. Кабре утверждает, что терминология является частью лингвистики, т.е. термин – это компонент словарного состава языка, поскольку речь носителей языка полностью не исключает использование специальной лексики [Cabré: 32].

Одним из немаловажных в лингвистике считается вопрос о природе термина [Реформатский 1974]. Существует немало определений термина, но полной и точной характеристики понятия *термин* до сих пор не разработано. Это связано с тем, что универсального понимания слова *термин* нет. В понимании представителей разных дисциплин оно связывается с определёнными понятиями, по-своему ими представляется и поэтому имеет неравный объём содержания. Так, например, если философы определяют термин как сокращение дефиниции, то для языковеда термин – это имя понятия, а дефиниция – развёрнутое толкование этого имени. Как справедливо отмечают авторы «Общей терминологии», «лингвист

склонен считать термином заимствованное слово, поскольку оно выделяется на фоне словарного состава принимающего языка как нечто чужеродное. При этом для него бывает важнее представленность этого слова в нескольких иностранных языках, а не наличие у него дефиниции» [Суперанская: 11]. В исследовании «Основы лексикографического описания терминосистем» С. В. Гринёв затрагивает проблемы соответствия понятий и терминов, формирования терминосистем, недостаточности семантического описания терминов в современных специальных словарях [Гринёв: 12]. О природе термина А. С. Герд пишет следующее: «своеобразие термина в том, что термин – это слово, которому искусственно, сознательно приписывается то или иное определение, связанное с тем или иным научным понятием.., которое в конечном счёте всегда шире этого определения и потому никогда с ним не совпадает» [Герд: 101]. Б. Н. Головин в статье «Термин и слово» приводит позицию Г. О. Винокура о том, что термин – это слово в особой, номинативной, функции [Головин 1980: 3]. Эта позиция, убедительно оспаривается А. И. Моисеевым и А. А. Реформатским [Моисеев; Реформатский 1968].

Обратимся к некоторым определениям слова *термин*. Т. Л. Канделаки даёт следующее определение термина – «под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции» [Канделаки: 7].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахманова называет термином «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемого (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [СЛТ: 474].

Выделим наиболее подходящие рабочие определения термина, на которые мы будем опираться в работе. Термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях. С номинативной точки зрения, термин – это словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определённой области

профессиональных знаний. Из этих определений термина вытекает, что это «специальное слово профессиональной сферы».

В исследовании мы рассматриваем лексику уникальную, во многом аутентичную, узкоспециальную, которая впоследствии устаревает и не попадает во многие толковые словари современного русского языка, но тем не менее интересную с точки зрения развития русского литературного языка. Об этом типе лексики и её лексикографическом отражении (месте специальной терминологии в общих словарях русского языка) пишет С. И. Ожегов: «Ясно, конечно, что словарь большого типа должен с возможной полнотой отражать терминологическую лексику. <...> Из терминологии, бытовавшей в словарном составе русского языка с XIX в. и затем отпавшей, в большой словарь должна включаться только та, которая отражала существенные явления в развитии науки, техники, искусств. Таковы, например, старые физические термины *теплород*, *магнетизм*, военные *люнет*, *флеш* или ещё памятные, но теперь отпавшие общественно-политические термины *дауэсизация*, *оптант* и т. п. Вряд ли необходим подобный разряд терминологии в общих словарях среднего и краткого типов» [Ожегов 1981: 252].

К таким специальным словам относится и батальная лексика, поскольку составляет систему понятий военной области.

1.3.1. Терминологические качества батальной лексики

Батальная лексика является частью лексической системы любого языка, в отдельный тематический лексический пласт она выделяется и в русском языке. Батальными считаются слова, относящиеся к баталии [СЦСРЯ 1:24]. В других словарях русского языка приводится также следующее значение слова «батальный» – «изображающий военные сражения или военный быт» [БАС 1:294; МАС 1: 64]. Такая лексика обозначает любые военные понятия, а также понятия, связанные с военными событиями, сценами военной действительности. В связи с тематикой понятийного аппарата и специализированной сферой применения и функционирования этой лексики зависят её следующие типологические качества

– особенности семантики, формы, проявления внутрисистемные и внесистемные связи, а также особенности синтагматических отношений.

Батальная лексика существовала в русском языке с древних времён. В трудах многих отечественных исследователей и лингвистов, посвящённых изучению лексики древнерусского языка, рассматриваются слова, имеющие отношение к военному делу. Так, в вышеупомянутой работе А. С. Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным», наряду со словами, обозначающими «занятия, промыслы и ремесла с относящимися к ним орудиям», анализируются и термины военного дела – *война, рать, бой, битва, борьба, победа, поражение, плен, меч, лук, стрела, пушка* и др. [Будилович]. Источником анализируемых терминов выступали различные памятники древнерусского языка – «Повесть временных лет» в составе Лаврентьевского и Ипатьевского летописных сводов, сборник законов Киевской Руси «Русская правда» и др. Так, М. Н. Тихомиров пишет, что в статьях «Русской правды», касающихся проблем мирного сосуществования с соседними народностями, содержится специализированная лексика военной тематики – *тысяцкымь, оружеемь, ротѣ, рубежа* и др. М. Н. Тихомиров приводит следующие примеры: *Се язъ князь Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою и с тысяцкымь Яковомъ и съ всѣми Новгородьци, подтвердихомъ мира старого с посломъ Арбудомъ; Оже ударять мужа оружеемъ либо коломъ, то 7 гривень за рану старые; Оже тяжа родится бес крови, снидутся послуи, Русь и Нѣмци, то вергутъ жеребее, кому ся выимъть, рот шедъ, свою правду въмутъ* [Тихомиров: 130].

Ф. П. Сороколетов отмечал, что «в древнерусскую эпоху нельзя было говорить о существовании уже сложившейся и обособленной профессиональной военной терминологии, хотя специализация лексики уже выделялась» [Сороколетов: 30]. Русская батальная лексика представляла собой огромный пласт лексики, в которую входили слова скандинавского происхождения, финно-угорская лексика, но по большей части основу составляли славянские наименования. Но постольку военные термины имели славянское происхождение

и парадигматические связи с общеупотребительной лексикой были очень тесными, степень терминологичности такой лексики представлялась низкой. Действительно, по словам Ф. П. Филина, «в нашей оригинальной письменности имеются сотни военных терминов и специальных выражений, которые в целом представляли развитый профессиональный язык в древнекиевской Руси. Однако этот профессиональный язык корнями своими был теснейшим образом связан с общеразговорной и литературной речью, составлял часть её. Военное значение многих терминов определялось лишь контекстом речи; в ином речевом контексте эти термины могли принимать и другие значения (социально-политические, бытовые, абстрактные и т.п.)» [Филин 1949: 80:166].

Остро стоящая в древнерусский период проблема защиты своей территории требовала вовлечения всего народа в военную службу, вследствие чего ставила перед необходимостью знакомства с военным бытом и его реалиями. Отсутствие технически сложных приспособлений и простота военных действий также способствовали усвоению понятий военного дела, поэтому такая лексика была близка и известна всему народу.

Нельзя не согласиться с Ф. П. Сороколетовым, что история военной лексики русского языка XI-XVII веков – это история становления и развития специальной терминологической системы как части словарного состава языка. Переломным моментом в развитии военной лексики стал период правления Петра I. Изменение в сторону увеличения количественного состава лексики военной тематики, появление многообразия её типов и видов было обусловлено включением в систему европейских ценностей милитаристского характера. Так, например, Табель о рангах полностью копировала европейскую иерархическую систему званий и чинов вместе с их иноязычными наименованиями.

Следует также отметить, что в процессе заимствования перенимались уже готовые термины, а не слова, терминологическое значение которых вырабатывалось уже непосредственно в русском языке. Это происходило так, потому что заимствованная лексика в отличие от слов «общего языка» способна лучше выполнять терминологические качества [Ахманова: 114]. К таким

качествам, отличающим термин от общеупотребительного слова, относятся системность, наличие точной дефиниции, отвлечённость, тенденция к моносемичности, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность, узкая профессиональная сфера употребления и кодифицированность [ЛЭС: 508].

Системность заимствованной батальной лексики проявляется в формировании особой структуры – терминосистемы. Так, воинские звания составляют терминосистему воинских званий и чинов, отражённую в Табели о рангах, лексемы *редут*, *батарея*, *флешь* являются элементами терминосистемы военных укреплений, слова *армия*, *дивизия*, *дивизион*, *батальон* и т.п. относятся к группе терминов, обозначающих военные подразделения и т.д. Моносемичность большинства терминов (*арсенал*, *батальон*, *бивак*, *ботфорты*, *гренадер*, *диверсия* и др.) не вызывает сомнений, однако некоторые заимствованные термины при длительном функционировании в языке-реципиенте могут приобретать новые значения на основе исходного, проходя процесс детерминологизации, который описан в работе А. В. Суперанской, Н. В. Подольской и Н. В. Васильевой [Суперанская 1993: 133].

Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин в «Лингвистических основах учения о терминах» также отмечают, что «значение слова-термина соотносит его прежде всего не с отдельным предметом, а с их классом, рядом, типом; значение слова-нетермина соотносит его прежде всего с конкретной вещью, предметом, свойством, процессом и т.д., хотя в определенных контекстах слово-нетермин соотносится с понятием или общим представлением. Значение слова-термина соотносит его также с профессиональным научным или техническим понятием; значение слова-нетермина соотносит его не только с бытовым понятием или общим представлением, но и с эмоцией, волевым импульсом, эстетическим переживанием» [Головин 1987: 43-44]. Терминоведы отмечают отсутствие экспрессивности термина в языке, однако в речи, в произведении, к основному значению могут добавляться дополнительные значения, при этом термин не становится полисемантом. Так, например, лексема *батарея* в словосочетании *батарея Раевского* может обозначать в сигнификативном плане как

оборонительное укрепление из орудий под руководством генерал-лейтенанта Раевского, так и символ отваги и доблести оборонявших эту батарею солдат русской армии; в номинативном плане оставаясь термином.

1.3.2. Французская батальная терминология в русском языке

На рубеже XVII-XVIII веков произошел качественный скачок в развитии части русского языка, касающейся словарного запаса батальных терминов, поскольку славянские названия реалий начали постепенно уходить на второй план. Несмотря на жёсткий пуризм в то время, русская батальная лексика замещалась заимствованными терминами. Этот факт находит своё подтверждение в словарях той переходной эпохи. Так, например, в Словаре Академии Российской в шести частях (далее – САР–I) зафиксировано немало иноязычных слов, обозначающих либо новые понятия, либо понятия, которые ранее имели исконно русское словесное выражение: ГАРНИЗОНЪ, на. с. м. Французс. Часть войска, находящаяся въ какой либо крѣпости для защищенія оныя отъ непріятелей. *Въ семь городѣ сильной, многочисленной гарнизонъ. Притѣснить непріятельской гарнизонъ.* ГРАНАТА, ты. и умал. Гранатка, ки. с. ж. Въ военномъ наречіи означается симъ названіемъ чугунное, продолговатое пустое ядро, наполняемое порохомъ; горлышко же онаго набивается мякотью пороховою, каковыя гранодеры зажегши бросаютъ въ непріятельской станъ и крѣпости изъ рукъ. ГРАНАДЕРЪ, ра. с. м. Воинъ бросающій гранаты. ЕГЕРЬ, ря. с. м. Нѣм. 1) Охотникъ, которой стрѣляетъ птицъ и звѣрей изъ ружья. *Стрѣлять птицъ весною егерямъ не позволяется.* 2) Стрѣлокъ въ войскѣ. *Егеръ Преображенскаго полку.* [САР–I 2:21, 320, 935]. Факт наличия в словарях русского языка слов иноязычного происхождения, нередко имеющих русский аналог, свидетельствует о том, что несмотря на борьбу пуристов за чистоту русского языка, этот процесс не коснулся батальной лексики. В XIX веке развитие этой лексики достигло пика ввиду многообразия видов вооружения, званий, наименований различных батальных реалий, поэтому новые слова специализировались по тематике и имели узкую терминологическую направленность. Так, например, немецкие заимствования

обозначали так называемые «административные» реалии (*цейхгауз, гауптвахта, лагерь*), французское влияние было заметно в названиях, относящихся непосредственно к войску, вооружению, званиям (*батальон, гарнизон, мортира, лафет, лейтенант, капитан*). В противовес французским и немецким «сухопутным» терминам, в терминах морского дела господствовала лексика из голландского и английского языков (*шкипер, киль, рейд, бриг, мичман*) [Виноградов 1982: 60].

Нередко заимствование слова происходит наряду с самой реальией, отсутствующей в языке-реципиенте. Тогда слово приобретает сугубо терминологический характер, поскольку его значение совершенно не связано семантическими отношениями с другими словами принимающего языка. Например, мы не переводим дословно воинские звания *général-en-chef* и *capitaine des armes* как *генерал в качестве старшего* и *капитан по оружию*, поэтому слова требуют заимствования в виде *генерал-аншеф* и *каптенармус* соответственно. В данном случае эти лексемы выступают как «частично освоенные», пройдя только этап транслитерации [Ганцовская 2004] и начальные этапы фонетико-морфологической адаптации.

Таким образом, заимствование терминов осуществляется, когда в соответствующих системах принимающего языка отсутствуют понятия, названные в языке-источнике. Если в языке-доноре система терминов разработана полнее, то в таком случае может заимствоваться и целая система понятий или отдельные её пласты. Ярким примером служит Табель о рангах Петра I [Табель о рангах 1: 56-61], заимствованная им из Европы в период реформы российской армии по европейскому образцу, в которой отсутствуют русские наименования.

Степень терминологизации слов военной тематики мы покажем в данной работе в дальнейшем на примере заимствованной французской батальной лексики русского языка первой половины XIX века, содержащейся в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», поскольку произведение изобилует такой лексикой [Камнев; Laffitte; Толстой 1958]. Стоит заметить, что галлицизмы всё равно не только спорадически употреблялись в русском языке, но и прочно закрепились в

нём с течением времени, несмотря на сложные, натянутые отношения с Францией в начале XIX века. Кроме того, несмотря на семантику военной направленности, в речевом употреблении в произведении Л. Н. Толстого почти все батальные термины не как орудия убийства, а как средства защиты мирных людей от врага, с точки зрения пацифизма. Находясь в вятской ссылке, в своих письмах супруге академик В. В. Виноградов отмечает, что, используя связанную с уничтожением людей лексику, все батальные сцены романа Толстому удалось описать не кровавадно и ужасающе, а вложить в эти эпизоды человеческие чувства и переживания [Долгушев: 73-78]. Это представлялось возможным в силу характера той войны с Наполеоном, в которой русские не выступали агрессорами, а были вынуждены обороняться. Будучи человеком военным, но пацифистом до глубины души, Толстой был убеждён, что война должна носить гуманистический характер. Доказательством этому могут служить многочисленные эпизоды текста романа: *На Праценской горе, на том самом месте, где он упал с древком знамени в руках, лежал князь Андрей Болконский, истекая кровью, и, сам не зная того, стонал тихим, жалостным и детским стоном... Он стал прислушиваться и услышал звуки приближающегося топота лошадей и звуки голосов, говоривших по-французски... Подъехавшие верховые были Наполеон, сопровождаемый двумя адъютантами... – Voilà une belle mort, [Вот прекрасная смерть,] – сказал Наполеон, глядя на Болконского. Князь Андрей понял, что это было сказано о нем, и что говорит это Наполеон... – А! он жив, – сказал Наполеон. – Поднять этого молодого человека, se jeune homme, и свезти на перевязочный пункт!.. Князь Андрей не помнил ничего дальше: он потерял сознание от страшной боли, которую причинили ему укладывание на носилки, толчки во время движения и сондирование раны на перевязочном пункте [Толстой 1:357]. Сам император Наполеон проявляет к врагу удивительный гуманизм, приказывая не добивать раненого русского офицера, а отвезти его в госпиталь.*

В другом контексте люди видят в изменнике человека, недаром даже разъярённая, мрачная толпа во дворе растопчинского дома не хочет бросаться на Верещагина, обвинённого в измене. Растопчин вынужден несколько раз

повторить, натравливая её на купеческого сына: *Бей его!.. Пускай погибнет изменник и не срамит имя русского!.. Руби! Я приказываю!* Но и после этого прямого призыва-приказания толпа «застонала и надвинулась, но опять остановилась». Она по-прежнему видит в Верещагине человека и не решается броситься на него: *Высокий малый, с окаменелым выражением лица и с остановившеюся поднятою рукой, стоял перед Верещагиным.* Лишь после того, как, повинуясь приказу офицера, солдат «с искаженным злобой лицом ударил Верещагина тупым палахом по голове» и купеческий сын в лисьем тулупчике «коротко и удивлённо» вскрикнул, – «натяннутая до высшей степени преграда человеческого чувства, которая держала ещё толпу, прорвалась мгновенно» [Толстой 2:343-345].

Таким образом, можно сказать, что существовавшая в древнерусский период специализированная лексика военной тематики с течением времени претерпевала количественные и качественные изменения в языке, приобретая терминологический характер. Многие батальные термины заимствовались из иностранных языков. В русском языке они сохранялись долгое время, до тех пор, пока существовали обозначаемые ими понятия. Немало военных терминов, вошедших в словарный состав языка, остаются в нём и в настоящее время, а многие историзмы, несмотря на отсутствие понятий и реалий прошлых эпох, до сих пор понятны современным носителям русского языка, возможно, в значительной степени благодаря роману Л. Н. Толстого.

1.3.3. Французская батальная терминология, содержащаяся в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»

Среди лексических заимствований в области военной терминологии конца XVIII – первой половины XIX вв., как мы уже отмечали выше, преобладали галлицизмы. На фоне русско-французских контактов предыдущих столетий массовое усвоение французской батальной лексики именно в этот период оставляет значительный след в русском языке.

Уникальное многоплановое произведение Л. Н. Толстого «Война и мир», которое одновременно является романом и эпосом, художественным и документальным изображением жизни, быта, духовной деятельности и культурно-экономических отношений людей целой эпохи, в том числе проблем войны и мира, можно отнести к подлинным историческим источникам в плане отражения военно-исторических событий, поскольку автор эпопеи, будучи человеком, прошедшим военную службу, знал теорию и практику военного дела, был осведомлён во всём, что касалось службы солдат и офицеров. И хотя роман был написан в середине XIX века, военно-терминологическая лексика, содержащаяся в «Войне и мире», точно соответствовала лексике периода войны с Наполеоном. Как уже говорилось выше, при написании романа автор использовал огромное количество документов того времени: он опирался на труды А. И. Михайловского-Данилевского, генерал-лейтенанта русской армии и автора первой официальной истории Отечественной войны 1812 года [Тарле 1994: 445-455], историю русского военного историка М. И. Богдановича, французских историков Л. А. Тьера, Ж. Шамбре, а также ряд свидетельств современников войны с Наполеоном [Шкловский: 45-51] и др. Так, например, в «Войне и мире» содержится текст писем Наполеона французским маршалам, а также неизданные рапорты маршала Бертье из личной коллекции Михайловского-Данилевского. По мнению А. А. Жук, Толстой, «изучивший огромное количество источников, документов, работал над «Войной и миром» как историк, нередко восстанавливая истинное значение событий» [Жук: 138].

В качестве дополнительных источников для анализа заимствованной батальной лексики рассматривались многочисленные произведения: исторические труды, мемуары, исторические и художественные произведения зарубежных и отечественных авторов, различные иноязычные словари и словари русского языка, однако ни один из этих источников не даёт полной картины военного состояния России рассматриваемого периода, как роман-эпопея «Война и мир», где изображение событий выходит далеко за рамки сухого документального изложения или очеркового художественного представления [Болотнова;

Вежбицкая: 402-421; Гальперин; Лотман 1970; Новиков; Чернухина]. Несомненно, это сказалось и на количестве отобранной автором военной лексики и её многостороннем представлении. При описании батальных сцен в романе «Война и мир» наряду с общеупотребительной лексикой присутствует немало терминов военной тематики французского происхождения, которые составляют примерно 80% от всего корпуса французской заимствованной батальной лексики в русском языке первой половины XIX века.

Батальная лексика французского происхождения, содержащаяся в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», насчитывает 115 лексем: *абордаж, авангард, аванпост, арьергардный, армейский, армия, арсенал, артиллерийский, артиллерия, арьергард, атака, атаковать, атаковавший, атакованный, атакующий, баталия, батальный, батальон, батальонный, батарейный, батарея, бивак, бивачный, бомбардирование, ботфорты, бригада, бригадир, гарнизон, гвардия, гвардейский, гвардеец, генерал, генерал-аншеф, генерал-лейтенант, генерал-майор, генералитет, генеральский, граната, гранатный, гренадер, гренадерский, диверсия, дивизион, дивизионер, дивизионный, дивизия, диспозиция, драгун, драгунский, жандарм, интендант, интендантство, кавалергард, кавалергардовый, кавалергардский, кавалерист, кавалерия, кавалерийский, кавалькада, казарма, канонада, капитан, капрал, каптенармус, карабинер, картечь, картечный, каска, колет, кор д'арме, корнет, лазарет, лафет, майор, маневр, маневрировать, марш, марш-марш, маршал, маршальский, маршировать, медаль, мундир, мушкатер, мушкатерский, мушкетон, обер-интендант, обмундирование, обмундировать, обмундироваться, обмундировка, ординарец, партизан, партизанский, пистолет, пистолетик, плюмаж, редут, рекрут, ретирада, ретироваться, сержант, tête de pont, фланг, фланговый, фланкёр, фланкёрский, флешь, фронт, фронтовой, шинель, шинелька, эполеты, эскадрон, эскадронный.*

Поскольку лексика, так или иначе относящаяся к войне, в большинстве своём является интернациональной и источник её заимствования в некоторых случаях оказывается спорным и неоднозначным, то к французским заимствованиям в

исследовании мы относили лексемы, для которых хотя бы в одном из словарей (этимологических, толковых словарей русского языка, словарей иностранных слов, военных энциклопедий и др.) в качестве языка-донора или языка-посредника указывался французский язык. Многосложную лексему *обер-интендант*, имеющую в своей структуре немецкий по происхождению компонент *обер-* мы также относили к французским заимствованиям, поскольку основная, «главная» часть этого слов по происхождению является французской, а первая, немецкая, часть этого сложного слова уже на русской почве, как бы «обрусев», присоединилась ко второй.

Вся заимствованная батальная лексика французского происхождения, взятая из «Войны и мира», делится на агентивную (ту, которая называет лица) и неагентивную (называющую предметы). Агентивная лексика представляет собой наименования лиц, относящихся к военной службе, а также их наименования по тем званиям и чинам, которые они носят. Среди агентивов мы также выделяем названия лиц и соответствующих им званий высшего и младшего офицерского состава русской армии первой половины XIX века, термины для обозначения лиц, принадлежащих к различным родам войск, а также лексику, обозначающую армейские должности и лиц по роду их деятельности в армии. К группе неагентивной лексики мы относим лексику, отражающую организацию вооружённых сил, а также термины для обозначения различных реалий и атрибутов военных действий, к которым относятся орудия и оружие, военные укрепления, предметы одежды и обмундирования.

Объектом детального лингвистического анализа батальных галлицизмов являлись имена существительные, количественно преобладающие в тексте романа над другими частями речи. Отдельные лексемы, такие, как *армия, артиллерия, атака, батальон, батарея, гвардия, генерал, дивизия, диспозиция, драгун, кавалерия, капитан, маршал, марш, редут, фланг, фронт, шинель, эскадрон* проявляют в романе «Война и мир» гиперчастотность, насчитывая более 30 употреблений, поскольку являются сюжетообразующими элементами произведения Л. Н. Толстого, и служат предметом детального рассмотрения в

исследовании. Большинство заимствований образуют производные слова: *армия* – *армейский*, *артиллерия* – *артиллерийский*, *арьергард* – *арьергардный*, *баталия* – *батальный*, *батальон* – *батальонный*, *батарея* – *батарейный*, *бивак* – *бивачный*, *гвардия* – *гвардейский*, *гвардеец*, *граната* – *гранатный*, *гренадер* – *гренадерский*, *дивизион* – *дивизионер*, *дивизионный*, *драгун* – *драгунский*, *интендант* – *интендантство*, *картечь* – *картечный*, *маневр* – *маневрировать*, *маршал* – *маршальский*, *марш* – *марш-марш*, *маршировать*, *мушкатер* – *мушкатерский*, *партизан* – *партизанский*, *ретирада* – *ретироваться*, *фланг* – *фланговый*, *фланкёр* – *фланкёрский*, *фронт* – *фронтной*, *эскадрон* – *эскадронный*, а некоторые лексемы – разветвлённые гнезда однокоренных слов, являясь их «вершиной»: *атака* – *атаковать*, *атаковавший*, *атакованный*, *атакующий*, *генерал* – *генерал-аншеф*, *генерал-лейтенант*, *генералитет*, *генеральский*, *кавалерия* – *кавалерист*, *кавалерийский*, *кавалергард* – *кавалергардовый*, *кавалергардский*, *мундир* – *обмундирование*, *обмундировать*, *обмундироваться*, *обмундировка*. Наличие производных слов, компонентов гнезда, которые приспособились к системе русского языка и имеют русские аффиксы, свидетельствует о высокой степени ассимиляции исходных лексем.

В списке анализируемых батальных галлицизмов присутствуют слова, случаи употребления которых в романе «Война и мир» единичны: *абордаж*, *арсенал*, *баталия*, *бивак*, *бомбадирование*, *гарнизон*, *диверсия*, *диспозиция*, *кавалькада*, *казарма*, *канонада*, *каска*, *кор д'арме*, *лазарет*, *маневр*, *марш-марш*, *медаль*, *ретирада*, *сержант*, *tête de pont*, *фланг*, *фронт*. Однако эти малоупотребительные заимствования, также являясь элементами военной терминосистемы, в равной степени с частотными лексемами обогащают контекст «Войны и мира» наименованиями военных реалий первой половины XIX века и создают объёмную картину мира произведения в условиях военных действий.

В данном исследовании некоторые номинации не вошли в состав лексико-семантических групп, но их можно отнести к так называемой «административной» лексике. Слова *абордаж*, *баталия*, *диверсия*, *маневр*, *марш*, *ретирада* отражают способ военных действий, термины *бивак*, *диспозиция*

характеризуют положение войск, армии в пространстве, наименования *арсенал, гарнизон, казарма, лазарет* обозначают сооружения, предназначенные для хранения оружия, размещения и проживания военнослужащих, для оказания медицинской помощи соответственно. Собираательные существительные *интендантство, кавалькада, канонада* служат для обозначения совокупности военных учреждений снабжения, группы едущих всадников, множество залпов артиллерийских орудий. Вышеназванные лексемы, пройдя этапы фонетического, морфологического и семантического усвоения, в той или иной степени оказываются усвоенными русским языком. Однако два слова из списка малоупотребительных наименований в романе «Война и мир» находятся на начальном этапе адаптации русским языком. Употребляя нетранслитерированную лексему *tête de pont*, Толстой даёт в тексте пояснение для малознамого слова, обозначающего мостовое укрепление: *Вы знаете, что Таборский мост минирован и контраминирован и что перед ним грозный tête de pont [мостовое укрепление] и пятнадцать тысяч войска...* [Толстой 1:199-200]. На этапе вхождения находится и заимствованное слово *кор д'арме*. В отличие от лексемы *tête de pont* оно употреблено в транслитерированном виде, однако сохраняет графическую форму французской лексемы-донора, о чём свидетельствует текст «Войны и мира»: *Я ранен, верхом ездить не могу, следственно и командовать армией. Вы кор д'арме ваш привели разбитый в Пултуск: тут оно открыто, и без дров, и без фуража...* [Толстой 1:457]. Лексема, обозначающая часть войска, не закрепились в словарном составе русского языка, поэтому в настоящее время в современном русском языке не употребляется, даже в качестве историзма.

Таким образом, французская заимствованная батальная терминология, вошедшая в русский язык в XVII–XVIII веках, многочисленна, разнообразна тематически и составляет значительную долю всей батальной лексики русского языка. Подавляющая часть этих заимствований оказывается ассимилированной, полностью усвоенной, однако некоторые лексемы, имея варианты и ограниченную способность к производимости, не полностью усвоены.

ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Период конца XVIII – первой половины XIX веков является одним из самых интересных и наиболее изучаемых в истории русского литературного языка. В этот период формируются лексическая, морфологическая и синтаксическая системы современного русского литературного языка. Определяющей чертой языка этого времени является активный процесс заимствований, начавшийся ещё в петровскую эпоху и продолжившийся в течение нескольких следующих столетий. Формирование словарного состава русского литературного языка в немалой степени обуславливается его пополнением весомым количеством иноязычных слов. Заимствования признаются естественным и неизбежным явлением в силу «открытости» любого языка, сопровождающейся языковыми контактами с другими языками. Заимствованная лексика проникала в русский язык из разных источников, различными путями – как устным, так и книжным, что приводило к вариативности её морфологического облика и многообразию её особенностей функционирования.

В начале XVIII века одним из основных источников обогащения русского языка становится французский язык, который пополнил его словарный состав в различных сферах жизни общества. За несколько столетий галлицизмы проникли почти во все области жизнедеятельности людей – дипломатия, искусство, культура, мода, одежда, интерьер, кулинария и т.п. На рубеже XVIII – XIX веков, несмотря на роль французского как языка великосветского общения, система русского языка испытала его влияние также и в военной сфере, особенно в области лексики, так или иначе связанной с военной деятельностью.

Специальные слова профессиональной сферы, к которым относится и батальная лексика, имели узкую, конкретную семантику. Нередко заимствование такого слова происходило наряду с заимствованием самой реалии, отсутствующей в языке-реципиенте. Тогда слово приобретало сугубо терминологический характер, поскольку его значение совершенно не связано семантическими отношениями с другими словами принимающего языка. Следует также отметить, что в процессе заимствования перенимались уже готовые

термины, а не слова, терминологическое значение которых вырабатывалось уже непосредственно в русском языке. Это происходило во многом потому, что, как известно, заимствованная лексика в большей степени обладает терминологическими качествами.

Значительная часть батальной лексики французского происхождения, вошедшей в русский язык в петровскую эпоху, прочно закрепилась в словарном составе языка первой половины XIX века. Данная лексика запечатлена в многочисленных документах, книгах и воинских уставах не только петровской эпохи, но и в более поздних источниках. Одним из таких источников является двуязычный роман Л. Н. Толстого «Война и мир», построенный на правдивых исторических фактах с использованием галереи реальных персонажей того времени, в том числе с детальным и реалистическим освещением военных действий, происходящих в Европе с 1805 года, Отечественной войны 1812 года с наполеоновской Францией. Поэтому совершенно естественно наряду с общеупотребительной лексикой для описания батальных сцен в романе присутствует немало терминов военной тематики французского происхождения.

В тексте романа заимствования из французского языка представляются в перспективе своего усвоения русским языком-реципиентом. В нём присутствуют как уже усвоенные элементы, так и языковые единицы, находящиеся на стадии адаптации и ассимиляции в языке.

ГЛАВА II. ЗАИМСТВОВАННАЯ АГЕНТИВНАЯ БАТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

2.1. Наименования воинских званий и лиц, их носящих

В исследовании заимствованная батальная лексика французского происхождения разделяется на две группы наименований исходя из критерия принадлежности имён существительных к категории агентивности. К агентивной относится лексика со значением лица, деятеля и наименований, обозначающих человека и его статусы (звания, должности) [Бахвалова: 41]. В данном параграфе описывается группа воинских званий лиц русской армии, частотность употребления которых в романе «Война и мир» является самой высокой. Это связано с тем, что большинство действующих лиц романа-эпопеи, на которых строится сюжет произведения, принадлежат к людям военной профессии, многие из которых являются реальными персонажами, военачальниками русской, французской и других армий. Доля агентивной лексики в романе составляет примерно 25% от общего числа заимствованной батальной лексики французского происхождения. Причина такого количества агентивов объясняется во многом тем, что для создаваемой Петром I регулярной армии заимствовались новые лексемы, которые в конечном итоге вытеснили ставшие историзмами агентивы (*князь, воевода, голова, сотник, тысяцкий*), и это наглядно отображено в Табели о рангах, где указано время вхождения в русский язык новых заимствований. Некоторые из них (*генерал, генерал-лейтенант, генерал-майор, майор, капитан, лейтенант*) до сих пор не вышли из употребления и являются элементами терминосистемы современных воинских званий.

Среди агентивных заимствований из французского языка значительный пласт лексики составляют наименования воинских званий и лиц, принадлежащих к различным родам войск, и наименования должностей: *маршал, генерал, генерал-аншеф, майор, капитан, лейтенант, капрал, сержант, бригадир, драгун,*

кавалергард, ординарец, каптенармус, карабинер, мушкетер, кавалерист, партизан, гренадер, корнет, жандарм, интендант, дивизионер, фланкер.

Аналізу подвергаються окремі лексеми з урахування впливу на них контекста вироблення. В силу прямого заимствования з французького мови в тексті роману Л. Н. Толстого батальні галліцизми вступають в синтагматическі зв'язи тільки з лексическими одиницями російського мови, а французькі фразеологіческіє сполучення типу *jouer les capitaines* ('іграти в солдатики'), *cheval de bataille* ('любима тема, конік') [Рецкер: 184, 217], в яких терміни використовуються в переносному значенні, в основному відсутні. Тим не менше Толстой використовує подібні сполучення, в яких зберігається термінологіческіє значення при заимствования з французького мови – *bâton de maréchal* ('маршальський жезл') [Рецкер: 107]: *Под Красним взяли двадцать шесть тысяч пленных, сотни пушек, какую-то палку, которую называли маршальским жезлом, и спорили о том, кто там отличился, и были этим довольны, но очень сожалели о том, что не взяли Наполеона или хоть какого-нибудь героя, маршала, и упрекали в этом друг друга и в особенности Кутузова* [Толстой 2:577]. Незважаючи на іронію автора відносно атрибута французького маршала, факт існування цього предмету як реалії відображається і в російському мови в формі фразеологіческіє сполучення, заимствованного з французького мови шляхом пословного перекладу.

2.1.1. Наименования император и фельдмаршал как олицетворение главнокомандующих французской и русской армий в образах Наполеона и Кутузова

Тема війни в романі Л. Н. Толстого «Война і мир» займає одне з центральних місць оповіщення, оскільки військовим діям присвячено значительне кількість сторінок твору. Поняття «війна» означає не тільки військові дії, але, як і поняття «мир», психологіческіє стан людини, який розкривається в різноманітних значеннях і при допомозі різноманітних лінгвістическіє засобів, з яких на першому місці стоять

лексические. Многие из эпизодов «Войны и мира» посвящены жизни армии, преимущественно русской, характеристике воинской среды. Русская народная жизнь также показана в «Войне и мире» по преимуществу в условиях военного быта [Сабуров: 112]. Конечно, на этом фоне складывается особый лексикон произведения, в значительной мере насыщенный иноязычной, главным образом, французской лексикой.

Толстой в романе описывает также французский, австрийский и русский генералитет, штабных офицеров и обычных солдат, что дополняет картину военных действий в романе и соответственно даёт материал для лингвокультурологических наблюдений. Центральными фигурами, представляющими военные круги в романе, являются главнокомандующие русской и французской армий – Кутузов и Наполеон. Несомненно, что имя Наполеона, одного из величайших полководцев мира и кумира французских солдат и в то же время завоевателя и деспота для русского народа, становится в романе символом войны и средоточием всяческого зла. Это отношение характерно не только для простого народа, но и для русской аристократии, для которой французская культура во всём была примером для подражания, а французский язык был частью русского национального языка для «лучших обществ» [Виноградов 1982: 164], представители русских великосветских салонов не скрывают свою ненависть и презрение к агрессору. Так, Анна Павловна Шерер выражает общее мнение, называя Наполеона Антихристом: *Non, je vous prévient, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j'y crois... [Нет, я вас предупреждаю, если вы мне не скажете, что у нас война, если вы еще позволите себе защищать все гадости, все ужасы этого Антихриста (право, я верю, что он Антихрист)...* [Толстой 1:7]. Для старого князя, отца Андрея Болконского, Наполеон, за которым его солдаты бежали с криками «Vive l'empereur!», был «ничтожный французишка, имевший успех только потому, что уже не было Потёмкиных и Суворовых» [Толстой 1:128]. Даже после заключения перемирия с Наполеоном в русской армии продолжали испытывать «прежнее

смешанное чувство злобы, презрения и страха к Бонапарте и французам», поскольку «не может быть мира между законным государем и преступником Бонапартом» [Толстой 1:499-500]. Культ личности Бонапарта, который был создан в результате побед французской армии, Толстой разрушает, подчёркивая его нечеловечность, неистребимое желание всё время выглядеть великим, откровенную жажду славы. Кутузов постоянно думает о том, как избежать ненужной гибели солдат и офицеров, тогда как для Наполеона человеческая жизнь не представляет никакой ценности.

В романе французский император противопоставляется не государю Александру I, а полководцу Кутузову, поскольку на первый план выходят его качества не как императора, а как главнокомандующего армии и воина: *Солдаты! Я сам буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко от огня... но если победа будет хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора, подвергающегося первым ударам неприятеля...* [Толстой 1:329]. Кутузов воплощает в себе мир и доброту, а корифейное французское наименование *Наполеон* является олицетворением агрессии и войны. Выступая в статусе главнокомандующих армий во время военных действий, Кутузов и Наполеон имели разные воинские чины. Кутузову был присвоено звание фельдмаршала, а Наполеон после успешных военных действий под его командованием получил чин бригадного генерала [Dictionnaire Napoleon: 127]. Однако Наполеон стал главнокомандующим французской армии уже после провозглашения себя императором Франции. Таким образом, наименование наивысшего чина в русской и французской армиях не совпадало.

Сейчас имя Наполеона звучит не просто как имя собственное, а становится уже нарицательным. В психологии его именем называют один из соционических типов личности, объединяющий в себе такие качества, как амбициозность, тщеславие и др. [Филатова: 92]. На фоне французской батальной лексики, обильно представленной в «Войне и мире», слово *Наполеон* можно считать центральным как символ войны и всего, что с ней связано в первой половине XIX века.

2.1.2. Наименования лиц генеральского состава русской армии

К наименованиям лиц генеральского состава русской армии изучаемого нами периода относятся лексемы *генерал*, *генерал-лейтенант*, *маршал*. Начнём рассмотрение с одной из единиц этого ряда агентивных лексем – слова *маршал*, так как звание маршала является самым высоким среди остальных званий из списка слов, приведенных выше.

Слово *маршал* происходит от франц. *maréchal*, которое, в свою очередь восходит к франсийскому *marschalc*, первоначально имевшему значение «конюший». Судя по начальному ударению в русском языке, языком-посредником послужил немецкий, где *Marschall* имело ударение на первом слоге [Фасмер 2:576]. Лексема *маршал* не имеет общих связей с созвучной ей *марш* и производными от нее лексемами, поскольку имеет другую этимологию: франсийское *marschalc* (ср.-в.-нем. *marahscalc*) состоит из двух древнегерманских корней *marah* – «лошадь» и *scalc* – «слуга». Во франкийских племенах маршалы служили на конюшнях и подчинялись коннетаблю, или главному конюшему. В более поздние века значение маршалов выросло: появились имперские маршалы, следившие за состоянием императорских лошадей. Для того чтобы отличить королевских маршалов от маршалов вассалов, в 1185 году была введена должность Маршала Франции. С 1191 года Коннетабль назначается на должность главнокомандующего французской армии. Соответственно, и роль его маршалов повысилась – им стали поручать командование отдельными частями армии. В 1627 году, в связи с упразднением звания коннетабля маршал становится высшим воинским званием Франции [Тьер 2:202].

В русском языке лексема *маршал* в военно-терминологическом значении появилась в эпоху Петра Великого [СРЯ XVIII 12:75], в период огромного влияния французского языка и активного заимствования из Европы новых реалий, продиктованных модой на западную культуру. Вместе со званием маршала появляются и другие ранее не существовавшие воинские звания (*лейтенант*, *капитан*, *секунд-майор*, *капитан-командор*, *контр-адмирал* и др.), которые закрепляются в Табели о рангах, утвержденной в 1722 году императором

Петром I. Он лично принимал участие в редактировании этого закона, в основу которого легли заимствования из «рописаний чинов» французского, прусского, шведского и датского королевств [Табель о рангах 1]. Новая лексика отражается в создаваемых в этот период различных Уставах и Книгах о военном деле, где поясняются обязанности каждой военной должности, указываются соответствующие должностям воинские звания, приводится воинская иерархия по званиям: *Когда полки обретаются въ маршу, а вышний командиръ господень генераль фелтъ маршалкъ, или господень генераль аниевтъ, будетъ маршировать мимо полковъ, тогда роспуститъ знамена съ барабаннымъ боемъ и съ игранною музыкою...* [Книга о эксерциции 2:29].

В русском языке ещё в допетровские времена при описании событий, связанных с Польско-Литовским государством, употреблялся термин *маршалокъ* (*моршолокъ*) от польск. *marszałek* «высший военный и государственный чин» в Польше и Литве [СРЯ XVIII 12:75]. В ранних Псковской и Новгородской летописях употребляются однокоренные со словом *маршал* слова *моршолдъ* и *моршалокъ*: *Бысть побоище королю Ягаилу Олгердовичу... и князю великому Литовскому Витовту Кестутьевичу с Немци, с Прусы, въ ихъ земли въ Пруской..., и убиша местера и моршолда...; Пань Миколаи Немировичь моршалокъ королевский...* [Срезневский: 175]. Из контекстов следует, что словами *моршалокъ* и *моршолдъ* в Древней Руси называли лиц, приближенных к королю и имеющих высокий статус в обществе. В письменные памятники великорусской народности термин *маршалокъ* попал из Юго-Западной Руси (он обычен в западнорусских летописях, в украинских грамотах и других памятниках). В русском языке слово *маршалокъ* осталось на положении чужеродного элемента, не было им ассимилировано, тогда как в украинском и белорусском оно стало элементом лексической системы [Сороколетов: 264].

В русском языке укоренилось слово *маршал*. С течением времени значение этого слова трансформировалось и расширялось, появлялись новые значения: маршалом называли также «главного в шествии, уставщика» [КСРЯ XVIII 1]. Следовательно, слово *маршал* в русском языке было многозначным. Оно не

являлось только лишь военным термином, обозначающим «высший военный чин». Параллельно с этим значением существовало и другое: «главный распорядитель в торжественных собраниях, в свадебной церемонии, на пирах и т.п.» [КСРЯ XVIII 2]. Однако в БАС указано, что уже в середине XX века лексема *маршал* именно в значении «главный распорядитель» устарела: «4. *Устар.* Главный распорядитель (на торжественном собрании, обеде) [БАС 6:650].

Значение слова *маршал* вычленяется также из контекстов исторических и художественных произведений, описывающих реальные события первой половины XIX века. Стендаль, один из «непосредственных участников многих знаменательных событий наполеоновской эпохи», в книге «Наполеон» пишет: *Доехав до аванпостов французской армии, генералы остановились, чтобы предъявить маршалу Мармону свои охранные грамоты, которые он должен был визировать, и уведомили его о цели своей поездки* [Стендаль: 463]. Другой контекст также позволяет составить представление об образе французского маршала: *Наполеон даровал маршалу княжеский титул, но в то же время постарался его унижить тем, что наименовал его князем Эслингским...* [Стендаль: 376]. Французские маршалы были люди уважаемые, часто имеющие придворный титул. По воинской иерархии Французской империи маршал – самый главный чин после императора (в данном случае Наполеона), его «правая рука». Наполеон поручал своим маршалам командовать войсками в битвах, за что последние получали награды и титулы при удачном исходе сражения. Е. В. Тарле в произведениях о войне 1812 года с Наполеоном употребляет слово *маршал* именно в его военно-терминологическом значении по отношению к Кутузову. «Вера русской армии в старого фельдмаршала, в его доблесть, в его высокие таланты, в его верность отечеству, сыном которого он является, – та вера, которой не было у солдат к предшественнику Кутузова, одушевляла армию» [Тарле 1962: 5].

На то, что маршалы – военачальники высокого ранга, указывают многочисленные описания Толстого: *На другой день... господа маршалы: Мюрат, Ланн и Бельяр, садятся верхом и отправляются на мост... Господа эти*

приезжают на мост одни и поднимают белые платки, уверяют, что перемирие и что они, маршалы, едут для переговоров с князем Ауэрспергом [Толстой 1:199-200] (см. Приложение). Наполеоновские маршалы выполняют дипломатические функции, ведут переговоры, командуют войсками в сражениях – на них лежит большая ответственность в делах государственной важности. Неслучайно автор называет их «господами» – в знак почета и уважения, поскольку каждый из маршалов получил это звание за особые заслуги в военных делах. Несмотря на это, в романе образ французского маршала представлен с ироническим оттенком, так как маршалы не всегда ведут себя достойно. Что касается русской армии, то в романе «Война и мир» фельдмаршалом называется Кутузов после присвоения ему этого звания: *Eh bien, vous savez la grande nouvelle? Le prince Koutouzoff est maréchal.* [Ну-с, вы знаете великую новость? Кутузов – **фельдмаршал**] [Толстой 2:132]. Помимо тех функций, какие были поручены французским маршалам, Кутузов выполнял еще функцию главнокомандующего, поэтому Толстой называет его также «генерал-фельдмаршал». Кутузов, как и наполеоновские маршалы, ездил верхом (*Кутузов с огромной свитой недовольных им, шушукующихся за ним генералов, верхом на своей жирной белой лошадке ехал к Доброму*) [Толстой 2:581], произносил речь перед армией (*Слова, сказанные Кутузовым, едва ли были поняты войсками. Никто не сумел бы передать содержания сначала торжественной и под конец простодушно-стариковской речи фельдмаршала...*) [Толстой 2:583].

Что касается семантики французского *maréchal*, то словарь Le Petit Robert приводит несколько устаревших значений французского слова *maréchal* с пометой *устар.*: ‘офицер, отвечающий за уход за лошадьми, кавалерийский офицер’, ‘бригадный генерал’, ‘высший придворный титул, следующий за коннетаблем’. В словаре приведены также три современных значения: 1) *maréchal et plus cour. maréchal-ferrant*: artisan dont le métier est de ferrer les chevaux et les animeaux de trait (‘кузнец, ремесленник, подковывающий лошадей и тягловых животных’); 2) *maréchal des logis*, sous-officier de cavalerie, d’artillerie qui était a l’origine chargé du logement des troupes (‘сержант кавалерии, артиллерии, ответственный за

размещение войск’); 3) officier général qui a la dignité la plus élevée dans la hiérarchie militaire (‘офицер, имеющий высшее звание в воинской иерархии’) [Le Petit Robert: 1153]. Таким образом, в современном французском языке сохранились два военнотерминологических значения слова: во втором значении, употребляемое вместе с компонентом *des logis*, слово обозначает менее значимое звание, чем звание собственно маршала, зафиксированное в словаре в третьем значении.

В русском языке слово *маршал* употребляется в наши дни только в качестве военного термина, а остальные значения являются устаревшими: МАРШАЛ, -а, м.

1. Воинское звание выше генеральского, персонально присваиваемое Президиумом Верховного Совета СССР лицам высшего командного состава за выдающиеся заслуги в руководстве войсками, а также лицо, носящее это звание.

2. Высшее воинское звание или чин в армиях некоторых государств, а также лицо, носящее это звание. 3. *Устар.* Распорядитель какой-л. церемонии. [МАС 2:231].

Иноязычное по происхождению слова *маршал* (от франц. *maréchal* – «высшее воинское звание или чин в армии некоторых государств» [СИС 1979: 571]), оно стало общеупотребительным. Являясь термином, слово полностью адаптировалось и ассимилировалось, т.е. приспособилось к фонетической, морфологической и семантико-стилистической системе русского языка.

В наши дни маршал – «воинское звание выше генеральского, присваиваемое за выдающиеся заслуги в руководстве войсками, а также лицо, имеющее это звание» [Ожегов 2006: 562]. Примерно такие же значения, что и в словаре С. И. Ожегова, приведены в БАС, МАС и др. В этом значении слово употреблялось с 1935 года, когда постановлением ЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР было учреждено звание маршала. Несколькими годами позже, накануне начала Великой Отечественной войны было предписано «установить следующие воинские звания высшего командного состава Красной Армии: I. Для общевойсковых командиров – 1) генерал-майор, 2) генерал-лейтенант, 3) генерал-полковник, 4) генерал армии, 5) маршал Советского Союза» [КСРЯ XVIII 3]. До введения звания маршала высшим было звание генерал-фельдмаршала с момента

его учреждения в 1699 году Петром I до упразднения в 1917 году. Только почти через два десятилетия после упразднения высшее звание вновь было введено в Устав о военной службе. В современной российской истории военный термин «маршал» используется в том же значении – за особые заслуги присваивается звание Маршала Российской Федерации.

Ниже звания маршала в системе воинских званий российской армии стоят чины генеральского и офицерского состава. Последние в свою очередь делятся на звания высшего и младшего офицерского состава. К генеральским в первой половине XIX века относились звания генерал-аншеф, генерал-майор, генерал-лейтенант и собственно генерал.

Генерал. В петровской Табели о рангах за званием генерал-фельдмаршала следуют генеральские звания. Ко второму классу по воинской иерархии принадлежали генералы от инфантерии и кавалерии. М. Фасмер констатирует, что слово *генерал* было известно уже в XVII веке, т.е. до начала активного процесса заимствований, начавшегося во времена правления Петра I [Фасмер 1:401]. Необходимо отметить, что лексема *генерал*, в силу своего латинского происхождения попав впоследствии во многие европейские языки, относится к интернациональной лексике. Так, например, в английском языке слово имеет привычное нам значение – an officer of very high rank in the army or air force (‘офицер армии или авиации, имеющий одно из высших званий’) [Longman: 670]. Тем не менее посредником для заимствования этого военного термина русским языком, принимая во внимание языковую ситуацию, складывающуюся в ту эпоху, послужил именно французский язык.

В романе «Война и мир» лексема *генерал* является самой употребительной из группы военной агентивной лексики: насчитывается 447 употреблений на русском и 10 употреблений на французском языке. Такая частотность слова объясняется тем, что генералы являются значимыми действующими лицами в романе, поскольку на них возложены огромные обязанности: они принимают решения о плане военных действий, ведут переговоры с союзными войсками, командуют частью войск или целой армией. Генералами Л. Н. Толстой называет

командующих частями русской армии Багратиона, Долгорукова, а также самого Кутузова. Лексема *генерал* употребляется в романе также применительно к главнокомандующим иностранных армий, поскольку генералы служили не только в русской, но и во французской, австрийской и прусской армиях: *Сам Бонапарте, не доверяя своим генералам, со всею гвардией двигался к полю сражения, боясь упустить готовую жертву...* [Толстой 1:212]; *Прусские генералы щеголяют учтивостью перед французами и сдаются по первому требованию* [Толстой 1:456].

В русской армии XVII века словом *генерал* обозначались «полные» генералы. Исторически «полными» считались только генералы родов войск (от инфантерии, кавалерии), генерал-фельдцейхмейстер (генерал артиллерии), которые по Табели о рангах принадлежали второму классу. Словарь современного русского литературного языка (БАС) приводит ещё одно звание – *генерал-аншеф*, относящееся к «полным» генеральским званиям, которое сейчас считается устаревшим. Пример, приведённый в словаре, взят из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». *«Устар. Генерал-аншеф. Чин полного генерала. Хлопнув дверью, быстро вошел в приемную высокий, очевидно приезжий, австрийский генерал в сюртуке... – Генерал-аншеф Кутузов? – быстро проговорил приезжий генерал..., оглядываясь на обе стороны и без остановки проходя к двери кабинета»* [БАС 3:66]. В данном примере Кутузов назван генерал-аншефом, поскольку еще не был назначен фельдмаршалом. Согласно Военскому уставу 1716 года генерал-аншеф – главнокомандующий, равный фельдмаршалу, возглавляющий консилию генералов, с 1740-х годов [генерал-аншеф] – полный генерал, стоявший рангом ниже фельдмаршала [Табель о рангах 2]. Предположительно, к концу XVII века звание генерал-аншефа было заменено генеральскими чинами по родам войск (генерал от инфантерии, кавалерии, артиллерии, инженер-генерал), однако в «Войне и мире» эта лексема встречается, что свидетельствует о том, что она не окончательно вышла из употребления.

В тексте романа помимо употреблений слова в качестве самостоятельной лексемы *генерал* (для обозначения «полного» генерала), используются сложные

слова, образованные путём чистого сложения подчинительного подтипа с несклоняемым первым компонентом *генерал-* [Волотов 2011: 209-214]. Петр I ввёл звание генерала как дополнение к наименованиям высших чинов и должностей в вооружённых силах: *генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, генерал-провиантмейстер, генерал-вагенмейстер, генерал-аудитор* и др. Компонент *генерал-* имел несколько значений. В сложных словах первая часть выполняла функцию определения, значение которого объясняется прилагательным *главный* (от лат. *generalis* – общий, главный), и не изменялась по падежам и числам, что подтверждается следующими употреблениями в «Войне и мире» – *генерал-адъютанта, генерал-адъютантов, генерал-губернатором, генерал-губернатору* и т.д. Напротив, в сложных словах, обозначающих генералов 1-го и 2-го класса Табели о рангах, компонент *генерал-* служит для обозначения военного чина, на класс ниже звания фельдмаршала, и подчиняется общему правилу склонения имён существительных в русском языке: *Господину барону Ашу от генерала аншефа князя Болконского, – провозгласил он так торжественно и значительно, что чиновник обратился к нему и взял его письмо* [Толстой 2:116] и *От генерала-фельдмаршала Кутузова? – спросил он. – Надеюсь, хорошие вести? Было столкновение с Мортье? Победа? Пора!* [Толстой 1:187]. Однако, вероятно, из-за тенденции того времени не склонять первую часть составных слов, Толстой в некоторых случаях употребляет следующие формы – *генерал-фельдмаршала* и *генерал-аншефа*. Эта ситуация связана с поиском места данного заимствованного термина в морфологической системе языка первой половины XIX века, определением его синтаксической роли в предложении. Ф. П. Сороколетов отмечал, что «если термины *капитанъ, маеоръ, корпораль* и т.п. почти никогда не заменяются русскими параллелями (эти параллели не были точными выразителями смыслов, передаваемых заимствованными словами), то вместо *генераль* обычно употреблялись сочетания: *полевой воевода* (I, 10), ... *генералныи началныи чинъ, генеральной полевой воевода, генеральной полевой маршалокъ* (I, I, 41)» [Сороколетов: 279]. Это свидетельствует о том, что почти за столетие с момента фиксации этого слова в русском языке, к

первой половине XIX века лексема *генерал* так и не стала полностью ассимилированной языковой единицей.

2.1.3. Наименования лиц офицерского состава русской армии

К категории лиц командного офицерского состава русской армии первой половины XIX века, являющихся галлицизмами, относились звания майора, капитана, лейтенанта. В отличие от капитана и лейтенанта, чин майора приравнивался к старшим офицерским.

В романе «Война и мир» лексема *майор* встречается 24 раза. В отличие от лексемы *генерал* относительно невысокая частотность употребления слова обусловлена тем, что майоры не являются основными действующими лицами в романе, а относятся к второстепенным персонажам. Отсутствие гиперчастотности в употреблении лексемы *майор* в повествовании обуславливается тем, что Толстой нередко использует синонимичные словосочетания, подменяя наименование чина майора именем соответствующей ему должности или описательным выражением: *ротный командир, молодой офицер*. По Табели о рангах *майоры* принадлежали к 8-му классу и, несмотря на то, что занимали низшую ступень среди штаб-офицерских чинов, майоры относились к лицам командного состава [Табель о рангах 1]. Как следует из контекста «Войны и мира», по своей должности майор командовал ротой, являясь заместителем командира более крупного воинского подразделения – батальона, и подчинялся вышестоящим военачальникам, в том числе и полковому командиру: *Но в полдень адъютант полка с серьёзным и печальным лицом пришёл в общую землянку Денисова и Ростова и с прискорбием показал форменную бумагу к майору Денисову от полкового командира, в которой делались запросы о вчерашнем происшествии* [Толстой 1:491].

В Книгах и Уставах петровской эпохи отражены обязанности, возложенные на майора: *Когда прикажут маршировать баталіонами, то надлежитъ въ первыхъ маеору на лошади...* [Книга о эксерциции 2:7]. В документах начала XVIII века лексема *майор* (поскольку буквы *ё* и *й* ещё не применялись)

орфографически выглядела как *маеорь*. Наряду с ней существовали и другие формы *маіерь*, *маерь*, *маіорь*, *мазорь*, что свидетельствует о неустойчивости орфографической формы данной лексемы. Если в XVII веке слово только осваивается в русском языке, то, как указывает Ф. П. Сороколетов, «уже в XVIII веке слово станет обычным термином для обозначения офицерского чина русской армии» [Сороколетов: 280]. М. Фасмер предполагает, что в русский язык слово попало через немецкий из испанского [Фасмер 2:560]. Но поскольку многие военные термины заимствовались именно из французского в силу тесных культурных связей и языковых контактов с Францией, то есть основания предполагать, что слово, возможно, пришло в русский через посредство французского языка. Латинская по происхождению сема «большой, старший, высший» сохраняется в слове во всех языках. Во французском языке помимо своего военно-терминологического значения *major* имеет несколько значений. Среди них есть как устаревшее значение для обозначения военных врачей, так и современное значение с пометой *арго* для обозначения выпускников школы, занявших первое место на вступительных экзаменах в Grande Ecole (Высшую Школу). По словарю Le Petit Robert основное значение слова *major* – *chef de bataillon dans certaines armées* («командир батальона в некоторых армиях») [Le Petit Robert: 1135]. Наблюдается некоторое несоответствие: французское *major* при переводе на русский имеет одно из значений – «майор», а при обратном переводе русское *майор* имеет соответствие *commandant* (для обозначения майоров во французской армии) [БРФС: 210], причём полярные французские слова *major* и *commandant* не являются лексическими синонимами. Схематично это можно выразить так: *major* → *майор* → *commandant*. В словарях же современного русского языка, таких, как МАС, слово *майор* имеет единственное значение – «офицерское звание в армии рангом выше капитана и ниже подполковника, а также лицо, носящее это звание» [МАС 2:216].

Из существовавших в XIX веке наименований званий младшего офицерского состава галлицизмами являются *капитан* и *лейтенант*.

В романе «Война и мир» лексема *капитан* частотна и встречается 21 раз. В произведении Л. Н. Толстого капитан – это офицер, командующий боевым подразделением (обычно ротой). Капитан – не высшее офицерское звание, о чем свидетельствует текст произведения: *Лицо капитана выражало беспокойство школьника, которому велят сказать не выученный им урок. На красном (очевидно, от невоздержания) лице выступали пятна, и рот не находил положения. Полковой командир с ног до головы осматривал капитана, в то время как он, запыхавшись, подходил, по мере приближения сдерживая шаг* [Толстой 1:142]. В следующем контексте описывается встреча капитана Тимохина с Кутузовым: *А, Тимохин! – сказал главнокомандующий, узнавая капитана с красным носом, пострадавшего за синюю шинель. Казалось, нельзя было вытягиваться больше того, как вытягивался Тимохин в то время, как полковой командир делал ему замечание. Но в эту минуту обращения к нему главнокомандующего капитан вытянулся так, что, казалось, посмотри на него главнокомандующий еще несколько времени, капитан не выдержал бы; и потому Кутузов, видимо, поняв его положение и желая, напротив, всякого добра капитану, поспешно отвернулся. По пухлому, изуродованному раной лицу Кутузова пробежала чуть заметная улыбка* [Толстой 1:145].

Из примеров следует, что капитан подчиняется и полковому командиру, и главнокомандующему армии. По воинской субординации капитан – младшее звание командующего состава. Командовать капитан мог только военными служащими более низких званий, солдатами, которые образовывали боевую единицу – роту: *Засветились огни, и слышнее стал говор. Капитан Тушин, распорядившись по роте, послал одного из солдат отыскивать перевязочный пункт или лекаря для юнкера и сел у огня, разложенного на дороге солдатами* [Толстой 1:240-241]. Таким образом, это значение в романе Толстого соответствует одному из значений французского *capitaine*. Словарь Le Petit Robert приводит несколько значений слова: 1) *litt.* Chef militaire (‘полководец, военачальник’), 2) *cour.* Officier qui commande une compagnie d’infanterie, un escadron de cavalerie, une batterie d’artillerie (‘командир роты, эскадрона, батареи’),

3) *mar.* Officier qui commande un navire de commerce ('капитан судна'), 4) *hist.* Gouverneur de residence royale qui était charge de la surintendance des chasses ('управляющий королевской охотой'), 5) Chef d'une equipe sportive ('капитан спортивной команды'), 6) *pej.* Chef d'une grande enterprise ('главарь, заправила') [Le Petit Robert: 249]. Семантике лексемы *капитан*, употреблённой в «Войне и мире», ближе оказывается второе значение французского слова *capitaine* с пометой «общеупотребительное», которое появилось ещё в середине XVI века.

Подобно лексеме *генерал*, слово *капитан* является интернационализмом, поскольку оно представлено со схожей семантикой во многих европейских языках: Captain 1. (the title of) the person in charge of a ship or civil aircraft ('главный на корабле или воздушном судне'), 2. (the title of) an army, navy or (in the USA) air force officer ('звание офицера пехоты, на флоте (в США) и в военно-воздушных силах'), 3. the leader of a group or team ('лидер группы людей, команды') [Oxford: 165]. Поэтому происхождение лексемы решается неоднозначно. Следуя Фасмеру, можно сказать, что в русский язык слово *капитан* пришло «скорее из ит. *capitano*, чем через польск. *Kapitan*, судя по конечному ударению» [Фасмер 2:185]. Другие этимологические словари и словари иностранных слов дают другую версию: слово *капитан* происходит от фр. *capitaine* [Семёнов: 324; Крысин 2008: 421] и заимствуется в XVII веке в русский язык напрямую, либо через польский язык, служивший медиатором между французским и русским языками. В настоящее время в современном русском языке это заимствование стало полисемантом: Капитан, а, м. 1. Офицерское звание или чин в армии и во флоте (военно-морском) с добавочным указанием на ранг: капитан 1-го, 2-го, 3-го ранга; лицо, носящее это звание или чин; 2. Начальник, командир судна; 3. Глава, руководитель спортивной команды [БАС 5:777].

Во второй половине XIX века с развитием военно-морского дела звание капитана стало применяться не только в сухопутных войсках, но и во флоте, с обязательным указанием ранга. Например, капитан 1-го ранга соответствовал званию полковника в сухопутных войсках, а не званию капитана, т.е. имел не высший, но достаточно высокий чин. Офицер в звании капитана 1-го ранга мог

руководить судном, кораблём, поэтому такого человека стали называть капитаном, уже независимо от того, какое звание он носил. Произошло смещение значения в сторону детерминологизации лексемы, но с сохранением семы «главный». Позже слово приобрело ещё одно значение, в котором основная сема «военный чин» тоже отсутствует, а сохранилась сема «руководитель». Поэтому капитаном стали называть руководителя не только команды корабля, но и любой небольшой группы людей, чаще всего спортивной команды [Епишкин: 302].

Анализ значений по современным толковым словарям русского языка слова *капитан* показал, что большинство из них укоренились в языке, в том числе и основное значение – «воинское звание младшего офицерского состава».

Ещё одним французским заимствованием из группы младших офицерских званий является лексема *лейтенант*. Как отмечено в словаре Фасмера, лексема происходит «не из польского *lejtnant*, а от французского слова *lieutenant*, восходящего к латинскому словосочетанию *locum tenens* ‘наместник’» [Фасмер 2:477]. В современных словарях русского языка лексема моносемантична: ЛЕЙТЕНАНТ, -а, м. Офицерское звание или чин в армии и флоте, следующее за званием младшего лейтенанта (в царской армии – второй обер-офицерский чин во флоте), а также лицо, носящее это звание [Франц. *lieutenant*] [МАС 2:173]. Факт вхождения лексемы в русский язык зафиксирован в БАС со ссылкой на «Лексикон» Вейсмана [БАС 6:142], но в романе «Война и мир» лексема как отдельная единица языка отсутствует. Она встречается как часть сложных слов, где несёт смысловую нагрузку ‘заместитель, помощник’. Это значение слово русского языка перенимает из французского, где *lieutenant* обозначает не только звание, но и ‘заместитель’, ‘ближайший помощник’, ‘пособник’, ‘наместник’ [НФРЯ: 630]. В романе «Война и мир» Толстой называет генерал-лейтенантом князя Ауэрсперга фон-Маутерна: *Офицер посылает за Ауэрспергом; господа эти обнимают офицеров, шутят, садятся на пушки, а между тем французский батальон незамеченный входит на мост, сбрасывает мешки с горючими веществами в воду и подходит к tête de pont. Наконец, является сам генерал-лейтенант, наш милый князь Ауэрсберг фон-Маутерн. «Милый неприятель!*

Цвет австрийского воинства, герой турецких войн! Вражда кончена, мы можем подать друг другу руку... император Наполеон сгорает желанием узнать князя Ауэрсперга» [Толстой 1:200]. Так, генерал-лейтенант по званию Ауэрсперг фактически является заместителем, помощником австрийского фельдмаршала Карла Мака фон Лейбериха, известного под именем Мак. Сейчас обе лексемы – *генерал-лейтенант* и *лейтенант* – используются в русском языке, до сих пор обозначая соответствующие им звания.

Таким образом, процесс заимствования из одного языка в другой длительный и непростой: проходит несколько десятилетий или даже столетий, прежде чем заимствуемое слово полностью усвоится языком-реципиентом. Сегодня слова *генерал, майор, капитан, лейтенант* входят в состав русского языка, сохранив свое терминологическое значение. Изначально будучи военными терминами, они и до сих пор сохранили этот статус, входя в систему воинских званий Российской армии, но и в определённой степени подверглись детерминологизации, стали общеупотребительными: толкования этих слов приведены в БАС, МАС, словаре С. И. Ожегова и других толковых словарях русского языка.

2.2. Наименования лиц, принадлежащих к различным родам войск

В настоящее время исследование основных звеньев батальной лексики русского языка на разных этапах его развития не потеряло своей актуальности. Многие её элементы активно употребляются и сейчас, другие, ставшие уже историзмами, например, такие, как *гренадер, драгун, кавалергард, мушкетёр (мушкатер)*, до сих пор известны носителям русского языка благодаря книгам, кино, телевидению. Галлицизмы характерны для названий разных родов войск, лиц, участвующих в военных действиях, видов оружия и военного снаряжения вплоть до одежды, тактики и стратегии боевых действий и др. Остановимся на характеристике французских по происхождению слов *гренадер, драгун, кавалергард*, активно употреблявшихся в первой половине XIX века, о чём свидетельствуют воспоминания современников той эпохи [Мемуары: 119, 226, 359].

В романе «Война и мир» батальная лексика представлена широко и системно, поскольку действие произведения разворачивается в период войны 1812 года и предшествующих ему военных событий. Она включала в себя и слово *драгун*. Лексема *драгун* является элементом лексико-семантической группы названий лиц, служащих в конных войсках: *кавалерист, кирасир, драгун, конногвардеец, кавалергард, улан, гусар*. Эти агентивы подразделяются на номинации лиц, представляющих лёгкую кавалерию (уланы, гусары), тяжёлую кавалерию (драгуны, кирасиры) и привилегированные кавалерийские полки (конногвардейцы, кавалергарды), объединённых обобщающим словом *кавалерист*.

Лексема *драгун*, семантический вес которой в русском языке достаточно велик, активно употреблялась в первой половине XIX века. Высокая фреквенция слова в романе (35 случаев употребления) свидетельствует о том, что драгунские полки имели немаловажное значение при ведении боя. Первый драгунский полк появился в русской армии ещё при Михаиле Федоровиче (1631 г.), но уже в начале XIX века таких полков насчитывалось около 20. Появление драгун было обусловлено новой тактикой ведения боя: в XVI веке маршал Бриссак во время оккупации французского города Пьемонта посадил на коней отборных, смелых пехотинцев и использовал эти отряды, сражавшиеся пешком, для быстрых набегов [ЭСБЕ 21:94]. Впоследствии такой способ атаки стал применяться армиями многих европейских стран, в том числе и русской.

На страницах романа лексема встречается в основном в авторской речи, в нарративе произведения, но также органически включается в диалоги действующих лиц и во внутреннюю речь героев. Перед началом Шенграбенского сражения князь Андрей наблюдает расположение русских войск и составляет план боевых действий. Из его рассуждений ясно, что драгуны противопоставляются пехоте и относятся к кавалерии, которую князь Андрей намеревался «перевести назад», чтобы использовать её как резерв основным атакующим силам – пехоте: *Правый фланг наш располагался на довольно крутом возвышении, которое господствовало над позицией французов. По нем*

расположена была наша пехота, и на самом краю видны были драгуны [Толстой 1:218]. Тем не менее Толстой употребляет словосочетание *конный драгун*: *Все стояли в унылом молчании. Высокий малый водил губами и пошатывался. – У него спросить бы!.. Это сам и есть?.. Как же, успросил!.. А то что ж... Он укажет... – вдруг послышалось в задних рядах толпы, и общее внимание обратилось на выезжавшие на площадь дрожки полицеймейстера, сопровождаемого двумя конными **драгунами*** [Толстой 2:336], которое можно было бы считать плеоназмом, если бы драгуном называли любого воина на коне [Волотов 2011: 73-78]. В БАС слово *драгун* характеризуется следующим образом: «воин некоторых частей кавалерии, предназначенных для конных и пеших военных действий» [БАС 3:1084]. Подобный способ ведения боя в пешем строю сохраняется со времён возникновения драгун. Во времена Александра I драгуны уже перестали рассматриваться как пехота, посаженная на лошадей [ЭСБЕ 21:94].

В словаре В. Даля драгуном уже считается не пеший воин на коне, а конный воин, который может сражаться и в пешем бою: «ДРАГУН, м. конник, по оружию и приёмам способный также для пешего боя. *Это нашего полка драгун. Драгун бежит, земля дрожит, а оглянешься, в грязи лежит! Драгуньё, ср. сбр. Драгуны, конное войско. Драгунов, ему принадлежащий. Драгунский, им свойственный, к ним принадлежащий, относящ.*» [ТСЖВЯ 1:489]. В примерах, приведённых Далем из народной речи, драгун шутливо описывается как человек, воображающий себя смелым (*Драгун бежит, земля дрожит, а оглянешься, в грязи лежит!*), указывается также на наличие народной просторечной формы собирательного существительного с насмешливым и пренебрежительным оттенком значения, отсутствующей в романе Л. Н. Толстого (*Драгуньё, ср. сбр. Драгуны, конное войско*) [ТСЖВЯ 1:489]. Вооружены драгуны были саблями или палашами: *Сабли вон! – крикнул офицер драгунам, сам вынимая саблю... Руби! – прошептал почти офицер драгунам, и один из солдат вдруг с искаженным злобой лицом ударил Верещагина тупым палахом по голове* [Толстой 2:345] – и в отличие от кирасир (воины тяжёлой кавалерии) не носили кирас – металлических панцирей, мешавших свободно действовать в пешем ближнем бою.

Несмотря на то, что в романе нет упоминаний о чинах драгун в русской армии, известно, что во времена войны с Наполеоном драгуны имели не кавалерийские чины, чины были такие же, как в пехоте – драгунский капитан вместо ротмистра [Лермонтов 2:562]. В романе Толстой пишет и о французских драгунах. Они также носили чины инфантерии (пехоты). Так, в разговоре с Пьером Безуховым Рамбаль называет себя солдатом и драгунским капитаном:

*Oui, mon cher ami, voila les caprices de la fortune, – начал он. – Qui m'aurait dit que je serai soldat et capitaine de **dragons** au service de Bonaparte, comme nous l'appellions jadis. Et cependant me voila a Moscou avec lui... [Да, мой друг, вот колесо фортуны. Кто сказал бы мне, что я буду солдатом и капитаном драгунов на службе у Бонапарта, как мы его, бывало, называли. Однако же вот я в Москве с ним...]* [Толстой 2:369-370].

Свидетельства того, в какую форму были одеты драгуны, находим как у Толстого в романе, так и в произведении М. Ю. Лермонтова «Бородино», в котором описаны события войны 1812 года, а именно события Бородинской битвы. Французские драгуны носили синие мундиры (*Между оранжевыми уланами на рыжих лошадях и позади их, большой кучей, видны были синие французские драгуны на серых лошадях*) [Толстой 2:66], выделялись они касками с плюмажем из конского волоса – *драгуны с конскими хвостами* [Лермонтов 1:156]. Вероятно, мундиры французских офицеров и солдат отличались либо цветом, либо какими-то знаками отличия: *Почти все французские драгуны скакали назад. Ростов, выбрав себе одного из них на серой лошади, пустился за ним. По дороге он налетел на куст; добрая лошадь перенесла его через него, и, едва справясь на седле, Николай увидал, что он через несколько мгновений догонит того неприятеля, которого он выбрал своей целью. Француз этот, вероятно, офицер – по его мундиру, согнувшись, скакал на своей серой лошади, саблей подгоняя ее* [Толстой 2:68].

Лексема *драгун* заимствована из франц. *dragon* от лат. *draco* ‘дракон’ [Фасмер 1:533]. Между тем предпосылки наименования конных воинов «драконами» остаются неоднозначными и доподлинно неизвестными. Лингвисты

предполагают, что эта номинация связана с названием оружия, извергающего пламя, а затем перенесена на всадника, вооружённого этим оружием, другие считают, что номинация связана с изображением дракона на знамени драгунских полков. По манере действия на поле сражения драгунские полки действительно напоминали страшного зверя, внезапно появляющегося и молниеносно налетающего на своего неприятеля, наводя страх. Возможно, отсюда появилось название драгунских полков – «летучие отряды»: *В соответствии с этим планом 20 июня на Тырново выступил десяти тысячный летучий отряд из драгун, гусар, казаков и шести дружин болгарского ополчения* [Васильев 2005: 2:79].

В романе «Война и мир» слово *драгун* предстаёт как достаточно усвоенное в плане фонетико-морфологической адаптации слово в русском языке: употребляется в русской транскрипции и склоняется по 2-му склонению (*драгуна, -ы, -ам, -ами*). Показательно, что Толстой одинаково использует формы Р.п. мн. ч. – *драгун и драгунов – ряды французских драгун и капитан драгунов* (см. Приложение). Склоняющиеся по аналогичной схеме слова *улан* и *гусар* в романе также имеют две равнозначно употребляемые формы Р.п. мн. ч. – *отряд улан, сотни уланов, тонувших улан, конвой уланов и гусар, для гусар Павлоградского полка* и т.д. Следовательно, правила употребления этих форм в русском языке к середине XIX века окончательно не устоялись, хотя более предпочтительной книжной формой считается форма с нулевым окончанием в р.п. мн.ч. [Богородицкий: 138]. Появление звука [у] вместо исходного французского [о носовой] обязано посредству польского языка, через который шло заимствование и где в слове *dragon* в последнем закрытом слоге звук [о] произносится как закрытый лабиализованный звук. Более чем за полутора вековую историю после заимствования слово *драгун* было почти полностью ассимилировано носителями русского языка. Лексема имеет русскую транскрипцию, её облик мало изменился по сравнению с написанием в языке-источнике и соответствует слоговой структуре слов русского языка, она склоняется и способна к словообразованию (*драгунский*, ранее, по свидетельству Даля, была форма и *драгунов*, притяж. прил.). В структуре предложения лексема занимает обычную позицию

подлежащего или дополнения. В плане синтагматики слово *драгун* может иметь определения (*высокий, храбрый* и т.п.); в парадигматическом плане его можно сравнивать с лицами других видов конных войск – *улан, кирасир, кавалергард, гусар*, центральным, ядерным среди которых является *кавалерист*, до сих пор сохранившееся в русском языке. Частотность употребления этой лексемы в романе обуславливаются тем, что полки драгун составляли значительную часть русских войск кавалерии и при описании батальных сцен это слово является необходимым. Л. Н. Толстой упоминает также о драгунах других армий: *Уланы близко налетели на французских драгун, что-то спуталось там в дыму, и через пять минут уланы понеслись назад не к тому месту, где они стояли, но левее. Между оранжевыми уланами на рыжих лошадях и позади их, большой кучей, видны были синие французские драгуны на серых лошадях* [Толстой 2:66]. В XIX веке драгунские полки имелись во многих европейских армиях – Франции, Германии, Австрии, Англии. В Российской империи эти полки просуществовали вплоть до революции 1917 года, а потом были упразднены [ЭСБЕ 21:94; ВЭС: 244].

Таким образом, лексема *драгун* достаточно прочно вошла в русскую военную терминосистему и оставалась в русском языке вплоть до упразднения данного рода войск в начале XX века. В XIX веке в период активного употребления данной лексемы об её большом семантическом весе свидетельствуют произведения того времени. В романе «Война и мир» семантика слова передаётся через образ, который вырисовывается из многочисленных описаний драгунов, а словарь В. И. Даля помогает точно установить её, дополняя терминологическое значение лексемы, приведённое Л. Н. Толстым. Благодаря В. Далю, который в словаре показывает весь спектр семантики лексемы, мы понимаем, что слово *драгун* кроме терминологического значения в народной речи имело и переносные значения и действительно активно употреблялось в XIX веке в русском языке.

К конным войскам также относились *кавалергардские* полки. Кавалергардами в царской армии называли солдат или офицеров особого полка гвардейской тяжёлой кавалерии [БАС 5:632]. Первоначально такие полки

появились в 1724 году для почетного сопровождения императрицы Екатерины I, сформированного ко дню её коронации. Позже кавалергардию много раз расформировывали, но при Павле I, в 1800 году, кавалергардский полк вошёл в состав войск гвардии на одинаковых правах с прочими гвардейскими полками [ЭСБЕ 26:797]. Военный термин *кавалергард* образован путём сложения двух французских слов *cavalier* – «всадник» и *garde* – «охрана». Несмотря на то, что история кавалергардии насчитывает чуть менее двух столетий, слово не ассимилировалось полностью в русском языке. Представленное в Толковом словаре иноязычных слов Л. П. Крысина, оно до сих пор мыслится как заимствованное [Крысин 2008: 291], поскольку при разложении этого сложного слова на два составляющих его корня, второй корень *-гард-* не несёт в себе семантики, понятной русскоговорящему человеку без перевода. Из приведённых Л. Н. Толстым в романе описаний кавалергардов складывается образ рослого и крепкого воина, верхом на лошади, участвующего в боевых действиях в особых случаях в отличие от солдата-пехотинца: *Не успел он проехать нескольких сот шагов после этого, как влево от него, наперерез ему, показалась на всем протяжении поля огромная масса кавалеристов на вороных лошадях, в белых блестящих мундирах, которые рысью шли прямо на него. Ростов пустил лошадь во весь скок, для того чтоб уехать с дороги от этих кавалеристов, и он бы уехал от них, ежели бы они шли всё тем же аллюром, но они всё прибавляли хода, так что некоторые лошади уже скакали. Ростову всё слышнее и слышнее становился их топот и бряцание их оружия и виднее становились их лошади, фигуры и даже лица. Это были наши кавалергарды, шедшие в атаку на французскую кавалерию, подвигавшуюся им навстречу [Толстой 1:346].*

Гренадер. Это слово проникло в русский язык из французского языка (от франц. *grenadier*), что в переводе означает «метатель гранат». Заимствование лексемы в русский язык произошло в начале XVIII века [СРЯ XVIII 5:171] и обусловлено необходимостью в наличии такого рода войск, вооружённых гранатами. При Петре Великом в каждом пехотном полку была сформирована гренадерская рота, что соответствовало европейской практике. Однако к середине

XVIII века в российской армии преобладали целиком гренадерские части – батальоны и полки гренадер. В гренадеры набирали только высоких по росту солдат. Гренадерские части уже в то время осознавались именно как элитные, и получали различные привилегии. Например, во многих армиях привилегией гренадер было ношение усов – остальные солдаты были гладко выбриты [ВЭС: 212; ЭСБЕ 18:617]. Подтверждение этому мы находим на страницах романа «Война и мир»: *Кутузов, нетерпеливо подталкивая свою лошадь, плывшую иноходью под его тяжестью, и беспрестанно кивая головой, прикладывал руку к бедой кавалергардской (с красным околышем и без козырька) фуражке, которая была на нем. Подъехав к почетному караулу молодцов **гренадеров**, большей частью кавалеров, отдававших ему честь, он с минуту молча, внимательно посмотрел на них начальническим упорным взглядом и обернулся к толпе генералов и офицеров, стоявших вокруг него* [Толстой 2:169]; *Ваши **гренадеры** были великолены, ей-богу. Я видел, как их ряды шесть раз смыкались и как они выступали точно на парад. Чудный народ!* [Толстой 2:364-365]. На иностранное происхождение слова указывает вариативность в его произношении – *гренадер / гренадёр*. Вариант со звуком [е] является нормативным, правильным [Аванесов: 111]. Ошибочный вариант произношения возникает, вероятно, вследствие влияния морфологических особенностей слова в языке-доноре: многие французские слова, обозначающие лиц, профессии, имеют продуктивный суффикс *-eur*, который путём калькирования заимствован в русский язык (*стажёр, дирижёр*) [Ипполитова]. В современном русском языке историзм *гренадер* чаще используется в переносном значении для обозначения рослых, крепких людей [МАС 1:346].

Первая половина XIX века, когда слова *гренадер, драгун, кавалергард* были отражены Л. Н. Толстым в романе, – период наиболее активного их употребления и процесса усвоения русским языком. Описанные галлицизмы входят в словарный состав русского языка XVII – XVIII веков, но со временем выходят из активного употребления ввиду упразднения этих родов войск. В настоящее время эти историзмы используются при описании исторических событий прошлых

столетий. В современном русском языке рассмотренные лексемы остаются терминами военной сферы и в определённой мере усвоены системой русского языка.

2.3. Наименования должностей в армии и лиц по роду деятельности

Среди заимствованной батальной агентивной лексики французского происхождения наименее используемыми в настоящее время носителями русского языка, но актуальными в первой половине XIX века были лексемы *бригадир, дивизионер, жандарм, интендант, каптенармус, карабинер, корнет, ординарец, партизан, рекрут, фланкер*. Рассмотрим их семантику в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Корнет. В Словаре русского языка лексема *корнет* охарактеризована так: КОРНЕТ, -а, м. Первый офицерский чин в кавалерии и войсках пограничной стражи в дореволюционной русской армии, соответствовавший подпоручику в пехоте, а также офицер в этом чине. [Франц. *cornette*] [МАС 2:105]. Происхождение лексемы решается неоднозначно: по данным этимологического словаря М. Фасмера в русский язык это слово попало через немецкое *Kornet* из французского *cornette* – «знаменосец», либо непосредственно из французского *cornette* «флаг с двумя вымпелами, штандарт кавалеристской роты» от *cornet* «рожок» [Фасмер 2:330]. Яснее этимология слова прослеживается во французских толковых словарях, где представлены два омонима *cornette*, отличающиеся категорией рода. Лексема женского рода *cornette*, происходящая от французского *corne* «рожок», имеет несколько значений, одно из которых – *étendard d'une compagnie de cavalerie; cette compagnie elle-même* («знамя кавалерийского полка и сам полк») [Larousse: 256; Le Petit Robert: 395]. Лексема мужского рода однозначна – *autrefois, officier portant l'étendard d'une compagnie de cavalerie; sous-lieutenant de cavalerie* («офицер, несущий знамя кавалерийского полка») [Larousse: 256; Le Petit Robert: 395]. Причина наименования лица словом *cornette*, обозначающим неодушевлённый предмет, объясняется фактом переноса значения по смежности с изменением категории рода исходной лексемы.

Чин корнета был введён императрицей Анной Иоанновной для кавалерии в 1731 году и соответствовал самому низшему 14-му классу Табели о рангах [Табель о рангах 1]. Этот чин был свойственен всем родам войск кавалерии: корнеты входили в состав Кавалергардского полка, который включал в себя и другие строевые чины (ротмистры, поручики, вахмистры, эстандарт-юнкеры). Из текста романа становится ясно, что корнеты служили и в гусарских полках: *Гусарский корнет из свиты Кутузова, передразнивавший полкового командира, отстал от коляски и подъехал к Долохову. Гусарский корнет Жерков одно время в Петербурге принадлежал к тому буйному обществу, которым руководил Долохов* [Толстой 1:149]. Один из героев «Войны и мира», Николай Ростов, недавно произведённый в офицеры гусарского Павлоградского полка, носил звание корнета: *Ростов недавно отпраздновал свое вышедшее производство в корнеты, купил Бедуина, лошадь Денисова, и был кругом должен товарищам и маркигантам* [Толстой 1:291]. Тем самым Толстой подтверждает, что корнет был исключительно кавалерийским чином и офицеры в этом звании должны были иметь лошадь. В русском языке лексема не имеет однокоренных производных слов, в романе она употреблена 7 раз, но обладает свойственной лексемам русского языка парадигмой склонения и в предложении свободно сочетается с другими частями речи – *гусарский корнет, производство в корнеты*.

Аналогично лексеме *корнет* историзмом является лексема *каптенармус*, обозначавшая должностное лицо в армии. Слово происходит от французского *capitaine d'armes* и заимствуется в русский язык, претерпевая впоследствии ряд фонетических изменений (*капитан дес армес* -> *каптенармус*). Употребления лексемы в русском языке восходят к петровской эпохе, когда форма слова ещё испытывает колебания. Этот факт зафиксирован в «Книге о эксерциции, церемониях и должностях воинским людям надлежащих»: *за всякою ротою каптенармес* [Книга об эксерциции 2:8]. Очевидно, что данный воинский устав закрепляет каптенармуса для исполнения своих обязанностей за каждой ротой. В словаре иностранных слов лексеме дано следующее определение: *должностное лицо младшего командного состава, ведающего в роте хранением и выдачей*

снаряжения, обмундирования и продовольствия [НСИС: 434; СИС 2000: 466]. В МАС отмечено, что эта должность существовала и в Советской Армии, но только до 50-х годов XX века [МАС 2:30-31]. Несмотря на единичное употребление в романе, она точно характеризует предназначение и функции каптенармуса. Каптенармусом в романе называется человек, ответственный за снабжение солдат продовольствием: *Солдаты тащили дрова и хворост и строили балаганчики, весело смеясь и переговариваясь; у костров сидели одетые и голые, суша рубахи, подвертки или починивая сапоги и шинели, толпились около котлов и кашеваров. В одной роте обед был готов, и солдаты с жадными лицами смотрели на дымившиеся котлы и ждали пробы, которую в деревянной чашке подносил каптенармус офицеру, сидевшему на бревне против своего балагана* [Толстой 1:215]. Значение слова у Толстого соответствует значению, данному в словаре иностранных слов. Неустойчивость фонетико-морфологической формы слова в период активного употребления (*каптинармусь—капитань-десь-армесь*) является характерным признаком его «чужеродности» в лексической системе русского языка [Сороколетов: 270]. В настоящее время данная лексическая единица не воспринимается как полностью ассимилированная, поскольку имеет на конце слова *-ус*, формант, присущий заимствованиям из латинского. Поэтому многие носители русского языка полагают, что лексема *каптенармус* является именно латинизмом, аналогично лексемам *архивариус, нотариус, гладиолус, тезаурус* и др.

По модели словообразования в русском языке сходны слова *бригадир* и *дивизионер*. В общем смысле обе лексемы служат для наименования лиц, командующих соответствующими армейскими подразделениями. Так, бригадир возглавляет войсковое соединение, состоящее из нескольких полков, батальонов или батарей, или *бригаду* [МАС 1:115]. Этимология лексемы *бригадир* в русском языке спорна: она либо результат прямого заимствования агента из языка-донора, либо производное от однокоренной лексемы аффиксальным способом. Предположительно такое именование командиров бригад, т.е. соединений по тактическому уровню выше полков и ниже дивизий, возникло из средневекового

термина лат. *brigandarius* – так в Европе называли командиров наёмных дружин (бриганс, бригантин). В этимологическом словаре М. Фасмера отмечается, что *бригада* в переводе с европейских языков – нем. *Brigade*, франц. *brigade*, ит. *brigata* – означает «несколько полков» [Фасмер 1:213]. Поэтому лицо, командующее несколькими полками, или бригадой, получило своё название путём прибавления к производящей основе агентивного суффикса *-ur* (*бригада* -> *бригадур*). Наиболее вероятно, что лексема *бригадур* напрямую заимствована в русский язык: по этимологическому словарю М. Фасмера, «бригадир, со времени Петра I; см. Смирнов 66, где это слово объясняется из нем. *Brigadier*» [Фасмер 1:213]. В качестве языка-источника происхождения лексемы *бригадур* во многих словарях указывается немецкий язык, в котором фонетическая форма лексемы *Brigadier* ближе к русской форме, чем французская *brigadier* или итальянская *brigadiere*. Несмотря на это не исключено, что в русский язык лексема заимствовалась из французского языка по принципу лексемы *гренадер* (из франц. *grenadier* через нем. *Grenadier*). Факт непосредственного заимствования лексемы *бригадур* в русский язык подтверждают толкования её значений, приведённые в словарях русского языка, где смысл лексемы разъясняется с помощью определения её места в терминосистеме воинских званий: «Истор. Военный чин в царской армии (XVIII в.), средний между полковником и генералом» [БАС 1:629-630]. Такой способ толкования лексемы при помощи использования лексем, значения которых связаны иерархически, свидетельствует о том, что слово *бригадур* является элементом терминосистемы воинских званий. В Табели о рангах образца 1722 и 1730 годов термин *бригадур* является чином пятого класса в пехоте и кавалерии, выше звания полковника, но ниже звания генерал-майора [Табель о рангах 2]. В толковом словаре французского языка Larousse слово *brigadier* имеет 2 значения: 1. Grade correspondant à celui de caporal, dans la cavalerie, l'artillerie et le train (anciennes armes montées) ('чин, соответствующий званию капрала в кавалерии, артиллерии, транспортных войсках'), 2. Général de brigade [Larousse: 140; Le Petit Robert: 217]. Первая характеристика аналогична толкованию этого слова в качестве термина в словарях русского языка, вторая же

поясняет слово через словосочетания при помощи лексем с тем же корнем – ‘бригадный генерал’, ‘командующий бригадой’. БАС со ссылкой на «Лексикон вокабулам новым» свидетельствует о том, что в начале XVIII века слово имело форму *брегадир* [БАС 1:629-630], но уже в начале следующего столетия лексема получила свою нынешнюю форму, более привычную для носителя русского языка.

Чин бригадира упоминается также в некоторых произведениях русской литературы XVIII века, одним из которых является комедия Д. И. Фонвизина, носящая одноимённое название – «Бригадир». В ней повествуется о жизни двух семей провинциальных помещиков и предстоящей свадьбе их детей – Иванушки и Софьи. Отец Иванушки, бригадир Игнатий Андреевич советует своему сыну «прилежать к делам» и читать «артикул и устав военный», ему интересно лишь то, что касается военного дела. Интересы и род занятий Игнатия Андреевича указывают на то, что он, являясь офицером пятого класса, носит воинское звание бригадира [Фонвизин: 33].

В эпопее «Война и мир» лексема *бригадир* встречается один раз:

А я знаю, отчего ей стыдно будет, – сказал Петя, обиженный первым замечанием Наташи, – оттого, что она была влюблена в этого толстого с очками (так называл Петя своего тезку, нового графа Безухого); теперь влюблена в певца этого (Петя говорил об итальянце, Наташином учителе пенья): вот ей и стыдно.

– Петя, ты глуп, – сказала Наташа.

– Не глупее тебя, матушка, – сказал девятилетний Петя, точно как будто он был старый бригадир [Толстой 1:288]. Здесь неясно, в каком значении употреблено слово *бригадир*, поскольку участники разговора – Наташа, Соня и Петя – люди невоенные и предметом их диалога является бытовая сторона их жизни. Из контекста произведения Л. Н. Толстого следует, что Петя сравнивается именно с военным, старослужащим. Несмотря на то, что чин бригадира к этому времени был упразднён ещё Павлом I [ЭСБЕ 2:65], то есть примерно за десятилетие до событий, описываемых в романе, отставные бригадиры в начале

XIX века ещё оставались. Косвенно терминологичность значения лексемы *бригадир* доказывает то, что однокоренная лексема *бригада* в романе также употреблена исключительно в военном терминологическом значении (см. с. 114). После упразднения этого чина Павлом I лексема *бригадир* утратила своё основное значение военного термина и, сохранив сему 'командующий, руководитель', получила новое значение – «Нов. Руководитель бригады, ответственный за её работу, передовой организатор социалистических форм труда. *Колхозный бригадир*» [БАС 1:629-630]. Как указано в БАС, производящая основа *бригада* изменила семантику, обозначая уже не соединение войсковых частей, а «коллектив, группу людей одной и той же или нескольких связанных друг с другом профессий, выполняющих определённое производственное задание на заводе, в колхозе, в учреждении и т. п.» [БАС 1:629-630]. В русском языке в настоящее время лексема *бригадир* используется исключительно в значении «колхозный бригадир, бригадир цеха», как военный термин устарело и считается историзмом. Производящие основы *бригад-* и *бригадир-* с военно-терминологическим значением при помощи суффиксов *-н-* и *-ск-*, передающих сему принадлежности или отношения к чему-либо, образуют также имена прилагательные *бригадный* и *бригадирский*. В БАС отмечается, что словосочетание с прилагательным *бригадный* – *бригадный генерал* – имеет значение «военный чин, соответствовавший генерал-майору» [БАС 1:629-630]. Помета *устар.* свидетельствует о том, что в качестве номинации военного чина в армейской терминосистеме званий словосочетание в настоящее время не употребляется. Тем не менее данное словосочетание, сохраняя «военную» сему, сейчас используется для наименования руководителей бандформирований, в том числе участвующих в боевых действиях на Кавказе, так называемых «главарей боевиков»: *В Чечне задержаны четверо боевиков, в том числе так называемый масхадовский «бригадный генерал», сообщили в Региональном оперативном штабе (РОШ) по управлению контртеррористической операцией на северном Кавказе. Накануне в ходе спецоперации в селе Дзумсой (Итум-Калинский район) были задержаны четверо активных участников незаконного вооруженного*

формирования, – сказал представитель РОШ. В их числе, так называемый «бригадный генерал» – 45-летний Вахид Мухаев, отметили в штабе [Ytro.ru]. Здесь словосочетание действительно употреблено в качестве военного термина, но поскольку у бандформирований принята неофициальная система воинских чинов и званий, актуальное значение этого сочетания лексем нельзя приравнять к устаревшему значению.

Аналогичная по модели словообразования с лексемой *бригадир*, лексема *дивизионер* в толковых словарях русского языка отсутствует. Её значение объясняется через семантику производящей основы *дивизион* – структурная боевая единица в артиллерии, состоящая из нескольких эскадронов (см. с.112). То, что значение лексемы *дивизионер* привязано к семантике производящей основы *дивизион*, наглядно изображено в «Войне и мире»: *Эскадрон объехал пехоту и батарею, также торопившуюся идти скорее, спустился под гору и, пройдя через какую-то пустую, без жителей, деревню, опять поднялся на гору. Лошади стали взмыливаться, люди раскраснелись.*

– Стой, равняйся! – послышалась впереди команда дивизионера.

– Левое плечо вперед, шагом марш! – скомандовали впереди [Толстой 2:65-66].

В этом примере описываются манёвры кавалерийского эскадрона, готовящегося к боевым действиям. Здесь дивизионер командует не дивизионом, а эскадроном, как более мелкой тактической боевой единицей, чем дивизион, также находящимся у него в подчинении. Примечательно, что дивизинером назван не тот, кто входит в состав дивизиона, а именно тот, кто командует им, поскольку для наименования командующего требуется отдельное слово, тогда как для наименования одного из пятисот офицеров и солдат, составляющих дивизион, специальный термин не так важен и вполне равноценно заменим синонимичными лексемами и словосочетаниями.

Ординарец. Поскольку иноязычное происхождение этого слова в русском языке неочевидно, спорным является и вопрос об его этимологии. Корень латинского глагола *ordinare* ‘приводить в порядок’ послужил основой для

образования слова *Ordonnanz* в немецком языке и слова *ordonnance* во французском языке, ставших, по разным версиям, источником для заимствования в русский язык. М. Фасмер отмечает, что лексема *ординарец* заимствована из нем. *Ordonnanz* от франц. *ordonnance* «ординарец»: *ordonner* «приказывать» [Фасмер 3:150]. В БАС дана помета о заимствовании лексемы через немецкий язык, тогда как в МАС в качестве языка-источника указан только французский язык. «Военный словарь» С. А. Тучкова определяет происхождение слова *ординарец* следующим образом: *ординарец – испорченное французское слово, «приказной» или «для приказаний», значит человека, посланного к начальнику для отдавания его повелений. Ординарцы посылаются к начальникам по их чинам, и бывают Обер- и Унтер-офицерского звания* [Тучков 2:57]. Из определения следует, что ординарец – не воинское звание, а должность в армии при командующем, военачальнике и что военнослужащие в этой должности могли носить воинские чины как младшей, так и старшей категории.

История и точное время появления ординарцев в русской армии неизвестны. В книге «История русской армии, 1812–1864 гг.» отмечается, что ординарцы состояли на службе в русской армии в первой половине XIX века: *Генеральный штаб (свита императора по квартирмейстерской части) имел блестящих представителей, таких как князь Волконский, Довре, Толь, Дибич. Остальные офицеры тоже были хороши, хотя Генеральный штаб вообще был импровизированным, без большой подготовки... Число офицеров невелико: на корпус не более двух, на дивизию – один. Служба главным образом на коне; письменной работой занимались мало. Даже диспозиции составлялись не Генеральным штабом, а в ходе дежурства: собирались офицеры Генерального штаба и ординарцы, и дежурный генерал диктовал им диспозицию; затем она запечатывалась в конверт с надписью «вскрыть в таком-то часу» и передавалась офицеру штаба для доставки соответствующему начальнику* [Орлов: 99]. Некоторые источники указывают, что ординарцы были на военной службе уже во времена Петра I [Фасмер 3:150], но слово имело формы *ординанц* и *ордонанц*, схожие по звучанию с исходной лексемой *ordonnance* из языка-

источника. Эти формы являются промежуточными вариантами слова *ординарец* в процессе его адаптации в русском языке, поскольку в первой половине XIX века слово приобрело звучание, более привычное современному носителю русского языка. В «Войне и мире», где уже отсутствуют устаревшие формы слова *ординарец*, насчитывается 10 употреблений этого слова. Его значение в романе идентично значениям, приведенным в словарях русского языка: *Жерков, после своего изгнания из главного штаба, не остался в полку, говоря, что он не дурак во фронте лямку тянуть, когда он при штабе, ничего не делая, получит наград больше, и умел пристроиться ординарцем к князю Багратиону.* [Толстой 1:178]; *Сменившись из цепи, Ростов успел соснуть несколько часов перед утром и чувствовал себя веселым, смелым, решительным... Все желания его исполнялись в это утро; давалось генеральное сражение, он участвовал в нем; мало того, он был ординарцем при храбрейшем генерале; мало того, он ехал с поручением к Кутузову, а может быть, и к самому государю* [Толстой 1:345] (см. Приложение).

Из контекстов ясно, что ординарцы выполняли функции посыльных, передавая различного рода поручения, приказы командующих. Они состояли на службе у командующих разных чинов и званий – генералов, маршалов, князей – и были в их личном подчинении. Так, Николай Ростов был ординарцем «при храбрейшем генерале», а Жерков – личным ординарцем князя Багратиона. Быть ординарцем было престижно, поскольку они находились чаще всего в непосредственной близости и контакте с командующими армией и подвергались меньшему риску, чем солдаты и офицеры, принимающие участие в боевых действиях. Неслучайно Жерков говорит, что «он не дурак во фронте лямку тянуть, когда он при штабе, ничего не делая, получит наград больше». От ординарцев, точнее от их умения выполнять задания командования, мог зависеть результат отдельного боя или целого сражения вследствие несвоевременной доставки донесения или гибели ординарца: *Когда диспозиция была готова в должном количестве экземпляров, был призван офицер и послан к Ермолову, чтобы передать ему бумаги для исполнения. Молодой кавалергардский офицер,*

ординарец Кутузова, довольный важностью данного ему поручения, отправился на квартиру Ермолова [Толстой 2:469]. Как мы видим из примера, ординарцы имели звания, младшие или старшие, в соответствии с чином командующего, при котором они служат. Как правило, ординарцы принимались на службу из числа кавалергардских офицеров и имели лошадь для быстроты передвижения и передачи поручений. Для выполнения таких функций солдаты и офицеры были необходимы в любой армии, поскольку других средств передачи посланий командующих в то время не существовало.

В свите императоров были отобранные молодцы-ординарцы, русские и австрийские, гвардейских и армейских полков. Между ними велись берейторами в расшитых пополах красивые запасные царские лошади [Толстой 1:338-339]; С поля сражения беспрестанно прискакивали к Наполеону его посланные адъютанты и ординарцы его маршалов с докладами о ходе дела; но все эти доклады были ложны: и потому, что в жару сражения невозможно сказать, что происходит в данную минуту, и потому, что многие адъютанты не доезжали до настоящего места сражения, а передавали то, что они слышали от других; и еще потому, что пока проезжал адъютант те две-три версты, которые отделяли его от Наполеона, обстоятельства изменялись и известие, которое он вез, уже становилось неверно [Толстой 2:239-240]. В этих примерах из «Войны и мира» отмечается, что посыльные служили не только в русской армии, но и в армиях Австрии, Франции, при маршалах Наполеона, и многих других армиях. Наряду с ординарцами, схожими функциональными обязанностями были наделены адъютанты, которые состояли при военачальнике или при штабе того или иного формирования (начиная с дивизионного уровня и вплоть до корпуса, армии, фронта) для исполнения служебных поручений или для выполнения штабной работы [МАС 1:26]. В распоряжении одного командующего могло находиться несколько адъютантов и ординарцев, причём их численность не всегда была оправдана: *Вот что, мой милый, я думал о вас, – сказал князь Андрей, когда они прошли в большую залу с клавирами. – К главнокомандующему вам ходить нечего, – говорил князь Андрей, – он наговорит вам кучу любезностей,*

*скажет, чтобы приходили к нему обедать («это было бы еще не так плохо для службы по той субординации», подумал Борис), но из этого дальше ничего не выйдет; нас, адъютантов и **ординарцев**, скоро будет батальон...* [Толстой 1:305-306] (см. Приложение).

Лексема *ординарец* свободно сочетается с другими частями речи (см. Приложение). В «Войне и мире» в одном из контекстов рядом с лексемой для оценочной характеристики в качестве приложения употреблено имя существительное – *молодцы-ординарцы*. Лексическая единица *ординарец* прочно укоренилась в русском языке, получив в процессе морфонологического приспособления финальное *-ец*, схожее с русским суффиксом *-ец* со значением «субъект по действию» [Гимпелевич: 192-198]. В настоящее время эта лексема, являясь историзмом, не используется для обозначения соответствующего явления.

Сходной по роду деятельности с каптенармусом является должность интенданта. В МАС определение лексемы *интендант* – «военнослужащий интендантской службы» – не разъясняется и отсылает к другому военному термину. Интендантская служба – система учреждений и заведений, осуществляющих снабжение вооруженных сил всеми видами довольствия [МАС 1:671]. В отличие от каптенармуса интендант, являясь военнослужащим, занимается исключительно снабжением армии, т.е. основная часть их военной службы проходит вдали от боевых действий. Немногочисленные случаи употребления (2 раза) в «Войне и мире» всё же помогают раскрыть нюансы значений словарных дефиниций. *Дело главнокомандующего, казалось бы, состоит только в том, чтобы выбрать один из этих проектов. Но и этого он не может сделать. События и время не ждут. Ему предлагают, положим, 28-го числа перейти на Калужскую дорогу, но в это время прискакивает адъютант от Милорадовича и спрашивает, завязывать ли сейчас дело с французами или отступить. Ему надо сейчас, сию минуту, отдать приказанье. А приказанье отступить сбивает нас с поворота на Калужскую дорогу. И вслед за адъютантом **интендант** спрашивает, куда везти провиант, а начальник госпиталей – куда везти раненых...* [Толстой 2:271]. Здесь перед интендантом

стоит задача доставить провиант, т.е. продукты, для солдат, и он осведомляется у главнокомандующего, находящегося, по всей видимости, в штабе, о пункте назначения той или иной части армии. В другом контексте, взятом из «Войны и мира», слово употреблено с приставкой немецкого происхождения *обер-* ‘старший, главный’, выполняющей смысловозначительную функцию.

– Тебе Кирилл Андреевич Денисов, *обер-интендант*, как приходится? – перебил его Кутузов.

– Дядя г'одной, ваша светлость.

– О! приятели были, – весело сказал Кутузов. – Хорошо, хорошо, голубчик, оставайся тут при штабе, завтра поговорим. – Кивнув головой Денисову, он отвернулся и протянул руку к бумагам, которые принес ему Коновницын [Толстой 2:171].

Здесь лексема *обер-интендант* выступает в качестве самостоятельного термина, отдельного от термина *интендант*, поскольку приобретает несколько иное значение «должность выше, чем интендант» или «начальник интендантской службы». В настоящее время слово *интендант*, ставшее историзмом, в современном русском языке заменяется словом *снабженец*, впрочем, также устаревающим.

Ещё одним военным термином французского происхождения является лексема *партизан*. В разных источниках наряду с французским источником заимствования (из франц. *partisan*) в качестве возможных указаны и другие источники, в том числе опосредованные – пол. *partizant*, нем. *Partisan*, итал. *partigiano* [Биржакова: 106; Фасмер 3:209]. Мы склонны считать, что именно французский язык стал донором, поскольку итальянская форма слова отличается от русской формы слова, а в немецком языке ударение падает на первый слог, тогда как во французском на последний слог. В русский язык слово проникло в петровскую эпоху и первоначально имело значения ‘приверженец’, ‘сторонник’ [Фасмер 3:209]. В современном французском языке лексема *partisan* является полисемантом, сохранив исходное значение: 1. *Personne qui est attachée à une cause, à un parti, à une doctrine, etc., dont elle prend la défense: Les partisans de la*

république (‘человек, придерживающийся какого-л. мнения, доктрины, которые он защищает’); 2. Combattant n'appartenant pas à une armée régulière et luttant pour un idéal national, politique, religieux, etc (‘человек, не принадлежащий регулярной армии, борющийся за национальные, политические и религиозные идеалы’); 3. Combattant recruté par une armée régulière et intégré dans des formations militaires ou paramilitaires (‘солдат регулярной армии государства или военизированных формирований’) [Larousse: 681]. Последние два определения относятся к военной тематике.

В современном русском языке слово также многозначно. В МАС приведена следующая статья: ПАРТИЗАН, 1. Участник партизанской борьбы, член партизанского отряда. 2. *Устар.* Один из первых сторонников кого-, чего-л. [Франц. partisan] [МАС 3:26]. В словарной статье второе значение отмечено пометой *устар.* как вышедшее из употребления. Поскольку и в русском языке, и во французском языке слово имеет аналогичную семантику, очевидно, что значение лексемы *партизан* не трансформировалась в русском языке от первоначального «сторонник», «приверженец» до «участник партизанской борьбы», а оба эти значения заимствовались из другого языка вместе с понятиями.

Точное время появления партизан неизвестно, но, как уже было отмечено выше, первые партизанские движения начали зарождаться в эпоху Петра I, а уже в войне с Наполеоном сыграли немаловажную роль в победе русской армии. В военно-энциклопедическом словаре отмечается, что партизанское движение в Отечественной войне 1812 года представляло собой «вооружённую борьбу русского народа, преимущественно крестьян, и отрядов русской армии в тылу наполеоновских войск и на их коммуникациях» [ВЭС: 539]. В «Войне и мире» Л. Н. Толстой в деталях характеризует предназначение партизанского движения в войне: *Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, оставление и пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспортов, партизанская война – все это были отступления от правил... Одним из самых осязательных и выгодных*

отступлений от так называемых правил войны есть действие разрозненных людей против людей, жмущихся в кучу. Такого рода действия всегда проявляются в войне, принимающей народный характер. Действия эти состоят в том, что, вместо того чтобы становиться толпой против толпы, люди расходятся врозь, нападают поодиночке и тотчас же бегут, когда на них нападают большими силами, а потом опять нападают, когда представляется случай. Это делали гверильясы в Испании; это делали горцы на Кавказе; это делали русские в 1812-м году. Войну такого рода назвали партизанскою и полагали, что, назвав её так, объяснили её значение... [Толстой 2:515-519] (см. Приложение).

В этом контексте автор детально описывает характер и задачи партизанской войны, являющейся по сути народным сопротивлением, борьбой населения с врагом на оккупированной им территории. В такого рода противостоянии партизаны вели боевые действия небольшими группами, точно нападая на неприятеля. Для этого они использовали следующие приёмы ведения боя: устраивали диверсии, поджигали оставленные деревни, набегами нападали на французские войска, воровали провиант и угоняли лошадей. Л. Н. Толстой также упоминает реально существовавшего человека, русского партизана, который является одним из самых узнаваемых героев того времени. Дениса Давыдова по праву считают первым русским партизаном и основателем этого движения, зародившегося в петровский период, но официально признанного правительством именно во время Отечественной войны 1812 года, о чём свидетельствуется в повествовании романа «Война и мир».

Поскольку в словарях русского языка определение слова *партизан* не расшифровывается и толкуется при помощи однокоренного слова, значение которого тоже не конкретизируется, то текст произведения Л. Н. Толстого можно считать ценнейшим источником семантизации лексического материала, где новые или малознакомые читателю слова и понятия представлены семантически развёрнуто и стереоскопично.

Десяти случаев употребления автором в романе слова *партизан* оказывается достаточно, чтобы составить целостный семантический облик этой лексемы. Цели и задачи действий партизанских отрядов раскрываются в следующих контекстах:

Мелкие же партизаны, давно уже начавшие свое дело и близко высматривавшие французов, считали возможным то, о чем не смели и думать начальники больших отрядов. Казаки же и мужики, лазившие между французами, считали, что теперь уже все было возможно. 22-го октября Денисов, бывший одним из партизанов, находился с своей партией в самом разгаре партизанской страсти. С утра он с своей партией был на ходу. Он целый день по лесам, примыкавшим к большой дороге, следил за большим французским транспортом кавалерийских вещей и русских пленных, отделившимся от других войск и под сильным прикрытием, как это было известно от лазутчиков и пленных, направлявшимся к Смоленску. Про этот транспорт было известно не только Денисову и Долохову (тоже партизану с небольшой партией), ходившему близко от Денисова, но и начальникам больших отрядов с штабами: все знали про этот транспорт и, как говорил Денисов, точили на него зубы. Двое из этих больших отрядных начальников – один поляк, другой немец – почти в одно и то же время прислали Денисову приглашение присоединиться каждый к своему отряду, с тем чтобы напасть на транспорт [Толстой 2:519-520];

«Едва ли выйдет другой такой случай, как нынче, напасть на транспорт. Одному нападать слишком рискованно, а отложить до другого дня – из-под носа захватит добычу кто-нибудь из больших партизанов», – думал Денисов, беспрестанно взглядывая вперед, думая увидеть ожидаемого посланного от Долохова [Толстой 2:522].

Партизаны действовали не лицом к противнику, а в его тылу, перемешиваясь с армией Наполеона. Ценность таких отрядов заключалась в сложности определения их местонахождения, а следовательно, в невозможности полного их уничтожения французами. По численности партизанские отряды были как «большие», так и «мелкие», различались они и по составу: ...этих партий различных величин и характеров были сотни. Были партии, перенимавшие все

приемы армии, с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; были одни казахи, кавалерийские; были мелкие, сборные, пешие и конные, были мужицкие и помещичьи, никому не известные. Был дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных [Толстой 2:519]. Молниеносность атак партизан и их неуловимость обуславливалась способом их действий, верхом на лошадях: *партизаны*, сами удивляясь своей дерзости, боялись всякую минуту быть пойманными и окруженными французами и, не расседывая и почти не слезая с лошадей, прятались по лесам, ожидая всякую минуту погони [Толстой 2:519]. Несмотря на то, что в ряды партизан набирались невоенные люди, добровольцы из числа обычных мужиков, они оказывали огромную помощь русской армии, иногда даже взаимодействовали с командованием армии, доводя до него ценную информацию о противнике – *Он, как опытный охотник, знал, что зверь ранен, ранен так, как только могла ранить вся русская сила, но смертельно или нет, это был еще не разъясненный вопрос. Теперь, по присылкам Лористона и Бертелеми и по донесениям партизанов, Кутузов почти знал, что он ранен смертельно. Но нужны были еще доказательства, надо было ждать* [Толстой 2:506]. Значение партизан в Отечественной войне было трудно переоценить, поскольку они сыграли ключевую роль в победе над Наполеоном, внося беспорядок в ряды французской армии и разбивая противника на захваченной им территории: *Партизаны* уничтожали Великую армию по частям. Они подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего дерева – французского войска, и иногда трясли это дерево. В октябре, в то время как французы бежали к Смоленску, этих партий различных величин и характеров были сотни... Был дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных. Была старостиха Василиса, побившая сотни французов [Толстой 2:519]. Толстой при помощи образных средств «чувство мести», «смертельно ранить», «уничтожали по частям», «побившая сотни французов», «удивляясь дерзости», «из-под носа захватить добычу» показывает насколько народным был характер партизанской войны и насколько силен был дух самих партизан.

В одном из контекстов слово употреблено в другом, «невоенном» значении: *Приехавший был Бицкий, служивший в различных комиссиях, бывавший во всех обществах Петербурга, страстный поклонник новых идей и Сперанского и озабоченный вестовщик Петербурга, один из тех людей, которые выбирают направление как платье – по моде, но которые поэтому-то кажутся самыми горячими партизанами направлений. Он озабоченно, едва успев снять шляпу, вбежал к князю Андрею и тотчас же начал говорить* [Толстой 1:565].

Здесь назван партизаном Бицкий, петербургский знакомый князя Андрея, который не имел никакого отношения к вооружённой борьбе народных масс и никогда не был членом этого движения. Здесь Толстой употребляет лексему в значении ‘сторонник’, ‘последователь’, ‘поклонник’, т.е. Бицкий был «один из тех людей, которые выбирают направление как платье – по моде, но которые поэтому-то кажутся самыми горячими сторонниками направлений» [Толстой 1:565]. Данные синонимы полностью вытеснили из русского языка лексему *партизан* в её втором значении, на что указывают пометы *устар.* в словарях русского языка.

В тексте романа эта лексема в форме родительного падежа множественного числа имеет вид – *партизанов* (*известия о победах над французами мужиков и партизанов; по донесениям партизанов; известия от партизанов; Денисов, бывший одним из партизанов*). Такая форма, не отвечающая нормам современного русского литературного языка, считается сейчас народно-разговорной, подобно формам *сапогов, грузинов, яблоков*. До сих пор продуктивное окончание Р.п. мн.ч. существительного мужского рода 2-го склонения твёрдого варианта *-ов* (*столов, домов*) не вытеснило в литературном языке архаическое нулевое окончание в некоторых группах существительных, в том числе в названиях представителей родов войск (*солдат, гусар, драгун, улан, партизан*) [Богородицкий; Щерба].

ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

В тексте романа «Война и мир» батальная лексика французского происхождения многочисленна по составу и многообразна тематически. В настоящем исследовании все анализируемые единицы условно разделены на агентивные и неагентивные заимствования. Агентивная лексика представляет собой наименования лиц, относящихся к военной службе, а также их наименования по тем званиям и чинам, которые они носят.

Среди агентивов французского происхождения выделяются наименования воинских званий и носящих их лиц в русской армии, наименования лиц, принадлежащих к различным родам войск, а также наименования должностей в армии и лиц по роду деятельности.

В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» агентивная лексика французского происхождения достаточно фреквентна, а отдельные лексемы гиперчастотны – например, лексема *генерал* употребляется в произведении более 400 раз. Многие заимствованные слова военной тематики несмотря на свою узко специальную сферу употребления гармонично включаются не только в нарратив произведения, описания военных сцен, но и звучат в речи героев романа, как военнослужащих русской армии, так и представителей светского общества и обычных людей, что свидетельствует о длительном функционировании этих иноязычных элементов в языке. Со времени появления в эпоху Петра I к первой половине XIX века заимствованная батальная лексика в основном оказывается ассимилированной системой русского языка. Незначительное количество лексем всё же «переживают» этап морфологического приспособления, имея варианты и проявляя неустойчивость формы: *генерала аншефа / генерал-аншефа, ряды французских драгун / капитан драгунов, набор рекрут / партия рекрутов, мушкатер, фланкер / фланкёр*. Наличие вариантов как свидетельство неполной адаптации в языке исчезает у заимствований в процессе их дальнейшего усвоения [Василевская: 38].

При сравнении дефиниций в толковых словарях и других источниках французского и русского языков семантика анализируемых заимствованных слов

в языке-доноре и в языке-реципиенте в большинстве случаев оказывается идентичной в силу своей терминологичности. Это связано с тем, что французские термины перенимались напрямую, т.е. с понятиями заимствовались и слова, обозначающие новые реалии, и в русском языке нередко оказывались однозначными. Обычно ограниченная словарной дефиницией семантика анализируемых слов раскрывается и детализируется в контексте романа «Война и мир», где автор выявляет как ядерные, так и дополнительные оттенки значений этих лексем.

Так, маршал является военачальником самого высокого ранга и во французской, и в русской армиях. В «Войне и мире» маршалы Наполеона – это «правая рука» императора, которые выполняют дипломатические функции, ведут переговоры, командуют войсками в сражениях. В тексте романа звание фельдмаршала присваивается и главнокомандующему русской армии М. И. Кутузову. Семантика лексемы *маршал* в языке-доноре и языке-реципиенте в терминологическом плане совпадает, но приобретает различные коннотативные значения. Кутузов в звании фельдмаршала приравнивается к императору Наполеону, поскольку российский император Александр I является главнокомандующим русской армии формально. В этом смысле Кутузов занимает исключительное положение, являясь единственным русским «полевым» маршалом, находящимся на поле сражения, и лично руководя армией и генералами [Волотов 2011:80-82].

Анализ употреблений наименования *генерал* в «Войне и мире» подтверждает факт, что слово *генерал* использовалось в русском языке не только для обозначения «полных» генералов – *генерал от инфантерии*, *генерал от кавалерии*, *генерал-фельдцейхмейстер* (генерал артиллерии), *генерал-фельдмаршал*, *генерал-аншеф*. Помимо употреблений слова в качестве самостоятельной лексемы она использовалась как несклоняемый компонент в сложных словах *генерал-адъютант*, *генерал-провиантмейстер*, *генерал-вагенмейстер*, *генерал-губернатор*, *генерал-аудитор* и др. Несклоняемая часть сложного слова могла выполнять функцию определения, значение которой

объясняется прилагательным *главный* (от лат. *generalis* – общий, главный), что подтверждается следующими употреблениями в «Войне и мире» – *генерал-адъютанта, генерал-адъютантов, генерал-губернатором, генерал-губернатору* и т.д. Напротив, в сложениях, обозначающих генералов 1-го и 2-го класса Табели о рангах, часть *генерал-* служит для обозначения военного чина, и подчиняется общему правилу склонения имён существительных в русском языке. Вследствие этого можно объяснить, почему в петровской Табели о рангах и в современной системе воинских чинов звание генерал-лейтенанта выше звания генерал-майора. Лексема *генерал-лейтенант* обозначает собственно генерала, где вторая часть переводится как «заместитель» (от французского *lieutenant*), а лексема *генерал-майор* дословно переводится как «главный старший» (от *major* ‘старший’), не относясь к номинациям собственно генеральских чинов.

Некоторые лексемы в процессе адаптации испытывали различные фонетические преобразования и изменения, касающиеся морфологического приспособления. Например, исходное французское слово *dragon* ввиду посредства польского языка в русском варианте на конце слова приобрело *-ун*. Заимствованная в русский язык от французского слова *capitaine d'armes* лексема, претерпевая ряд фонетических изменений (*капитан дес армес* -> *каптенармус*) получает окончательную форму *каптенармус*.

Таким образом, семантика агентивной батальной лексики французского происхождения в русском языке в основном сохраняется, приобретая в нём дополнительные значения вследствие особенностей функционирования в языке. Большинство галлицизмов, пройдя этапы усвоения в процессе ассимиляции в языке, прочно входит в его словарный состав.

ГЛАВА III. ЗАИМСТВОВАННАЯ ПРЕДМЕТНАЯ БАТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

3.1. Наименования, отражающие организацию вооружённых сил

Среди батальных галлицизмов, кроме агентивной лексики, выделяется также группа неагентивных (или предметных) французских заимствований. Такая лексика в романе Л. Н. Толстого многочисленна и насчитывает около 75% от всей заимствованной батальной лексики французского происхождения, содержащейся в «Войне и мире». Она представлена различными тематическими группами – наименования войска и его структурных частей и подразделений, рода войск, орудия, фортификационные сооружения, предметы одежды и обмундирования: *абордаж, авангард, аванпост, армия, арсенал, артиллерия, арьергард, атака, баталия, батальон, батарея, бивак, бомбардирование, ботфорты, бригада, гарнизон, гвардия, граната, диверсия, дивизион, дивизия, диспозиция, кавалерия, кавалькада, казарма, канонада, картечь, картечный, каска, колет, кор д'арме, лазарет, лафет, маневр, марш, медаль, мундир, мушкетон, обмундировка, пистолет, плюмаж, редут, ретирада, tête de pont, фланг, флешь, фронт, шинель, эполеты, эскадрон.*

Наша задача в данной главе – выявить степень усвоения предметной военной лексики в русской языковой среде первой половины XIX века на материале романа Л. Н. Толстого, рассмотрев исходную семантику и форму этих слов во французском языке и выявив основные моменты их усвоения русским языком.

3.1.1. Наименования родов войск

В данном параграфе мы рассмотрим лексемы *артиллерия* и *кавалерия* с точки зрения их происхождения, структурно-семантических и функциональных особенностей на примере текстов романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». Хотя артиллерия в качестве регулярной составляющей русской армии появилась относительно недавно – в конце XVII века – и стала новой частью армии наряду с

пехотой и кавалерией [Ключевский 1988: 201-202] и тогда же появляется и термин *артиллерия* [Фасмер 1:89], активизация термина относится к первой половине XIX века, что выразительно показано Л. Н. Толстым на материале текста романа «Война и мир».

На первых этапах заимствования лексема *артиллерия*, как и другие подобные иноязычные батализмы, выступает в качестве неполноценного синонима русского наименования (*пушечный приказ – артиллерия*) [Сороколетов: 267]. *Пушечный приказ* и *пушечные наряды* существуют вплоть до петровских времён, когда после реорганизации русской армии появляется новый род войск, новая реалья, для которой возникает необходимость в наименовании. Впоследствии слово *артиллерия* становится единственным обозначением нового явления, вытесняя старую номинацию и приобретая статус термина.

Источник происхождения слова *артиллерия* решается неоднозначно – языком-источником называют французский и итальянский языки [Фасмер 1:89; Преображенский 1:46]. Лексема оказывается мотивированной, поскольку в ней прочитываются латинские корни слов *arcus* ‘лук’ и *tellum* ‘стрела’ или итальянское *arte* ‘искусство’ и *tirare* ‘стрелять’. Но более близкими по семантике и форме являются этимоны, восходящие к старофранцузским *artil* ‘военная машина’, ‘военная техника’ и *artill(i)er* ‘укреплять при помощи военной техники’ [Черных 1:54]. Поэтому можно предположить, что лексема распространилась и заимствовалась в другие европейские языки, в том числе и русский, именно из французского языка. В толково-энциклопедическом словаре французского языка XIX века Larousse на слово *артиллерия* приведена следующая статья: *Artillerie, nom féminin (ancien français artillier, munir d'engins de guerre)*. 1. Ensemble des matériels de guerre comprenant les bouches à feu, leurs munitions et les véhicules chargés de leur transport ou de leur traction (‘совокупность артиллерийских орудий, боеприпасов и техники для их транспортировки’); 2. Arme chargée de la mise en œuvre de ces matériels (‘род войск, предназначенный для применения такого вооружения’); 3. *Populaire*. Arme à feu individuelle de gros caliber (‘огнестрельное оружие крупного калибра для индивидуального пользования’) [Larousse: 70; Le

Petit Robert: 109]. Последнее значение с пометой *populaire* (разг.), указывающую на его принадлежность разговорному языку, появилось во французском языке намного позже первых двух значений. В этом значении слово *artillerie* уже утратило свою терминологичность, приобретя периферийные признаки основного значения.

В русском языке лексема *артиллерия* употребляется в трёх значениях [Биржакова: 102], имея примерно такую же семантику, как и во французском языке: 1. *собир.* Огнестрельные орудия различных конструкций и калибров. *Зенитная артиллерия. Дальнобойная артиллерия. Самоходная артиллерия.* 2. Род войск с таким вооружением. *Служить в артиллерии. Конница, пехота и артиллерия виднеются со всех сторон по обширной поляне.* Л. Толстой, Набег. 3. Наука об огнестрельных орудиях, их устройстве и боевом применении [МАС 1:46]. Объём значений лексемы в русском языке несколько шире, чем во французском – первые два значения совпадают в обоих языках, а третье, терминологическое значение, появившееся в русском языке, во французском отсутствует. Именно в этих значениях, кроме последнего, функционирует слово в романе «Война и мир». Показательно, что второе значение МАС иллюстрируется цитатой из произведения Л. Н. Толстого «Набег», описывающего события более позднего периода, чем события в «Войне и мире», – середины XIX века.

В дискурсе романа Л. Н. Толстого «Война и мир» полно и многогранно раскрывается семантика лексемы, где слово частотно и где даётся его информативно объёмная характеристика разными лицами и в разных ситуациях, позволяющая увидеть своеобразие его семантической структуры, его деривационных связей, системно-парадигматических и ассоциативных отношений. Произведение точно отражает ситуацию первой половины XIX века, в том числе и военную: при написании романа Толстой опирается на сведения из биографий и мемуаров исторических лиц, на многочисленные реальные документы, например, предписание Баркляя де Толли, донесение Бертье и др., которые он цитирует на страницах своего романа [Толстой 2:117, 556], а также и

на другие источники, о чём пишет ряд исследователей [Тарле 1957-1962: 12:403-405; Апостолов; Зайденшнур: 328].

В романе «Война и мир» лексема *артиллерия* имеет высокую фреквенцию: насчитывается 37 её употреблений. Анализ контекстов показывает, что слово *артиллерия* в тексте романа использовано для обозначения ‘рода войск, участвующих в бою наряду с пехотой и кавалерией’ (*Армия вся была вытянута в три линии. Спереди кавалерия, сзади артиллерия, еще сзади пехота*) [Толстой 1:299], а также ‘передвижных орудий для стрельбы’ (*Обозы, артиллерия беззвучно шли по ступицу, а пехота по щиколку в мягкой, душной, не остывшей за ночь, жаркой пыли*) [Толстой 2:123]. В первом случае употребления лексема противопоставляется словам, обозначающим два других рода войск русской армии – *пехоте* и *кавалерии*. Как отдельная часть армии, артиллерия имела собственные боевые задачи, отличные от задач пехоты и кавалерии, и использовалась для поражения живой силы противника, располагаясь чаще всего в арьергарде (позади основных сил) на возвышенностях для лучшей дальности стрельбы: *Впереди была пустыня, по которой кое-где шевелились кучки наших разъездных казаков. Вдруг на противоположном возвышении дороги показались войска в синих капотах и артиллерия. Это были французы* [Толстой 1:176]. Из второго предложения становится ясно, что артиллерией называли сами орудия или военную технику, служащую для их транспортировки или для перевозки боеприпасов.

В романе Толстой упоминает названия некоторых артиллерийских орудий, не галлицизмов, – *пушка*, *гаубица*, по отношению к которым лексема *артиллерия* является гиперонимом. Один раз лексема *артиллерия* как гипероним встречается в романе во французской транскрипции в письме маршала Бертье своему государю: *Dans cet état de choses, l'intérêt du service de Votre Majesté exige, quelles que soient ses vues ultérieures qu'on rallie l'armée a Smolensk en commençant a la débarrasser des non-combattans, tels que hommes démontés et des bagages inutiles et du matériel de l'artillerie qui n'est plus en proportion avec les forces actuelles* (Как бы ни были ваши дальнейшие намерения, но польза службы вашего величества

требуется собрать корпуса в Смоленске и отделить от них спешенных кавалеристов, безоружных, лишние обозы и часть артиллерии, ибо она теперь не в соразмерности с числом войск) [Толстой 2:556]. Во французском предложении используется словосочетание *materiel de l'artillerie* 'техника артиллерии', которое переводится на русский язык одним словом *артиллерия*. Французское употребление слова является более точным, оно указывает на конкретное значение понятия, снимая двусмысленность, тогда как в русском переводе остаётся неясным, в каком из двух значений употреблено слово.

Таким образом, в русском языке первой половины XIX века эта лексема имела ту же семантику, что и в языке-доноре. Но роман «Война и мир» высвечивает новые грани значений заимствования, в произведении его семантическое поле уточняется и расширяется, то же можно сказать и о его семантических связях, ближних и дальних [Волотов 2012:238-241]. Мы узнаём, что артиллерия была полевой: *Осмотрев местность против Шевардинского редута, Наполеон подумал несколько времени молча и указал на места, на которых должны были быть устроены к завтраму две батареи для действия против русских укреплений, и места, где рядом с ними должна была выстроиться полевая артиллерия* [Толстой 2:218] и гвардейской: *Генерал Сорбье должен быть готов по первому приказанию вынестись со всеми гаубицами гвардейской артиллерии против одного либо другого укрепления* [Толстой 2:219]. Оба атрибутива указывают на существование различий у артиллерии по назначению и функциональным особенностям – полевая артиллерия участвует в сражениях на открытом пространстве (поле) и достаточно мобильна и способна быстро менять дислокацию в отличие от артиллерии, используемой для долгой осады крепостей; гвардейскими называли отборные привилегированные части артиллерии, получившие этот статус за выдающиеся боевые заслуги. Из контекста произведения мы также узнаём, что орудия артиллерии были сделаны из металла: *войска шли без шума, только слабо слышно было изредка брэнчанье артиллерии* [Толстой 2:472] и имели немалый вес: *все они побросали друг друга, побросали все свои тяжести, артиллерию, половину*

народа и убежали [Толстой 2:558]. Для передвижения таких тяжёлых орудий использовались лошади: Бегство было так быстро, что бежавшая за французами русская армия не могла поспевать за ними, что лошади в кавалерии и артиллерии становились [Толстой 2:574], а обслуживанием орудий занимались специально обученные военные люди, артиллеристы: Офицер, товарищ Тушина, был убит в начале дела, и в продолжение часа из сорока человек прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы всё так же были веселы и оживлены [Толстой 1:236].

Слово *артиллерия* гармонично включается не только в нарратив произведения, описания военных сцен, но и звучит в речи героев романа, военнослужащих русской армии. Лексема входит в словосочетания различного типа: *полевая артиллерия, сосредоточить артиллерию, узкие полосы артиллерии, батальоны с артиллерией, колонны артиллерии, начальник артиллерии, орудия гвардейской артиллерии, под сильным огнём артиллерии, батарея артиллерии* и др., которые конкретизируют значение слова, делают его зримым и ёмким и свидетельствуют о его свободе сочетаемости с другими частями речи. Слово обозначает неодушевлённое понятие женского рода, как и во французском языке, и имеет окончания существительных 1-го склонения. В предложении лексема выполняет функции дополнения или определения, присущие имени существительному и имени прилагательному: *Он предполагал, во-первых, сосредоточить всю артиллерию в центре и, во-вторых, кавалерию перевести назад, на ту сторону оврага [Толстой 1:218] и Генерал Сорбье должен быть готов по первому приказанию вынестись со всеми гаубицами гвардейской артиллерии против одного либо другого укрепления [Толстой 2:219].* В обоих случаях лексема *артиллерия* является зависимым словом и присоединяется к главному способом управления – в первом примере слово *артиллерия* является дополнением, во втором же случае – несогласованным определением и может быть заменено прилагательным *артиллерийский*.

Лексема *артиллерия* принадлежит к прочно усвоенным заимствованиям в русском языке, поскольку находится в составе обширного словообразовательного

гнезда: *артиллерия, артиллерийский, артиллерист*. Высокая частотность употребления и свободная сочетаемость членов словообразовательного гнезда с другими словами, развитая семантическая структура лексемы *артиллерия* с богатством паритативных отношений и семантических ассоциативных связей, которые мы видим в романе Л. Н. Толстого, свидетельствует о достаточной степени её ассимиляции в русском языке первой половины XIX века. Слово *артиллерия*, как и его производные, не устарело до сих пор, поэтому их значения можно найти в современных военных энциклопедиях и справочниках [ВЭС: 50-52]. Конечно, к настоящему времени современная артиллерия значительно модернизировалась: появились новые различные виды и типы артиллерии – наземная, зенитная, морская, противотанковая, горная и др., однако суть этого наименования не изменилась. Толстовский подход как писателя-гуманиста к выявлению семантики и особенностей функционирования номинации мощного разрушительного средства, несущего идею «войны», не потерявший своей актуальности и в настоящее время, в полной мере отразил высокую степень ассимиляции этого заимствованного термина уже в первой половине XIX века и ряд его своеобразных черт плана содержания, характерных для той исторической эпохи.

В тесном союзе с лексемой *артиллерия* в романе употребляется слово *кавалерия*, поскольку наряду с лексемами *пехота* (или *инфантерия*) эти слова в качестве контрадикторных антонимов противопоставляются друг другу: *В 5 часов утра еще было совсем темно. Войска центра, резервов и правый фланг Багратиона стояли еще неподвижно; но на левом фланге колонны пехоты, кавалерии и артиллерии, долженствовавшие первые спуститься с высот, для того чтобы атаковать французский правый фланг и отбросить его, по диспозиции, в Богемские горы, уже зашевелились и начали подниматься с своих ночлегов* [Толстой 1:330]. В первой половине XIX века пехота (или инфантерия), артиллерия и кавалерия являлись отдельными частями русской армии и единство этих частей составляло целостное войско государства: *С раннего утра начались напряженные хлопоты и усилия, и в 10 часов всё пришло в требуемый порядок.*

На огромном поле стали ряды. Армия вся была вытянута в три линии. Спереди кавалерия, сзади артиллерия, еще сзади пехота [Толстой 1:299];

Князь Багратион обратился к старичку-полковнику.

– Благодарю всех, господа, все части действовали геройски: пехота, кавалерия и артиллерия. [Толстой 1:243].

В последнем примере слово *кавалерия* звучит в контексте общения людей военных – Багратиона, старого полковника, гусарского корнета из свиты Кутузова Жеркова. Военная тематика так гармонично вплетается в светскую беседу действующих лиц романа «Война и мир», что военный термин *кавалерия* становится понятным любому человеку, не служившему в армии, даже светским дамам: *Граф расхохотался. Другие гости, видя, что Шиншин ведет разговор, подошли послушать. Берг, не замечая ни насмешки, ни равнодушия, продолжал рассказывать о том, как переводом в гвардию он уже выиграл чин перед своими товарищами по корпусу... Но всё, что он рассказывал, было так мило-степенно, наивность молодого эгоизма его была так очевидна, что он обезоруживал своих слушателей.*

– Ну, батюшка, вы и в пехоте, и в кавалерии, везде пойдете в ход; это я вам предрекаю, – сказал Шиншин, трепля его по плечу и спуская ноги с отоманки [Толстой 1:74-75]. В разговоре с Бергом, поручиком в звании полковника, граф Шиншин, двоюродный брат графини Ростовской, в ироничной форме подавая будущую службу Берга в гвардии, предстаёт человеком, понимающим разницу между кавалерией и пехотой.

В русском языке лексема носит исключительно терминологический характер, поскольку в словарях русского языка имеет всего одно значение: Кавалерия, и, ж. Конница. *Пехота впереди их [улан] вздвоила взводы, чтобы пропустить кавалерию. Л. Толст. Война и мир [БАС 5:633-634].* В данной словарной дефиниции термин поясняется через русский синоним *конница*. В этой паре синонимов в качестве единицы военной терминосистемы приоритет в языке отдаётся лексеме *кавалерия*, поскольку она является заимствованной номинацией уже существующего понятия, а слово *конница* является общеупотребительным,

нейтральным. Примечательно, что пример употребления лексемы взят из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» как один из самых ярких. Здесь же указывается, что кавалерия делится на лёгкую и тяжёлую и даётся толкование этих понятий.

В различных словарях в качестве языка-донора называются как итальянский, так и французский языки [СРЯ XVIII 9:187]. В БАС отмечено, что слово *кавалерия* происходит от итальянского *cavalleria*, но другой словарь русского языка – МАС – отсылает к французскому *cavallerie* [МАС 2:11]. Фонетически итальянская лексема *cavalleria* ближе к русскому *кавалерия*, донорство французского выглядит предпочтительнее на фоне массового заимствования большинства батальной лексики в период XVIII-XIX веков.

Во французском языке лексема также является моносемантом – *Ensemble des formations militaires combattant à cheval et intervenant dans la bataille par le mouvement et par le choc (charge)* ‘совокупность воинских соединений, сражающихся верхом на лошадях и вступающих в бой внезапным появлением’ [Larousse: 178; Le Petit Robert: 268]. Мобильность этого рода войск подтверждается и в «Войне и мире»: *Ростов, как на травлю, смотрел на то, что делалось перед ним. Он чутьем чувствовал, что ежели ударить теперь с гусарами на французских драгун, они не устоят; но ежели ударить, то надо было сейчас, сию минуту, иначе будет уже поздно. Он оглянулся вокруг себя. Ротмистр, стоя подле него, точно так же не спускал глаз с кавалерии внизу.*

– Андрей Севастьяныч, – сказал Ростов, – ведь мы их сомнем...

– Лихая бы штука, – сказал ротмистр, – а в самом деле... [Толстой 2: 67].

Николай Ростов размышляет, что, если в данную секунду внезапно «ударить на французских драгун» кавалеристами, то такая молниеносная атака могла бы принести большую пользу в сражении, но только «сейчас, сию минуту, иначе будет уже поздно». В этом примере мы видим, что кавалерию как одну из частей армии имеет любое войско цивилизованного государства того периода, в том числе и Франции:

Граф Остерман с свитой проехал сзади эскадрона, остановившись, поговорил с командиром полка и отъехал к пушкам на гору. Вслед за отъездом Остермана у улан послышалась команда:

*– В колонну, к атаке стройся! – Пехота впереди их вздвоила взводы, чтобы пропустить **кавалерию**. Уланы тронулись, колеблясь флюгерами пик, и на рысях пошли под гору на французскую **кавалерию**, показавшуюся под горой влево [Толстой 2:66].*

В романе Толстой употребляет лексему *кавалерия* не только в значении, приведённом в словарях русского языка, как нарицательное наименование в форме единственного числа для обозначения конницы, но и выявляет в слове оттенки его семантики: *Причина путаницы заключалась в том, что во время движения австрийской **кавалерии**, шедшей на левом фланге, высшее начальство нашло, что наш центр слишком отдален от правого фланга, и всей **кавалерии** велено было перейти на правую сторону. Несколько тысяч **кавалерии** продвигалось перед пехотой, и пехота должна была ждать [Толстой 1:333]; Впереди... виднелись выступающие лесистые холмы, на которых должна была быть неприятельская армия, и виднелось что-то. Вправо вступала в область тумана гвардия, звучащая топотом и колесами и изредка блестящая штыками; налево, за деревней, такие же массы **кавалерии** подходили и скрывались в море тумана [Толстой 1:336].*

В этих примерах лексема употреблена как собирательное наименование одушевлённых организмов, о чём свидетельствуют синтагматические связи со словами, обозначающими действия живых существ, с именами числительными и глаголами действия, движения, – *во время движения австрийской **кавалерии**; несколько тысяч **кавалерии** продвигалось; **кавалерии**, шедшей на левом фланге; массы **кавалерии** подходили и скрывались*. В другом примере автор романа сам поясняет, что кавалерия – это люди: *Все те прежние приемы, бывало, неизменно увенчиваемые успехом: и сосредоточение батарей на один пункт, и атака резервов для прорывания линии, и атака **кавалерии des hommes de fer** [железных людей], – все эти приемы уже были употреблены, и не только не было победы, но*

со всех сторон приходили одни и те же известия об убитых и раненых генералах, о необходимости подкреплений, о невозможности сбить русских и о расстройстве войск [Толстой 2:244]. Здесь слово *кавалерии* может быть заменено более подходящим словом *кавалеристы*, производным от лексемы *кавалерия*. Кроме этой лексемы, ещё одним производным является имя прилагательное *кавалерийский*.

Таким образом, образуя гнездо однокоренных слов, проявляя свободную сочетаемость с другими словами, заимствование *кавалерия* оказывается ассимилированной единицей русского языка, узнаваемой носителями русского языка вплоть до настоящего времени, несмотря на то, что конные войска в современной армии уже практически не используются.

3.1.2. Наименования войска и его подразделений

К французской по происхождению лексике, обозначающей войско и его подразделения, относят слова *армия*, *батальон*, *бригада*, *гарнизон*, *гвардия*, *дивизион*, *дивизия*, *кор д'арме*, *эскадрон*. Среди этих наименований самым распространённым в романе «Война и мир» является термин *армия*, данное военное подразделение является самой крупной единицей воинского деления.

Появление лексемы в русском языке датируется началом XVIII века и происходит от франц. *armée* или от нем. *Armee*, имея варианты написания *армия* и *армея* [Фасмер 1:87]. Во французском языке лексема *armée* многозначна. В толковом словаре французского языка Larousse первые два значения дают определение армии как «совокупности» – 1. Ensemble des forces militaires d'un État ('совокупность вооружённых сил государства'); 2. Ensemble des moyens militaires affectés à une expédition, à un théâtre d'opérations ou à une mission, ou placés sous le commandement d'un grand capitaine ('совокупность вооружённых сил для определённой миссии, операции под предводительством главнокомандующего') [Larousse: 66-67; Le Petit Robert: 101]. Третье значение определяет армию как единицу нескольких воинских подразделений, отвечающую как за ведение боевых действий на фронте, так и за деятельность в тылу. Четвертое значение –

‘множество, какое-л. количество людей, предметов, образующих группу’ – является переносным, теряя сему ‘военный’, ‘относящийся к вооружённым силам’ [Larousse: 66-67; Le Petit Robert: 101]. В этом значении синонимами слова выступают нейтральные *группа, масса, множество*.

В русском языке слово *армия* также полисеманлично. В МАС приведены следующие значения слова: 1. Совокупность вооруженных сил государства (сухопутных, морских, воздушных); 2. Сухопутные вооруженные силы (в отличие от военно-морских и военно-воздушных сил); 3. Соединение из нескольких корпусов или дивизий одного или нескольких родов войск, предназначенное для ведения военных операций; 4. В дореволюционной России основная масса сухопутных войск, в отличие от гвардии не имевшая служебных привилегий; 5. *Перен.* Большое количество людей, объединенных каким-либо общим делом, признаком [МАС 1:45]. В отличие от французского языка в современном русском языке в одном из значений лексема *армия* как сухопутная часть войска противопоставляется остальным родам и видам войск – гвардии, военно-морским и военно-воздушным силам [Биржакова: 101]. Для обозначения этих видов войск используются специальные военные термины: *флот* (или *ВМФ*) для военно-морских сил и *ВВС* для военно-воздушных сил. Современная российская армия в широком понимании этого термина состоит из 3 основных видов вооружённых сил – сухопутных войск (сухопутной армии), военно-воздушных сил и военно-морского флота (военно-морских сил) [ВЭС 45-46].

В романе «Война и мир» лексема *армия* является самой частотной среди знаменательных частей речи [Частотный словарь: 16]. У Толстого она употребляется как синоним слов *войско, вооружённые силы государства*:

Для того, чтобы двойными силами навалиться на остатки русской армии и истребить ее, для того, чтобы выговорить выгодный мир или, в случае отказа, сделать угрожающее движение на Петербург, для того, чтобы даже, в случае неудачи, вернуться в Смоленск или в Вильну, или остаться в Москве, – для того, одним словом, чтобы удержать то блестящее положение, в котором находилось в то время французское войско, казалось бы, не нужно особенной гениальности.

Для этого нужно было сделать самое простое и легкое: не допустить войска до грабежа, заготовить зимние одежды, которых достало бы в Москве на всю **армию**, и правильно собрать находившийся в Москве более чем на полгода (по показанию французских историков) провиант всему войску. Наполеон, этот гениальнейший из гениев и имевший власть управлять **армиею**, как утверждают историки, ничего не сделал этого [Толстой 2:478]. Армия одной страны, Франции, которая пытается уничтожить другую, русскую армию, противопоставляется ей в этом аспекте. То есть здесь лексема *армия* трактуется как собирательное понятие, совокупность всех средств, сил, техники, людей для обороны или наступательных действий. Армия в качестве вооружённых сил страны может делиться на армии по территориальному признаку, то есть по местности, где она ведет боевые действия: *Южная **армия** что будет делать? Пруссия, нейтралитет... это я знаю. Австрия что? – говорил он, встав с кресла и ходя по комнате с бегавшим и подававшим части одежды Тихоном. – Швеция что? Как Померанию перейдут?* [Толстой 1:124]. Князем Болконским, отцом Андрея, южной армией здесь названа союзная армия нескольких европейских стран и русская армия, выступающая против французов на юге Европы, в Италии. Армии могут носить названия по фамилии или имени главнокомандующих: армия Рокоссовского, армия Власова, армия Торماسова, армия Суворова, армия Будённого, гитлеровская армия и т.п. Такие наименования встречаются также и в «Войне и мире»:

*К Кутузову накануне прибыл член гофкригстата из Вены, с предложениями и требованиями итти как можно скорее на соединение с **армией** эрцгерцога Фердинанда и Мака, и Кутузов, не считая выгодным это соединение, в числе прочих доказательств в пользу своего мнения намеревался показать австрийскому генералу то печальное положение, в котором приходили войска из России [Толстой 1:141]; Князь Андрей почувствовал, что либо из всех дел, занимавших военного министра, действия кутузовской **армии** менее всего могли его интересовать, либо нужно было это дать почувствовать русскому курьеру [Толстой 1:187]; Лазутчик доносил, что французы в огромных силах, перейдя*

венский мост, направились на путь сообщения Кутузова с войсками, шедшими из России. Ежели бы Кутузов решился оставаться в Кремсе, то полторастатысячная **армия** Наполеона отрезала бы его от всех сообщений, окружила бы его сорокатысячную изнуренную армию, и он находился бы в положении Мака под Ульмом [Толстой 1:209].

В этих примерах армии разных стран названы в честь своего главнокомандующего: армия Франции – по имени императора Наполеона, русская армия – по фамилии главнокомандующего Михаила Илларионовича Кутузова, армия Австрии – по фамилии австрийского фельдмаршала Мака (номинально эрцгерцога Фердинанда) [БСЭ 22:158].

Процесс адаптации и ассимиляции нового термина в русском языке отмечается на всех уровнях языка – фонетическом, морфологическом и семантическом. Французское окончание *-ée* в итоге заменяется книжным, генетически церковнославянским окончанием *-ия* (а не *-ея*) по образцу слов *Мария*, *Евгения* и др., поскольку слово употребляется как военный термин. Словарь XVIII века даёт вариант для лексемы *армия* – несклоняемое существительное *армей* [СРЯ XVIII 1:63], но форма *армия* оказывается более предпочтительной. В производной лексеме *армейский* (а не *армийский*) мы видим народно-разговорную форму русского окончания, бытовавшую наряду с книжной, церковнославянской в более ранний период усвоения слова *армия* (см. указания Фасмера на Прокоповича, 1704 [Фасмер 1:87]). В настоящее время лексема употребляется в переносном значении в таких словосочетаниях, как *армия поклонников*, *армия рабочих*. В периферийном значении сохраняется ядерная сема ‘совокупность чего-либо, кого-либо’, ‘люди, объединённые общим делом, признаком’ [МАС 1:45].

Следующим подразделением после армии в воинской иерархии выступает дивизия. Лексема *дивизия* известна в русском языке, начиная с Петра I, и, судя по ударению, заимствована через польское *dywizja* из лат. *divisio* «разделение» [Фасмер 1:513]. Здесь очевидно посредство европейского языка, вероятно, французского (от франц. *division*), поскольку польский язык с латинским

напрямую не контактировал. Во французском языке лексема *division* имеет несколько значений, как общеупотребительных, так и узко терминологических. Во французском языке семантика этого термина находит своё отражение в различных областях знания: в лесной промышленности, в печатном деле, в водопроводном деле [Larousse: 327; Le Petit Robert: 561-562]. Русский термин *дивизия* происходит от французской лексемы с военно-терминологическим значением: *Division n. f. Militaire Grande unité rassemblant organiquement des formations de toutes armes ou services* ('крупное войсковое подразделение, объединяющее разные виды и рода войск') [Larousse: 327; Le Petit Robert: 561-562].

Словари русского языка дают следующее определение: *ДИВИЗИЯ, Воен.* Крупное войсковое соединение, состоящее из частей нескольких родов войск [БАС 3:779]; *ДИВИЗИЯ, Крупное войсковое соединение из нескольких полков или бригад [Франц. division] [МАС 1:398].* Лексема *дивизия* исключительно терминологична, на что указывает её однозначность и узкая сфера употребления, отмеченная в одном из словарей пометой *воен.* Словарная дефиниция сухо и лаконично характеризует данный термин, но текст романа «Война и мир» помогает объёмно показать семантику слова и раскрыть значение этого слова во всей его полноте.

В «Войне и мире» семантика лексемы *дивизия* совпадает со словарным толкованием: *Вечером 11-го октября Сеславин приехал в Аристово к начальству с пойманным пленным французским гвардейцем. Пленный говорил, что войска, вошедшие нынче в Фоминское, составляли авангард всей большой армии, что Наполеон был тут же, что армия вся уже пятый день вышла из Москвы. В тот же вечер дворовый человек, пришедший из Боровска, рассказал, как он видел вступление огромного войска в город. Казаки из отряда Дорохова доносили, что они видели французскую гвардию, шедшую по дороге к Боровску. Из всех этих известий стало очевидно, что там, где думали найти одну **дивизию**, теперь была вся армия французов, шедшая из Москвы по неожиданному направлению – по старой Калужской дороге [Толстой 2:502-503].* Толстой в одном предложении

употребляет лексемы *дивизия* и *армия* с целью противопоставить самую крупную воинскую единицу более мелкому подразделению, тем самым подчёркивая различие в семантике этих лексических единиц и их гиперогипонимические отношения.

Употреблённая в контексте, лексема обретает дополнительные нюансы значения. В «Войне и мире» у Толстого нет прямого упоминания о том, что дивизия могла быть составлена из частей разных родов войск. Надо полагать, что такое крупное подразделение как дивизия, которое могло выполнять боевые задания самостоятельно, отдельно от основных сил, состояло из пехоты, конных войск, артиллерии: *В это же время начальник артиллерии 1-го корпуса, генерал Пернетти, с 30-ю орудиями дивизии Компана и всеми гаубицами дивизии Дессе и Фриана, двинется вперед, откроет огонь и засыплет гранатами неприятельскую батарею, против которой будут действовать!*

24 орудия гвардейской артиллерии,

30 орудий дивизии Компана

и 8 орудий дивизии Фриана и Дессе,

Всего – 62 орудия [Толстой 2:218].

Здесь видно, что артиллерия 1-го корпуса французской армии формируется из орудий нескольких дивизий генералов Компана, Дессе и Фриана.

Дивизии могли состоять и из одного рода войск, они могли быть пехотными (*Солдаты дивизии Дессе, направленные на флеш, были видны только до тех пор, пока они не спустились под овраг, отделявший их от флеш. Как скоро они спустились в овраг, дым выстрелов орудийных и ружейных на флешах стал так густ, что застлал весь подъем той стороны оврага. Сквозь дым мелькало там что-то черное – вероятно, люди, и иногда блеск штыков. Но двигались ли они или стояли, были ли это французы или русские, нельзя было видеть с Шевардинского редута [Толстой 2:239]), кавалерийскими (*Гусарский Павлоградский полк стоял в двух милях от Браунау. Эскадрон, в котором юнкером служил Николай Ростов, расположен был в немецкой деревне Зальценек. Эскадронному командиру, ротмистру Денисову, известному всей кавалерийской дивизии под именем Васьки**

Денисова, была отведена лучшая квартира в деревне. Юнкер Ростов с тех самых пор, как он догнал полк в Польше, жил вместе с эскадронным командиром [Толстой 1:157]), гренадерскими (Разговор замолк на минуту; старый генерал прокашливаньем обратил на себя внимание.

– Изволили слышать о последнем событии на смотре в Петербурге? как себя новый французский посланник показал!

– Что? Да, я слышал что-то; он что-то неловко сказал при Его Величестве.

*– Его Величество обратил его внимание на гренадерскую и церемониальный марш, – продолжал генерал, – и будто посланник **дивизию** никакого внимания не обратил и будто позволил себе сказать, что мы у себя во Франции на такие пустяки не обращаем внимания. Государь ничего не изволил сказать [Толстой 1:666]), артиллерийскими (Канонада на левом фланге начнется, как только будет услышана канонада правого крыла. Стрелки **дивизии** Морана и **дивизии** вице-короля откроют сильный огонь, увидя начало атаки правого крыла. Вице-король овладеет деревней [Бородиным] и перейдет по своим трем мостам, следуя на одной высоте с **дивизиями** Морана и Жерара, которые, под его предводительством, направятся к редуту и войдут в линию с прочими войсками армии [Толстой 2:219]). Место лексемы **дивизия** в системе терминов, обозначающих войсковые подразделения, точно определяется в разговоре Пьера Безухова с Андреем Болконским:*

Пьер с удивлением посмотрел на него.

– Однако, – сказал он, – ведь говорят же, что война подобна шахматной игре.

*– Да, – сказал князь Андрей, – только с тою маленькою разницей, что в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно, что ты там вне условий времени, и еще с той разницей, что конь всегда сильнее пешки и две пешки всегда сильнее одной, а на войне один батальон иногда сильнее **дивизии**, а иногда слабее роты. Относительная сила войск никому не может быть известна [Толстой 2:208].*

Андрей Болконский, адъютант Кутузова, военный человек, сравнивая армейские подразделения, говорит, что по силам и численности рота уступает батальону, а батальон меньше, чем дивизия. Но на практике такое соотношение сил во время сражения может не соответствовать действительности.

Современные дивизии отличаются от дивизий времён Наполеона и по составу, и по численности, и по технике. Создание новых типов дивизий обусловилось появлением новых видов вооружённых сил, родов войск, развитием военной техники. В сегодняшних армиях многих стран существуют различные типы таких соединений – стрелковые, мотострелковые, танковые, авиационные, воздушно-десантные, противовоздушной обороны, морской пехоты [ВЭС: 233]. Дивизия с петровских времён и до сих пор является тактическим подразделением российской армии, поэтому более чем за три столетия слово, обозначающее данное подразделение, было усвоено системой русского языка. Высокая степень усвоенности лексемы подтверждается на всех уровнях языка. Фонетика «обрусевшего» слова исключает из произношения носовой звук [о], присущий французским словам. Термин *дивизия* не образует производных слов, но в синтагматическом аспекте лексема в романе «Война и мир» проявляет свободную сочетаемость с другими частями речи – *ротмистру, известному всей кавалерийской дивизии; атаковал находившуюся на левом берегу дивизию Мортье; ведёт свою дивизию к решительному пункту* и др.

Несмотря на узнаваемый корень латинского происхождения *divisiō* ‘разделение’, наиболее вероятно, что языком-источником для заимствования лексемы *дивизион* послужил французский, где форма слова более близка, чем в польском языке (ср. *dywizja*). Лексема *дивизион* также происходит от франц. *division*, точнее от одного из нетерминологических значений – *Quantité, unité qui, multipliée par un nombre déterminé, donne une autre unité* (‘количество, единица, в совокупности себе подобных дающая другую единицу’) [Larousse: 327; Le Petit Robert: 561-562]. Во французском языке значение *дивизион* у слова *division* отсутствует. Однако понятие в языке есть, поскольку в переводе на французский язык термин русского языка *дивизион* передаётся французским словосочетанием

groupe de batteries, что буквально значит ‘группа орудий для стрельбы’. В современных словарях русского языка слово *дивизион* является обозначением не только подразделения в артиллерии, но иногда и кавалерийских, бронетанковых частей, и даже на флоте: ДИВИЗИОН, *Воен.* Объединение нескольких подразделений в артиллерии, в кавалерии, в бронетанковых частях. *Морск.* Тактическое соединение нескольких кораблей одного типа (подводных лодок, тральщиков и др.) [БАС 3:778-779]. В обоих значениях слова сохраняется терминологичность лексемы, отмеченная пометами *воен.* и *морск.* соответственно.

В «Войне и мире» лексема *дивизион* имеет следующую семантику – ‘структурная боевая единица армии’: *Сражение, состоявшее только в том, что захвачен эскадрон французов, было представлено как блестящая победа над французами, и потому государь и вся армия, особенно после того, как не разошелся еще пороховой дым на поле сражения, верили, что французы побеждены и отступают против своей воли. Несколько минут после того, как проехал государь, дивизион павлоградцев потребовали вперёд* [Толстой 1:312]. В единичном употреблении слова в романе дивизионом названы объединённые в одну группу военные люди, – павлоградцы – офицеры Павлоградского легкоконного полка, созданного в 1783 году при Александре III [ЭСБЕ 4:124]. Из военно-энциклопедического словаря известно, что кавалерийский полк, как более крупное войсковое подразделение, состоял из четырёх-шести эскадронов, а дивизион включал в себя всего два-три эскадрона [ВЭС: 232-233, 570-571]. Отсюда следует, что полк делился на два дивизиона, для командования каждым из которых назначался дивизионер, или дивизионный командир.

Неоднозначно решается вопрос о производящей основе для имени прилагательного *дивизионный*. Слова *дивизия*, *дивизион* и *дивизионный* имеют общую основу *дивизи-*, и слово *дивизия*, на первый взгляд, является исходным в этом ряду слов. Мы предполагаем, что лексема *дивизионный* образована от непрямой лексемы *дивизион* при помощи суффикса *-н-* путём присоединения к основе. Прилагательным, производным от слова *дивизия*, должна была бы стать лексема *дивизийный*, но ни в романе «Война и мир», ни в словарях русского языка

она не зафиксирована. Однако А. Н. Тихонов считает, что *дивизионный* может быть мотивированным как словом *дивизион* (суфф. -н), так и словом *дивизия* (суфф. -онн) [Тихонов 1:297].

Морфологическое приспособление к строю русского языка реализуется в изменении морфологического рода лексемы с женского рода на мужской в связи с тем, что в русском языке слова, заканчивающиеся на *-он* имеют нулевое окончание и относятся к существительным 2-го склонения. Таким образом, в русском языке лексема *дивизион* предстаёт усвоенной единицей в плане фонетической и морфологической адаптации и трансформации лексического значения, но тем не менее мыслится как заимствованное от иностранного слова на *-tion*.

Лексема *бригада*, происхождение которой восходит к итальянской *brigata* ‘общество, компания; бригада (воен.)’, заимствована через нем. *Brigade* или прямо из франц. *brigade* и буквально означает ‘несколько полков’ [Фасмер: 1:213]. Появление первых бригад, как воинских подразделений, занимающих промежуточное положение между полком и дивизией, относят ко времени Петра I. В сухопутных войсках они состояли обычно из нескольких полков или батальонов (дивизионов) и подразделений специальных войск, а также может быть отдельной единицей или входить в состав дивизии, корпуса [ВЭС: 100-101].

В словарях русского языка в определении и даётся именно такое толкование значения слова *бригада* при помощи гомологичных ему слов, являющихся гипонимами – *полк, батальон, батарея*. БРИГАДА, 1. Войсковое соединение, состоящее из нескольких полков, батальонов или батарей, а во флоте – из нескольких однотипных военных судов; 2. Производственная группа, выполняющая определенную коллективную работу [Франц. *brigade*] [МАС 1:115].

Данный военный термин применяется для обозначения воинского подразделения не только в сухопутных войсках, но и в морских, с тем лишь отличием, что бригадой называется не совокупность людей, а группа нескольких кораблей. Второе значение, приведённое в словаре, не относится к военной терминологии. Оно происходит от первого значения, сохраняя центральную сему

‘общность людей, объединённых одной целью’. Это новое значение лексема приобретает намного позже, чем значение военного термина, в романе «Война и мир» оно отсутствует. Лексема *бригада*, сопровождаемая гомологичными лексемами *дивизия* и *полк*, в романе также употреблена исключительно в военном терминологическом значении: *Налево внизу, в тумане, слышалась перестрелка между невидными войсками. Там, казалось князю Андрею, сосредоточится сражение, там встретится препятствие, и «туда-то я буду послан, – думал он, – с бригадой или дивизией, и там-то с знаменем в руке я пойду вперед и сломя всё, что будет предо мной»* [Толстой 1:335]; *Через неделю вышел отпуск. Гусары-товарищи не только по полку, но и по бригаде, дали обед Ростову* [Толстой 1:599]. После упразднения Павлом I чина бригадира лексема *бригада* утратила своё основное значение военного термина. Как указано в БАС, слово *бригада* изменила семантику, обозначая уже не соединение войсковых частей, а «коллектив, группу людей одной и той же или нескольких связанных друг с другом профессий, выполняющих определённое производственное задание на заводе, в колхозе, в учреждении и т. п.» [БАС 1:629-630].

3.1.3. Наименования отдельных частей войска, выполняющих определённую боевую задачу

Отобранные в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» батальные галлицизмы, являющиеся объектом рассмотрения в данном параграфе, также, как и лексика, описанная в предыдущем параграфе, обозначают части армии, но в основу выделения данной группы слов в отдельную положены «пространственный» и «функциональный» критерии. Термины французского происхождения *авангард*, *аванпост*, *арьергард*, *фланг*, *фронт* называют составные элементы войска с точки зрения построения войска и его расположения в пространстве и, как следствие, с точки зрения выполняемых ими боевых задач. Галлицизмы используются для наименования достаточно крупных условно или специально разделяемых соединений – передовой, тыльной, левой и правой частей относительно основных сил.

Передовая часть армии называется *авангард*. Слово было известно со времён Петра I, первоначально в форме *авангардия* ввиду влияния польских слов *awangwardja*, *awangarda* [Фасмер 1:58], но источник происхождения от французской лексемы *avant-garde*, по нашему мнению, неоспорим. Период начального усвоения лексемы русским языком характеризуется неустойчивостью формы слова – *авантгард/авангард*: в словарной статье БАС приведён вариант *авантгардный*, зафиксированный в словаре Нордстета 1780 года [БАС 1:24-25]. Второй вариант употребления *авангард* более предпочтителен, поскольку в Книге об эксерциции, церемониях и должностях воинским людям надлежащих, составленной Петром I, употребляется именно этот вариант, без *-т-*: *Когда прикажут маршировать батальонами, то надлежит в первых маеору на лошади, по том авангарда, капрал...; вместо авангардии капралу и 12 человекам быть в ариргардии* [Книга об эксерциции 2:7,9].

Слово *авангард* состоит из двух частей, каждая из которых несёт смысловую нагрузку: *avant* – ‘вперёд’, *garde* – ‘стража, отряд’. В современном французском языке лексема *avant-garde* имеет следующие значения: 1) *Détachement naval ou terrestre qui, en formation de combat, se trouve en avant du dispositif principal* (‘группа войск, на флоте или в пехоте, находящаяся впереди основных сил’), 2) *Groupe, mouvement novateur dans le domaine intellectuel, technique, artistique, etc...* (‘группа, новаторское движение в области науки, техники, искусства’) [Larousse: 88; Le Petit Robert: 141]. Первое значение относится к военной сфере, второе значение является периферийным, сохраняя некоторые общие семы с первым.

Семантика слова *авангард* в русском языке имеет общие точки соприкосновения с семантикой своего аналога в языке-источнике, но объём их значений не идентичен. Терминологическое значение, которое в словарях русского языка отмечается пометой *воен.* полностью совпадает со значением, содержащимся во французских словарях: *Воен.* Часть войска или флота, идущая впереди главных сил. *Вожак показал брод, и авангард конницы, а вслед за ним и генерал со свитой стали переправляться.* Л. Толст., Набег [БАС 1:24-25]. Примечательно, что пример употребления взят именно из произведения

Л. Н. Толстого как один из лучших примеров, иллюстрирующих семантику слова. Толковые словари русского языка XX века – БАС, МАС – фиксируют значение лексемы, отсутствующее во французском языке: *Переносно*: о наиболее сознательной, передовой, руководящей части класса, ведущей за собой класс в целом и другие общественные группы [БАС 1:24-25]. Переносное значение, сохранившее от прямого значения только сему «передовая часть чего-либо», «уводит» семантику слова из военной области в область общественно-политическую. В толковых словарях русского языка более позднего периода ко всем этим значениям добавляется значение, зафиксированное современными французскими словарями: *Стилевое направление в прикладном искусстве, связанное с поиском новых форм* [БТСРЯ: 24]. Очевидно, что данное значение пришло в оба языка намного позднее рассматриваемого нами периода, поскольку стиль авангарда объединял течения в искусстве, возникшие на рубеже XIX – XX веков [БСЭ 1:45], но несмотря на существование слова в русском языке, новое значение, вероятно, также заново заимствовалось из французского языка.

Вся полнота военной семантики лексемы *авангард* раскрывается в тексте романа Л. Н. Толстого «Война и мир», где она употребляется 9 раз. В письме императора Наполеона маршалу Мюрату использование лексемы во французской транскрипции обусловлено контекстом речи. Автор приводит переписку на французском языке двух французских военачальников: *Au prince Murat. Schoenbrunn, 25 brumaire en 1805 à huit heures du matin. «Il m'est impossible de trouver des termes pour vous exprimer mon mécontentement. Vous ne commandez que mon **avant-garde** et vous n'avez pas le droit de faire d'armistice sans mon ordre.*

*[Принцу Мюрату. Шенбрюнн, 25 брюмера 1805 г. 8 часов утра. Я не могу найти слов чтоб выразить вам мое неудовольствие. Вы командуете только моим **авангардом** и не имеете права делать перемирие без моего приказанья. [Толстой 1:211].*

Тот факт, что авангард именно передовая часть армии, свидетельствует следующий контекст: *Молодой император не мог воздержаться от желания присутствовать при сражении и, несмотря на все представления придворных, в*

12 часов, отделившись от 3-й колонны, при которой он следовал, поскакал к авангарду. Еще не доезжая до гусар, несколько адъютантов встретили его с известием о счастливом исходе дела [Толстой 1:312].

Император, находясь вместе с основными силами, решает ехать *вперёд*, чтобы увидеть сражение, где располагается авангард армии.

Авангард имеется в войске любого государства, в том числе и во французской армии: *Богучарово находилось последние три дня между двумя неприятельскими армиями, так что так же легко мог зайти туда русский арьергард, как и французский авангард, и потому Ростов, как заботливый эскадронный командир, желал прежде французов воспользоваться тем провиантом, который оставался в Богучарове [Толстой 2:159].* При отступлении русской армии тыловая часть войска, именуемая арьергардом, оказалась преследуемой французским авангардом. Следует отметить, что авангард представляет собой значительную часть армии, где может находиться до нескольких тысяч человек: *Дорога французов от Вены до Цнайма была короче и лучше, чем дорога русских от Кремса до Цнайма. В ночь получения известия Кутузов послал четырехтысячный авангард Багратиона направо горами с кремско-цнаймской дороги на венско-цнаймскую. Багратион должен был пройти без отдыха этот переход, остановиться лицом к Вене и задом к Цнайму, и ежели бы ему удалось предупредить французов, то он должен был задерживать их, сколько мог. Сам же Кутузов со всеми тяжестями тронулся к Цнайму [Толстой 1:209].*

В настоящее время лексема *авангард* в военном значении используется редко. Более частотным оказывается её употребление в переносном смысле, в большинстве случаев не имеющем ничего общего с областью военного знания: *быть в авангарде – быть впереди, в первых рядах.* Именно эта сема ложится в основу распространённых сегодня названий различных организаций, спортивных объединений и др. – российский коммерческий банк «Авангард», мебельный центр «Авангард» (г. Кострома), хоккейный клуб «Авангард» (г. Омск), американская ракета-носитель «Vanguard» и т.д.

В контексте употребления лексемы *авангард* нередко встречающимся оказывается слово *аванпост* с идентичным префиксом *аван-*: АВАНПОСТ, -а, м. В некоторых армиях (в том числе в царской) передовой сторожевой пост, выставляемый с целью предупреждения внезапного нападения врага [Франц. *avant poste*] [МАС 1:20]; Аванпост, а, м. *Воен.* Сторожевой отряд, выставляемый впереди войск, находящихся близко от неприятеля [БАС 1:25]. По определению состав отряда ограничивается несколькими десятками человек. Примечательно, что в романе «Война и мир» галлицизм *аванпост* употребляется исключительно во множественном числе: *18 и 19 ноября войска прошли еще два перехода вперед, и неприятельские аванпосты после коротких перестрелок отступали* [Толстой 1:315]; *Несмотря на то, что положение французского войска и его численность были неизвестны русским, как скоро изменилось отношение, необходимость наступления тотчас же выразилась в бесчисленном количестве признаков. Признаками этими были: и присылка Лористона, и изобилие провианта в Тарутине... и смелость, с которою теперь шныряли русские аванпосты около стоявших в Тарутине французов* [Толстой 2:466] (см. Приложение). В этих примерах употребления множественное число имени существительного *аванпост* имеет собирательное значение, без намерения автора дифференцировать множество на отдельные единицы. В совокупности аванпосты образовывали своеобразную цепь, как на это указывает пример употребления из словарной статьи: *Аванпосты в виде прерывистой цепи стрелков были выдвинуты по тракту к ручьевским садам.* Федин, Города и годы [МАС 1:20].

В большинстве случаев употреблённая во множественном числе лексема *аванпост* в романе «Война и мир» имеет семантику, не зафиксированную в словарях русского языка: *Мюрат уверял, что уже идут переговоры о мире и что потому, избегая бесполезного пролития крови, он предлагает перемирие. Австрийский генерал граф Ностиц, стоявший на аванпостах, поверил словам парламентаря Мюрата и отступил, открыв отряд Багратиона* [Толстой 1:210];

На заре 17-го числа в Вишау был препровожден с аванпостов французский офицер, приехавший под парламентарским флагом, требуя свидания с русским

императором. Офицер этот был Савари. Государь только что заснул, и потому Савари должен был дожидаться. В полдень он был допущен к государю и через час поехал вместе с князем Долгоруковым на **аванпосты** французской армии [Толстой 1:314];

– Но в какой же позиции мы атакуем его? Я был на **аванпостах** нынче, и нельзя решить, где он именно стоит с главными силами, – сказал князь Андрей. Ему хотелось высказать Долгорукову свой, составленный им, план атаки.

– Ах, это совершенно всё равно, – быстро заговорил Долгоруков, вставая и раскрывая карту на столе. – Все случаи предвидены: ежели он стоит у Брюнна... И князь Долгоруков быстро и неясно рассказал план флангового движения Вейротера [Толстой 1:317].

В этих примерах из романа под лексемой *аванпосты* Л. Н. Толстой подразумевает не множество сторожевых постов, а то территориальное пространство, которое занимает эта цепь передовых постов, место, где они располагаются, т.е. впереди. Так, Андрей Болконский, докладывая Долгорукову о позициях французской армии, говорит, что был «на аванпостах». Логично предположить, что князь Андрей не объезжал все аванпосты, а находился на одной из позиций передовой линии. В этом переносном смысле лексема *аванпост* может выступать в качестве синонима лексеме *авангард*, обозначая что-либо, находящееся впереди. Аналогично лексеме *авангард*, слово *аванпост* чаще употребляется в переносном смысле, чем в военном значении, во фразеологическом словосочетании, зафиксированном в современных словарях русского языка, – «быть на аванпостах», т.е. «впереди, на передовых позициях».

Контрадикторным антонимом слову *авангард* является лексема *арьергард*. Её появление в русском языке также датируется концом XVII – началом XVIII века: «арьергард, раньше ариергардия, у Петра I, арьергарда, там же, 1708 г.; см. Христиани 37; Смирнов 44. Скорее из франц. *arrieregarde* (с изменением окончания под влиянием *гвардия*), чем из польск. *arjergarda, arjergwardia*, как полагает Смирнов (там же)» [Фасмер 1:92]. В «Книге о эксерции, церемониях и должностях воинским людям надлежащих» фиксируется употребление слова в

форме *ариргард* – вместо *авангардии* *капралу* и *12* человекам *быть* в *ариргардии* [Книга о эксерции 2:9].

Различие в значении слова *арьергард*, противоположное значению слова *авангард*, выражается в единственной семе, обозначающей пространственный признак. В отличие от авангарда *арьергард* располагается сзади: АРЬЕРГАРД, -а, м. Часть войск или флота, находящаяся позади главных сил при походном движении и обеспечивающая безопасность тыла [Франц. *arrière-garde*] [МАС 1:48]; *Арьергард* и *арьергард*, а, м. *Воен.* Часть войска или флота, следующая позади главных сил [БАС 1:202]. В БАС приведено два возможных варианта употребления лексемы, являющихся нормативными [БАС 1:202].

Нестабильность употребления формы слова отражается и в романе «Война и мир», где варианты *арьергард* и *арьергард* перемежаются в повествовании: *В арьергарде* *Дохтуров* и *другие*, *собирая батальоны*, *отстреливались от французской кавалерии*, *преследовавшей наших* [Толстой 1:354]; *Между орудиями*, *на высоте*, *стояли спереди начальник арьергарда генерал с свитским офицером*, *рассматривая в трубу местность*. *Несколько позади сидел на хоботе орудия Несвицкий*, *посланный от главнокомандующего к арьергарду* [Толстой 1:169].

Неустойчивость формы слова свидетельствует о её неполной адаптации в русском языке, но не о неясности семантики. В «Войне и мире» в военном смысле лексема так же, как и в словарях, моносемантична: *Ростов*, *подъехав к Багратиону*, *рапортовал ему и присоединился к адъютантам*, *прислушиваясь к тому, что говорили генералы*.

– *Поверьте*, – *говорил князь Долгоруков*, *обращаясь к Багратиону*, – *что это больше ничего как хитрость: он отступил и в арьергарде велел зажечь огни и шуметь*, *чтобы обмануть нас* [Толстой 1:327].

При помощи контекста и глагола *отступить*, содержащего сему «сзади», Л. Н. Толстой даёт понять, что *арьергард* – именно тыловая часть армии. То, что *арьергард* во время сражения выполняет задачи, отличные от задач авангарда, автор романа раскрывает в сцене разговора Багратиона с Андреем Болконским:

*Багратион, зная Болконского за любимого и доверенного адъютанта, принял его с особенным начальническим отличием и снисхождением, объяснил ему, что, вероятно, нынче или завтра будет сражение, и предоставил ему полную свободу находиться при нем во время сражения или в **арьергарде** наблюдать за порядком отступления, «что тоже было очень важно»... «Ежели это один из обыкновенных штабных франтиков, посылаемых для получения крестика, то он и в **арьергарде** получит награду, а ежели хочет со мной быть, пускай... пригодится, коли храбрый офицер», подумал Багратион [Толстой 1:212].*

Здесь князь Багратион иронизирует, преувеличивая значимость нахождения в арьергарде, т.е. позади основных сил армии и тем более далеко позади авангарда. Очевидно, что служить в арьергарде, вдали от линии боевых действий, намного проще и безопаснее, чем в авангарде. Этим непременно пользовались «обыкновенные штабные франтики, посылаемые для получения крестика».

В тексте романа встречается единственный случай употребления производной лексемы от этого слова – *арьергардный*: *Преследуемая сотысячною французскою армией под начальством Бонапарта, ...русская тридцатипяти тысячная армия, под начальством Кутузова, поспешно отступала вниз по Дунаю, останавливаясь там, где она бывала достигнута неприятелем, и отбиваясь **арьергардными** делами, лишь насколько это было нужно для того, чтоб отступить, не теряя тяжестей [Толстой 1:184].*

В словосочетании *арьергардные дела* синтагматические связи между словами окказиональны, поскольку словосочетания *арьергардные части*, *арьергардный бой*, приведённые в словарных дефинициях к имени прилагательному *арьергардный*, выглядят более привычными. Значение словосочетания *арьергардные дела* можно расценить как способ ведения боя арьергардом – планомерное отступление с локальными боями с целью как можно дольше задержать наступающую армию противника.

Сегодня ввиду изменения характера современных военных действий арьергард как боевая часть армии имеет меньшую значимость, но термин до сих пор актуален и сохраняется в русском языке: АРЬЕРГАРД, -а, м. [франц. *arrière-*

garde от *arrière* – ‘задний’ и *garde* – ‘стража’]. *Воен.* Часть войск или флота для прикрытия главных сил при отступлении или на марше [БТСРЯ: 48]. Более частотно употребление лексемы в переносном смысле в значении наречия в *арьергарде*, имеющем значение «позади всех, отставая от других».

3.2. Наименования атрибутов (артефактов) военных действий

В параграфе рассматривается лексика, обозначающая различные атрибуты (артефакты) военных действий. Данная терминология в исследовании подразделяется на следующие группы: наименования орудий и их частей, наименования военных укреплений и наименования предметов военного обмундирования, куда входят следующие слова: *ботфорты*, *граната*, *картечь*, *каска*, *колет*, *лафет*, *медаль*, *мундир*, *мушкетон*, *обмундировка*, *пистолет*, *плюмаж*, *редут*, *tête de pont*, *флешь*, *шинель*, *эполеты*.

3.2.1. Наименования оружия, частей орудий и снарядов

Оружие и орудия, которые использовались русской армией в войне с Наполеоном, были разнообразны по видам и происхождению. В русской сухопутной артиллерии первой половины XIX века было 3 рода орудий – пушки, единороги и мортиры [Берназ]. Следует отметить, что к началу наполеоновских войн русская артиллерия ни в чём не уступала западноевропейской, а кое-где даже её превосходила, поскольку русские литейщики издавна славились своим мастерством на Руси и за границей [Широкорад: 27]. Примечательно, что некоторые названия артиллерийских орудий, используемых в первой половине XIX века (*гаубица*, *мортира*), и составных частей этих орудий (*брандскугель*, *лафет*) имеют иноязычное происхождение [Крысин 2008], поскольку многие технические новшества появлялись сначала в странах Европы, а затем были заимствованы русской армией. Факт заимствования артиллерийских орудий и их номинаций именно из французского языка, вероятно, обуславливается тем, что сам Наполеон I внёс огромный вклад в совершенствование артиллерийских войск

– он первым предложил использовать артиллерийские орудия в связке, в *батарее* [Стендаль: 338-350].

Заимствованными лексемами в лексико-семантической группе «Орудия» [Канафиев] являются *гаубица* и *мортира*. Русская лексема *мортира* происходит от франц. *mortier* через голл. *mortier* «ступа, мортира» [Фасмер 2:658]. Во времена войны с Наполеоном мортиры использовались русской армией широко. Тем не менее в романе «Война и мир» данный вид орудий не упоминается. Вероятнее всего потому, что мортира внешне напоминала пушку и её французское наименование в разговорной речи заменялось исконно русским, более привычным наименованием *пушка*. Такой аналогией можно объяснить и факт изменения родового значения. Первоначальные варианты *мартирь* и *мортир*, имея нулевые окончания, относились к существительным мужского рода, так же, как и исходная лексема во французском языке. Позднее в процессе адаптации лексема *мортир*, следуя родовой модели слова *пушка*, приобрела окончание *-а* и перешла в разряд имён существительных женского рода. Интересно отметить, что в слово *мортира* упоминается «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого [Толстой 2001:52]. В данном параграфе рассмотрим лексемы *пистолет*, *граната*, *картечь*, *лафет*.

Лексема *пистолет*, обозначая не артиллерийское, но огнестрельное оружие, только ручное, также заимствована из французского языка [Фасмер 3:267]. Тот факт, что пистолет – «ручное огнестрельное оружие с коротким стволом, применяемое для стрельбы на небольших дистанциях» [БАС 9:1237-1238], видно и из текста романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: *Одевшись в французские шинели и кивера, Петя с Долоховым поехали на просеку...*

– *Если попадемся, я живым не отдамся, у меня **пистолет**, – прошептал Петя.*

– *Не говори по-русски, – быстрым шепотом сказал Долохов, и в ту же минуту в темноте послышался оклик: «Qui vive?» [Кто идет?] и звон ружья.*

*Кровь бросилась в лицо Пети, и он схватился за **пистолет**.*

– *Lanciers du sixième, [Уланы шестого полка.]* – проговорил Долохов, не укорачивая и не прибавляя хода лошади. Черная фигура часового стояла на мосту [Толстой 2:536].

Пистолеты были частью личного вооружения офицеров во время военных действий: *Он был только более обыкновенного красен и... безжалостно вдавив своими маленькими ногами шпоры в бока доброго Бедуина, он, будто падая назад, поскакал к другому флангу эскадрона и хриплым голосом закричал, чтоб осмотрели **пистолеты*** [Толстой 1:177]; *Передний француз с горбатым носом подбежал так близко, что уже видно было выражение его лица. И разгоряченная чуждая физиономия этого человека, который со штыком наперевес, сдерживая дыханье, легко подбегал к нему, испугала Ростова. Он схватил **пистолет** и, вместо того чтобы стрелять из него, бросил им в француза и побежал к кустам что было силы. Не с тем чувством сомнения и борьбы, с каким он ходил на Энский мост, бежал он, а с чувством зайца, убегающего от собак* [Толстой 1:233].

В последнем примере Толстой изображает Николая Ростова, который впервые оказывается перед лицом смерти, в ситуации, вынуждающей его убить человека, несмотря на то, что он враг. Ростов, испугавшись, использует свой пистолет не по назначению, не стреляя в француза, а бросая его в противника, и убегает.

Пистолет, несмотря на то, что является «коротким ручным огнестрельным орудием» [ВЭС: 562], в XVIII веке имел немалые размеры: *Оправив на себе платье, Пьер взял в руки **пистолет** и собирался уже идти. Но тут ему в первый раз пришла мысль о том, каким образом, не в руке же, по улице нести ему это оружие. Даже и под широким кафтаном трудно было спрятать большой **пистолет**. Ни за поясом, ни под мышкой нельзя было поместить его незаметным. Кроме того, **пистолет** был разряжен, а Пьер не успел зарядить его* [Толстой 2:385].

Будучи оружием солдат и офицеров, в романе «Война и мир» пистолет чаще фигурирует как атрибут дуэлей: *Когда всё было готово, сабли воткнуты в снег,*

означая барьер, до которого следовало сходиться, и **пистолеты** заряжены, Несвицкий подошел к Пьеру [Толстой 1:384]; Так когда хочу – могу стрелять! – сказал Пьер, при слове три быстрыми шагами пошел вперед, сбиваясь с протоптанной дорожки и шагая по цельному снегу. Пьер держал **пистолет**, вытянув вперед правую руку, видимо боясь как бы из этого **пистолета** не убить самого себя [Толстой 1:385-386]. Тем не менее, основное предназначение пистолетов в дуэли не изменяется – убить или ранить противника в ближнем бою, т.е. на расстоянии примерно в десять или двадцать метров: Противники стояли шагах в сорока друг от друга, у краев поляны. Секунданты, измеряя шаги, проложили, отпечатавшиеся по мокрому, глубокому снегу, следы от того места, где они стояли, до сабель Несвицкого и Денисова, означавших барьер и воткнутых в десяти шагах друг от друга... Противники имели право, сходясь до барьера, стрелять, когда кто захочет. Долохов шел медленно, не поднимая **пистолета**, взглядываясь своими светлыми, блестящими, голубыми глазами в лицо своего противника [Толстой 1:385].

В «Войне и мире» встречается единичное употребление производного от лексемы *пистолет* слова при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-ик*. В данном контексте значительно нейтрализуется боевое значение данного предмета: *Макар Алексеич, морщась от усилий, удерживал **пистолет** и кричал хриплым голосом, видимо, себе воображая что-то торжественное.*

– К оружию! На abordаж! Врешь, не отнимешь! – кричал он.

– Будет, пожалуйста, будет. Сделайте милость, пожалуйста, оставьте. Ну, пожалуйста, барин... – говорил Герасим, осторожно за локти стараясь поворотить Макара Алексеича к двери.

– Ты кто? Бонапарт!.. – кричал Макар Алексеич.

– Это нехорошо, сударь. Вы пожалуйста в комнаты, вы отдохните. Пожалуйста **пистолетик**.

– Прочь, раб презренный! Не прикасайся! Видел? – кричал Макар Алексеич, потрясая **пистолетом**. – На abordаж! [Толстой 2:358].

Усвоенное в XVIII веке слово *пистолет* сохраняется в современном языке не в качестве историзма, а как активно употребляющаяся лексема, обозначающая усовершенствованное за несколько столетий ручное огнестрельное оружие.

Заимствованиями из французского языка оказываются также и некоторые наименования снарядов и частей артиллерийских орудий – *картечь*, *граната*, *лафет*. Лексема *картечь* присутствует во многих европейских языках, но вопрос о её происхождении в русском языке решается неоднозначно. Очевидно посредство польского языка – *kartecza*, этимологический словарь Фасмера в качестве источника заимствования называет несколько европейских языков: «Картечь ж., впервые картеча, «Письма и бумаги Петра В.» (см. Смирнов 135). Из нем. *Kartatsche* от англ. *cartage* из франц. *cartouche*, ит. *cartoccio* из греч. *χάρτης* (см. Клюге–Гётце 287; Шульц–Баслер 1, 335)» [Фасмер 2:204]. Донорство французского языка, по нашему мнению, оказывается предпочтительнее, поскольку другая лексема русского языка *картуз* также происходит от французского слова *cartouche* и в одном из значений имеет похожую семантику: *Картуз, -а, м. Воен.* Мешок из быстро сгорающей ткани для боевого заряда [МАС 2:36]. Французская лексема *cartouche* имеет несколько значений, три из которых относятся к военной сфере. Первое значение ‘картонный цилиндр с порохом’ устарело – 1. *Autrefois, cylindre de carton contenant la charge de poudre et la balle du fusil*, а два других актуальны и используются в современном французском языке – 2. *Charge d'explosif ou de poudre, logée, prête au tir, dans un étui en papier, en carton, en textile ou en metal* (‘заряд взрывчатого вещества или пороха в гильзе из бумаги, ткани или металла’); 3. *Munition d'une arme de guerre ou de chasse comprenant, en un seul ensemble, un projectile (balle, obus, plomb) et une charge propulsive incluse dans un étui ou une douille munis d'une amorce* (‘боеприпас военного или охотничьего оружия, включающего в себя снаряд (пулю, гранату, дробь) и заряд взрывчатого вещества с воспламенителем’) [Larousse: 173; Le Petit Robert: 260]. Семантика русской лексемы *картечь* несколько уже, в БАС это слово дано в двух значениях: *Картечь, и, ж.* 1. Артиллерийский снаряд, начиненный круглыми пулями, для массового поражения живых целей на близком расстоянии. 2. Крупная дробь или

маленькие пули для охотничьего ружья [БАС 5:833]. Из словарной дефиниции ясно, что в первом случае картечью назван артиллерийский снаряд с металлическими пулями внутри, а во втором – сами пули в виде металлических шариков, применяющихся только для стрельбы из охотничьего оружия.

Семантика лексемы *картечь* в русском языке первой половины XIX века полно раскрывается в тексте романа «Война и мир», где встречается 7 случаев употребления этой лексемы. Картечь, в отличие от стрельбы ядрами из артиллерийских орудий, применялась для более прицельной стрельбы по живой силе противника: *«Всё кончилось; но я трус, да, я трус», подумал Ростов и, тяжело вздыхая, взял из рук коновода своего отставившего ногу Грачика и стал садиться.*

*– Что это было, **картечь**? – спросил он у Денисова.*

– Да еще какая! – прокричал Денисов. – Молодцами г'аботали! А г'абота сквег'ная! Атака – любезное дело, г'убай в песи, а тут, чо г'т знает что, бьют как в мишень [Толстой 1:183].

На вопрос Николая Ростова по поводу артиллерийской атаки французов, майор Денисов отвечает ему, что это была атака картечью, причём очень точная, потому что «били как в мишень», т.е. прицельно. Как и при стрельбе ядрами, артиллерийские орудия для картечного огня выставляются под определённым углом, чтобы картечь не перелетела или не недолетела до противника: *Французские орудия опять поспешно заряжали. Пехота в синих капотах бегом двинулась к мосту. Опять, но в разных промежутках, показались дымки, и защелкала и затрещала **картечь** по мосту... Французы успели сделать три картечные выстрела, прежде чем гусары вернулись к коноводам. Два залпа были сделаны неверно, и **картечь** всю перенесло, но зато последний выстрел попал в середину кучки гусар и повалил троих [Толстой 1:182].*

Картечь начинялась пулями из твердых материалов – чугуна, свинца, цинка, которые после разрыва оболочки картечи кучей вылетали из дула орудия. При достижении твёрдой цели – предметов из металла или каменной стены – такие металлические пули издавали характерный звук: *Опять, но в разных*

*промежутках, показались дымки, и защелкала и затрещала **картечь** по мосту [Толстой 1:182]; И все приготовились к этому сражению. Крики из ворот затихли. Орудия были выдвинуты. Артиллеристы сдули нагоревшие пальники. Офицер скомандовал «feu!» [пали!], и два свистящие звука жестянок раздались один за другим. **Картечные** пули затрещали по камню ворот, бревнам и щитам; и два облака дыма заколебались на площади [Толстой 2:351].*

Картечь была предназначена для поражения живой силы противника непосредственно пулями, а не в результате взрывной волны. Стрельба картечью велась на более близкое расстояние относительно стрельбы ядрами: *Офицер, товарищ Тушина, был убит в начале дела, и в продолжение часа из сорока человек прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы всё так же были веселы и оживлены. Два раза они замечали, что внизу, близко от них, показывались французы, и тогда они били по ним **картечью** [Толстой 1:236].* Таким образом, картечь употребляется только для отражения атаки противника на расстояниях, не превосходящих 300 метров [ВЭС: 320]. Отсюда для обозначения такого расстояния появляется фразеологическое словосочетание – *расстояние картечного выстрела*.

*– Полковник, – перебил свитский офицер, – надо торопиться, а то неприятель пододвинет орудия на **картечный** выстрел [Толстой 1:179]; «Зажгут или не зажгут мост? Кто прежде? Они добегут и зажгут мост, или французы подъедут на **картечный** выстрел и перебьют их?» Эти вопросы с замиранием сердца невольно задавал себе каждый из того большого количества войск, которые стояли над мостом и при ярком вечернем свете смотрели на мост и гусаров и на ту сторону, на подвигавшиеся синие капоты со штыками и орудиями.*

*– Ох! достанется гусарам! – говорил Несвицкий, – не дальше **картечного** выстрела теперь [Толстой 1:181].*

Из этих контекстов ясно, что раньше, в XIX веке, словосочетание *картечный выстрел* не понималось буквально и употреблялось не для обозначения точного

расстояния, равного трёмстам метрам или меньше, а имело семантику «близко, недалеко».

В романе «Война и мир» встречаются и другие словосочетания со словом *картечный* – *картечный огонь*, *картечные пули*, относящемуся к разряду относительных прилагательных, выражающих этот признак через отношение к предмету – *огонь от картечи*, *пули из картечи*. В данных словосочетаниях один из элементов – имя прилагательное *картечный* – является производным от слова *картечь*. Других производных слов от этого корня в русском языке не существует.

Примеры употребления лексемы в «Войне и мире» демонстрируют, что картечью в первой половине XIX века, по крайней мере, в пределах текстов романа, назывались только снаряды для артиллерийских орудий и в качестве обозначения охотничьей дроби не использовались. В первой половине XIX века охотники применяли дымный порох, стреляли *дробью*, а также круглой или продолговатой *пулей* без оболочки [Блюм: 11]. В настоящее время картечью охотники называют ту же ружейную дробь, только более крупную: *Картечь охотничья – крупная свинцовая дробь, употребляемая для стрельбы средних по величине зверей, напр. волков, и больших птиц вроде дроф, журавлей и т. п.* [ЭСБЕ 38:456].

Название другого артиллерийского снаряда – гранаты – во многом обязано названию круглых плодов южного дерева с многочисленными семенами внутри, форму которых и напоминает этот снаряд. Лексема *граната* восходит к латинскому слову *granatus* ‘зернистый’ и заимствована русским языком, следуя словарям русского языка, из итальянского [МАС 1:343]. Действительно, французская форма *grenade*, по словам М. Фасмера, является «более отдалённой» от русского слова, чем итальянская *granata* [Фасмер 1:452], однако «родственная» лексема *гранадер* (или её вариант *гранадер*), обозначающая человека, который бросает гранаты, заимствована скорее из французского, а не из итальянского языка (см. с.73). Кроме того, в конце XVII – начале XVIII века существовало

несколько вариантов лексемы *граната*, в числе которых и форма *гренада*, близкая к французской *grenade* [БАС 3:366].

В «Войне и мире» эта лексема встречается исключительно в форме *граната*. Из контекстов становится ясно, что гранатой называется именно артиллерийский снаряд, т. е. снаряд для метания из артиллерийских орудий: *Металлически, оглушая, зазвенело орудие, и через головы всех наших под горой, свистя, пролетела граната и, далеко не долетев до неприятеля, дымком показала место своего падения и лопнула* [Толстой 1:171]; *Они приостановились и рассказывали, как подле самих их ядра попали в дом. Между тем другие снаряды, то с быстрым, мрачным свистом – ядра, то с приятным посвистыванием – гранаты, не переставали перелетать через головы народа; но ни один снаряд не падал близко, все переносило* [Толстой 2:119]. Гранаты поражали живую силу противника, разрываясь при ударе об землю: *Каждые десять секунд, нагнетая воздух, шлепало ядро или разрывалась граната в середине этой густой толпы, убивая и обрызгивая кровью тех, которые стояли близко* [Толстой 1:354]. В прямой речи героев романа, солдат и офицеров, граната названа *чинёнкой*: *Чиненка! – кричал солдат на приближающуюся, летевишую со свистом гранату. – Не сюда! К пехотным! – с хохотом прибавлял другой, заметив, что граната перелетела и попала в ряды прикрытия* [Толстой 2:234], однако это наименование является разговорным синонимом, указывая на то, что гранаты начинены мелкими деталями, шариками. Термин *граната* тем не менее знаком русским солдатам, что видно по тексту романа. Капитан Тушин приказывает артиллеристу своей батареи на неприятельский огонь ответить залпом гранат: *Вишь, пыхнул опять, – проговорил Тушин шёпотом про себя, в то время как с горы выскакивал клуб дыма и влево полосой относился ветром, – теперь мячик жди – отсылать назад.*

– *Что прикажете, ваше благородие? – спросил фейерверкер, близко стоявший около него и слышавший, что он бормотал что-то.*

– *Ничего, гранату... – отвечал он* [Толстой 1:237].

В русском языке лексема *граната* образует производные слова, одно из которых – прилагательное, образованное путем прибавления суффикса *-н-*, *гранатный*, зафиксировано в тексте «Войны и мира»: *Через пять минут никого не оставалось на улице. Кухарку с бедром, разбитым **гранатным** осколком, снесли в кухню... Гул орудий, свист снарядов и жалостный стон кухарки, преобладавший над всеми звуками, не умолкали ни на мгновение* [Толстой 2:120].

Данный факт свидетельствует об усвоенности слова русским языком, которое сохранилось до настоящего времени и служит номинацией для современных снарядов, как артиллерийских, так и ручных.

Лексема *лафет* происходит от французского *l'affût* через посредство немецкого языка (*Lafette* – станок, на котором закрепляется ствол артиллерийского орудия) [Фасмер 2:467]. Во французском языке лексема *l'affût* многозначна и обозначает – ‘шалаш, засада’, ‘буровой станок’, ‘штатив’. Первое значение слова *лафет* имеет исключительно военную специфику – *Bâti de bois ou de métal, destiné à soutenir, à pointer et à déplacer les bouches à feu et certains projectiles autopropulsés* (‘деревянная или металлическая опора, станина, предназначенная для поддержки и транспортировки артиллерийских орудий и некоторых реактивных снарядов’) [Larousse: 20, Le Petit Robert: 34].

В русский язык лексема *лафет* заимствуется только в одном этом значении, что свидетельствует о её терминологичности – Лафет, а, м. Станок, на котором закрепляют артиллерийское орудие. Нем. *Lafette*, от франц. *l'affût* [БАС 6:84]. Данная словарная дефиниция не позволяет точно охарактеризовать лексему, контексты из романа «Война и мир» дают более полное и детальное представление об этой части орудия. *Растягиваясь с своим медным звуком подрагивающих на **лафетах**, вычищенных, блестящих пушек и с своим запахом пальников, ползла между пехотой и кавалерией артиллерия и расставлялась на назначенных местах* [Толстой 1:299]. Описывая союзную русско-австрийскую армию на марше, Толстой перечисляет всё и всех, участвующих в смотре – солдат и офицеров, лошадей и технику. Для транспортировки пушек и использовались лафеты, к которым были приделаны колёса. В первой половине XIX века лафеты

были тяжёлыми, поскольку изготавливались из металла: *Со всех сторон, назади и впереди, покуда хватал слух, слышались звуки колес, гроыхание кузовов, телег и лафетов, лошадиный топот, удары кнутом, крики понуканий, ругательства солдат, денщиков и офицеров* [Толстой 1:203]. Колёса лафетов издавали лязг и скрежет из-за собственной массы, которая соотносилась с массой транспортируемого орудия.

Несмотря на отсутствие производных слов, лексема оказывается полностью ассимилированной единицей языка, поскольку в отличие от многих других артефактов первой половины XIX века, как то *аксельбант, брандскугель, мушкетон, редут* и др., с развитием военного искусства она не устарела. Значение этого слова в русском языке на протяжении лет не менялось, изменялась только сама конструкция данного приспособления. В настоящее время современные артиллерийские орудия также имеют лафет, но более усовершенствованной конструкции [ВЭС: 392].

3.2.2. Наименования военных укреплений и сооружений

В 2012 году исполнилось 200 лет со дня битвы между русской и французской армией, известной мировой истории как «сражение на Москве-реке», а в России – носящей название «Бородинское сражение». Широкую известность эта крупнейшая битва Отечественной войны получила из-за общей численности участвующих в ней войск и огромных потерь с той и с другой стороны, а также решающего исхода сражения, по мнению отечественных историков, в пользу русской армии. Дата исторического сражения особо памятна в наши дни ещё потому, что этому событию было посвящено множество литературных произведений русских поэтов и писателей. Так, Л. Н. Толстой в нескольких главах описал сражение при Бородино в «Войне и мире», А. С. Пушкин отразил тему Бородинского сражения в ряде стихотворений, М. Ю. Лермонтов посвятил этому событию поэму «Бородино», работу с одноимённым названием написал историк Е. В. Тарле. Эти произведения достоверно отражают реалии военных событий первой половины XIX века, от которых во многом зависел исход военных

операций, и номинации этих реалий, преимущественно французского происхождения: *апрош, батарея, бруствер, капонир, люнет, окоп, редан, редут, ретраншементы, тет-де-пон, траншея, флешы, шанец, эскарп* и др. Почти все выявленные нами в различных источниках, словарях и энциклопедиях (например, в ВЭС [ВЭС 69, 630, 780], ЭСБЕ [ЭСБЕ 5:174; 51:472; 71:132]) наименования оборонительных укреплений и их частей, использовавшихся русскими войсками в начале XIX века, являются галлицизмами, чаще непосредственного заимствования.

В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» неоднократно используются галлицизмы *батарея, редут, флешь*. Именно эти три заимствования из французского языка, превратившиеся со временем в историзмы, остаются широко известными и в настоящее время благодаря тексту романа «Война и мир». Эти слова являются необходимыми и важными для описания батальных сцен в романе-эпопее, а многочисленные по употребительности словосочетания с этими лексемами – *батарея Раевского, Шевардинский редут, Багратионовы флешы* – давно стали идиоматическими и по сей день олицетворяют доблесть и отвагу русской армии [Волотов 2013:119-121].

Лексема *редут* в русском языке однозначна – в словарях русского языка приводится единственное значение, сопровождающееся обычно пометой *воен.* Так, МАС даёт следующее толкование лексемы: РЕДУТ, -а, м. *Воен. устар.* Полевое земляное укрепление с наружным рвом и валом, применявшееся до начала 20 в. *Сквозь дым летучий//Французы двинулись, как тучи,//И все на наш редут. Лермонтов, Бородино* [Франц. *redoute*]. [МАС 3:696]. Пример употребления лексемы взят из поэмы «Бородино», в которой Лермонтов отображает те же события, что и Толстой в «Войне и мире».

Функционирование лексемы *редут* в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» является частотным (36 употреблений), что позволило точно определить семантику слова в её парадигматических и синтагматических связях. Слово *редут* в романе имеет уже устоявшееся значение этого слова: ‘укреплённое сооружение для обороны, располагающееся обычно на возвышении впереди основных сил

армии' – *редут* этот состоял из кургана, на котором с трех сторон были выкопаны каналы. В окопанном каналами месте стояли десять стрелявших пушек, высунутых в отверстие валов [Толстой 2:231-232]. Осмотрев местность против Шевардинского *редута*, Наполеон подумал несколько времени молча и указал на места, на которых должны были быть устроены к завтраму две батареи для действия против русских укреплений, и места, где рядом с ними должна была выстроиться полевая артиллерия [Толстой 2:218] (см. Приложение). Будучи укрепительным сооружением, редут строится заранее, обычно накануне дня сражения, когда дислокация войск уже известна. Цель сооружения редута, который также выполняет функции укрытия, заключается в создании так называемого барьера, труднодоступного для атаки этого редута и дальнейшего продвижения противника. На редуте, т.е. на возвышенности, обычно располагают артиллерийские орудия (иногда вместе с пехотой) для лучшего обзора местности и для лучшей дальности стрельбы. Значение такого сооружения в практике боя очень велико: *редут* этот состоял из кургана, на котором с трех сторон были выкопаны каналы... Входя на этот курган, Пьер никак не думал, что это окопанное небольшими каналами место, на котором стояло и стреляло несколько пушек, было самое важное место в сражении [Толстой 2:231-232].

Слово *редут* органично включается в авторскую речь при описании военных сцен, оно часто звучит в речи героев романа, военнослужащих как русской, так и французской армий:

– Это опять он, – сказал офицер. (Это был Шевардинский *редут*.) – Вчера было наше, а теперь его.

– Так как же наша позиция?

– Позиция? – сказал офицер с улыбкой удовольствия. – Я это могу рассказать вам ясно, потому что я почти все укрепления наши строил. Вот, видите ли, центр наш в Бородине, вот тут. – Он указал на деревню с белой церковью, бывшей впереди. – Тут переправа через Колочу. Вот тут, видите, где еще в низочке ряды скошенного сена лежат, вот тут и мост. Это наш центр. Правый фланг наш вот где (он указал круто направо, далеко в ущелье), там

Москва-река, и там мы три **редута** построили очень сильные [Толстой 2:195]. Русский офицер, объясняя Пьеру позицию русских войск, рассказывает, как он строил все наши укрепления, где располагаются наши правый и левый фланги и центр, где были устроены редуты. Пьер Безухов, как человек далекий от военного дела, по всей видимости, понимает значение военного термина *редут*, использованного офицером в разговоре. Французский офицер использует лексему в том же значении:

– *Bah, vraiment! Eh bien, tant mieux, – сказал француз. – Vous êtes de fiers ennemis, tout de même. La grande **redoute** a été tenace, nom d'une pipe. Et vous nous l'avez fait crânement payer. J'y suis allé trois fois, tel que vous me voyez. Trois fois nous étions sur les canons et trois fois on nous a culbuté et comme des capucins de cartes. Oh!! c'était beau, monsieur Pierre. Vos grenadiers ont été superbes, tonnerre de Dieu.* [Ба, в самом деле? Тем лучше. Вы лихие враги, надо признаться. Хорошо держался большой **редут**, черт возьми. И дорого же вы заставили нас поплатиться. Я там три раза был, как вы меня видите. Три раза мы были на пушках, три раза нас опрокидывали, как карточных солдатиков. Ваши гренадеры были великолепны, ей-богу [Толстой 2:364]. Шевардинский редут, устроенный перед Бородинским сражением, у французов имел своё название: *Курган, на который вошел Пьер, был то знаменитое (потом известное у русских под именем курганной батареи, или батареи Раевского, а у французов под именем **la grande redoute, la fatale redoute, la redoute du centre** [большого редута, рокового редута, центрального редута] место, вокруг которого положены десятки тысяч людей и которое французы считали важнейшим пунктом позиции* [Толстой 2:231]. Здесь лексема охарактеризована тремя атрибутами *grande, fatale, du centre*. Оценочные определения *grande, fatale* нетипичны для данной лексемы-военного термина, атрибут же локального характера *du centre* вызван облигаторными способностями данной лексемы и является обычным и уместным в употреблении. Различие в наименовании данного редута у русских и французов объясняется тем, что для французского командования большее значение имело не трудновыговариваемое географическое название местоположения редута, а его

роль, которую французы приписывали этому редуту во время сражения. Такая мотивировка в экспрессивной характеристике лексемы *редут* подчёркивает исключительное значение данного наименования. Словосочетания *потеря редута, атаковать редут, наткнуться на редут, Шевардинский редут, взятие редута, местность против редута, направиться к редуту, засыпать редут снарядами, подъехать к редуту, большой редут, роковой редут, центральный редут, видеть с редута* и др. свидетельствуют о его свободной сочетаемости с другими частями речи и конкретизируют значение слова, делают его зримым и ёмким, подчёркивают его значимость. В отличие от французского языка, где слово употребляется как имя существительное женского рода, в русском языке слово обозначает неодушевлённое существительное мужского рода, что свидетельствует об особенностях морфологического приспособления галлицизма к системе русского языка. Лексема имеет окончания существительных 2-го склонения и в предложении выполняет синтаксические функции, типичные для этой части речи.

Другой элемент исследуемой лексико-семантической группы «Военные укрепления и сооружения» – лексема *флешь* – имеет несколько иное значение. Так в МАС лексема охарактеризована следующим образом: *Флешь, -и, ж. Воен. устар.* Полевое укрепление в форме тупого угла, обращенного вершиной к противнику [От франц. *flèche* – стрела]. [МАС 4:570]. Флешь, как и редут, является укрепительным сооружением, отличаясь от редута формой и характером построения. Такие полевые или долговременные укрепления состояли из двух фасов (сторон), которые образовывали тупой угол, обращённый к противнику (напоминающий в плане наконечник стрелы) [ВЭС: 787]. Название происходит от мотивированного французского слова *flèche* ‘стрела’ [Larousse: 434].

В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» эта лексема также обладает высокой частотностью, насчитывая 21 употребление. В нарративе произведения нет точной семантизации лексемы, но сам автор даёт примечание при первом употреблении этого слова в тексте романа: *Потом под гору и на гору они проехали вперед через поломанную, выбитую, как градом, рожь, по вновь проложенной артиллерией по*

колчам пашни дороге на **флешу** [род укрепления. (Примеч. Л.Н. Толстого.)], тоже тогда еще копаемые [Толстой 2:202]. Ясно то, что флешами в «Войне и мире» называются некие ‘сооружения, предназначенные для обороны’. В мастерски созданных Л. Н. Толстым детальными описаниями батальных сцен выкристаллизовываются нюансы значений лексемы, из которых складывается её семантический валёр. Объём значений раскрывается в контекстах, в парадигматических связях с другими лексемами. В диспозиции сказано, первое: чтобы устроенные на выбранном Наполеоном месте батареи с имеющими выравниваться с ними орудия Пернетти и Фуше, всего сто два орудия, открыли огонь и засыпали русские **флешу** и редут снарядами [Толстой 2:219]; Перекатная пальба пушек и ружей усиливалась по всему полю, в особенности влево, там, где были **флешу** Багратиона, но из-за дыма выстрелов с того места, где был Пьер, нельзя было почти ничего видеть [Толстой 2:233]; Не только с того места внизу, где он стоял, не только с кургана, на котором стояли теперь некоторые его генералы, но и с самых **флешей**, на которых находились теперь вместе и попеременно то русские, то французские, мёртвые, раненые и живые, испуганные или обезумевшие солдаты, нельзя было понять того, что делалось на этом месте [Толстой 2:239] – в этих отрывках из описания Бородинской битвы флешу, устроенные русскими войсками, или флешу Багратиона, подвергаются ожесточённой атаке со стороны французов, а русские артиллеристы, отважно сопротивляясь, отвечают канонадой выстрелов, из-за густого дыма от которых становится ничего не видно. В данном сражении Багратионовы флешу играли очень важную роль как для русской армии в плане обороны своих позиций, так и для французов – для дальнейшего продвижения к Москве: обе армии попеременно пытались овладеть флешами любой ценой, несмотря на огромные потери солдат.

Этимология и значение галлицизма *флешу* в русском языке известны, но открытым остаётся вопрос о времени и об условиях заимствования лексемы и её функционировании в русском языке [Волотов 2012:79-82]. Очевидно, что в первой половине XIX века слово *флешу* находилось на этапе вхождения в русский язык, о чём свидетельствуют пояснение Л. Н. Толстого для новой лексической

единицы (см. выше) и вариативность её употребления в романе. В «Войне и мире» лексема *флеш* имеет варианты формы родительного падежа множественного числа *флеш/флешей*: *С флеш они поехали еще левее дорогою, вьющеюся по частому, невысокому березовому лесу* [Толстой 2:202]; *Когда с левого фланга прискакал Щербинин с донесением о занятии французами флешей и Семеновского, Кутузов, по звукам поля сражения и по лицу Щербинина угадав, что известия были нехорошие, встал, как бы разминая ноги, и, взяв под руку Щербинина, отвел его в сторону* [Толстой 2:247]. Стоит заметить, что во французском языке большинство лексем (*approche, lunette, caponnière, redoute, escarpe*) относятся к группе имён существительных женского рода, тогда как в русском языке мы сталкиваемся с фактом специфики их морфологического приспособления – заимствования меняют женский род на мужской – *апрош, люнет, капонир, редут, эскарп*. Вероятно, под влиянием этого процесса у слова *флеш* происходит колебание рода, но вариант написания слова с мягким знаком на конце в литературе первой половины XIX века всё же преобладает и закрепляется в словарях русского языка более позднего периода.

Наиболее частотной в романе «Война и мир» (86 употреблений) среди наименований военных укреплений и сооружений является лексема *батарея*. В романе она употребляется в двух значениях. В первом значении лексема обозначает «организационную тактическую единицу артиллерии, подразделяющуюся на несколько взводов» [БАС 1:295], второе значение образуется от ядерного значения на основе метонимии, переноса по смежности – «2. воен. Укрепление, место, где устанавливаются артиллерийские орудия» [БАС 1:295]. Дополнительные оттенки значений лексемы, которые не даны в словарных дефинициях, позволяет выявить текст «Войны и мира»: *Пушки с этой батареей беспрестанно одна за другой стреляли, оглушая своими звуками и застилая всю окрестность пороховым дымом* [Толстой 2:232]; *К десяти часам уже человек двадцать унесли с батареей; два орудия были разбиты, чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальние пули. Но люди, бывшие на батарее, как будто не замечали этого; со всех сторон слышался веселый*

говор и шутки [Толстой 2:233] и др. В этих контекстах более полно проявляется семантика слова, заключённая в его ассоциативных связях с образами войны, – свист пуль, звуки от разрывов снарядов, густой дым от выстрелов, груды тел убитых и раненых – придающими сухому терминологическому значению слова многообразные дескриптивные свойства и образность.

В словарях современного русского языка лексемы *редут* и *флешь* отмечены пометой *устар.* С течением времени они действительно превратились в историзмы, поскольку военная наука не стояла на месте, изменились и характер и способы ведения войн, что отразилось и на ситуации употребления терминов в современном русском языке. Несмотря на отсутствие необходимости использовать такие укрепительные сооружения в условиях нового времени, лексемы до сих пор остаются известными всем и даже бессмертными благодаря произведениям литературы. Батареи, редуты, флешы являются необходимыми атрибутами войн XIX века и воплощением войны в целом. Однако будучи оборонительными укреплениями, защищающими солдат и мирное население от страшных последствий войны, в интерпретации Л. Н. Толстого они всё же несут идею «мира» и «добра».

3.2.3. Наименования предметов военного обмундирования

Франция, страна-законодательница мировой моды, является родиной многих наименований предметов гардероба также и в словарном составе русского языка – *вуаль, жабо, жилет, казакин, кашне, манто, пальто* и др. Процесс заимствования названий одежды коснулся не только светской, но и военной сферы жизнедеятельности русского общества. Известно множество примеров батальной лексики французского происхождения, называющей предметы военной формы и её частей, обмундирования, обуви – *басон, ботфорты, кокарда, колет, лампас, плюмаж, португез, шинель, эполеты, этишкет* и др. Значительное количество этих слов уже в первой половине XIX в. было усвоено русским языком и в ряде случаев стало частью его общеупотребительной лексики [Волотов 2012:239-243]. Этот процесс усвоения лексики военной амуниции наглядно изображён в романе

Л. Н. Толстого «Война и мир», в котором описаны события времени совершенствования военной формы одежды. Из приведённого выше списка лексем в романе «Война и мир» отмечены слова *ботфорты, каска, колет, мундир, плюмаж, эполеты, шинель*, из которых наиболее частотным является лексема *шинель*.

Русским языком слово *шинель* (из франц. *chenille* ‘мужской утренний костюм’ [Фасмер 4:439]) было заимствовано из французского языка, но со временем семантика лексемы трансформировалась. В настоящее время одно из двух значений слова *шинель*, приведённое в БАС, устарело – «верхнее мужское платье с широким, до талии, воротником в виде пелерины, носившееся в XIX в.» [БАС 17:1398]. Второе же значение оказалось более привычным, актуальным и по сей день: «форменное пальто особого покроя, со складкой на спине и хлястиком (у военных, учащихся, некоторых категорий служащих, чиновников и т. п.)» [БАС 17:1398]. Из словарных дефиниций ясно, что шинель была предметом мужской верхней одежды как повседневной, которую носили обычные люди, так и форменной, для служащих и военных людей. И. А. Гончаров в очерке-воспоминании «На родине» [Гончаров 7:239], А. Ф. Писемский в романе «Боярщина» [Писемский 1:231], А. И. Куприн в повести «Свадьба» [Куприн 5:133] и др. посвятили свои строки данному предмету гардероба, но Н. В. Гоголь в одноимённой повести это слово сделал бессмертным. Герой его повести А. А. Башмачкин, чиновник низшего класса, мечтает о новой шинели с куницей на воротнике, которую могут позволить себе только «значительные лица» из числа чиновников. Фрагменты описания шинели, взятые из авторской речи и диалогов Башмачкина и портного Петровича, характеризуют её как тёплую чиновничью форменную одежду: «*шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах, совсем крепкое, оно немножко запыхилось, и кажется, как будто старое, а оно новое*» [Гоголь: 58]; «*шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу*» [Гоголь: 71]; «*закутавшись весьма роскошно в тёплую шинель*» [Гоголь: 84].

Впоследствии шинель стала исключительно частью военной формы одежды, впервые же она была введена в российской армии на рубеже XVIII-XIX веков [ВЭС: 817]. С этого времени шинели, которые закрепились в гардеробе русских солдат и офицеров, стали шить из серого сукна, они получили хлястик на спине, стягивавший шинель на талии [Карпеева]. Серый цвет шинели был настолько распространён, что словосочетание *серые шинели*, использовавшееся для обозначения собирательного образа солдат, приобрело идиоматический смысл [Ожегов 2006: 447].

В романе «Война и мир» солдаты русской армии также «одеты» Л. Н. Толстым в серые шинели: *Впереди, в дыму, уже были видны ряды серых шинелей, и офицер, увидав Багратиона, с криком побежал за солдатами, шедшими толпой, требуя, чтоб они воротились* [Толстой 1:225]. Многочисленные примеры употребления лексемы в романе позволяют не только выявить во всей полноте её значение, но и определить её семантический валёр в это время. В «Войне и мире» раскрываются коннотативные оттенки значения лексемы. Там солдатская *шинель*, помимо основного предназначения, указанного в словарных дефинициях, оказалась многофункциональна. Солдаты в случае необходимости могли использовать её в качестве одеяла: *Когда доктор ушёл, уведя свою жену, и поместился с нею в кибиточку, офицеры улеглись в корчме, укрывшись мокрыми шинелями; но долго не спали, то переговариваясь, вспоминая испуг доктора и веселье докторши, то выбегая на крыльцо и сообщая о том, что делалось в кибиточке»* [Толстой 2:63-64], подкладки для сидения во время привала: *Посадите, посадите, – сказал Тушин. – Подложи шинель, ты, дядя, – обратился он к своему любимому солдату. – А где офицер раненый? – Сложили, кончился, – ответил кто-то. – Посадите. Садитесь, милый, садитесь. Подстели шинель, Антонов* [Толстой 1:239] или носилок для транспортировки раненых или убитых: *За этим солдатом четыре солдата, неся что-то тяжёлое на шинели, прошли мимо костра. Один из них споткнулся* [Толстой 1:242].

Поскольку солдатская шинель являлась неотъемлемым атрибутом обмундирования во время любых походов и манёвров армии, она изготавливалась

из плотной суконной ткани: *Аудитор, полный мужчина с полным лицом, с наивною улыбкой радости оглядывался вокруг, трясясь на своей лошади, представляя странный вид в своей камлотовой шинели на фуриштатском седле среди гусар, казаков и адъютантов* [Толстой 1:221]; *Солдаты шинярили беспрестанно взад и вперёд мимо пожара, и Алпатыч видел, как два солдата и с ними какой-то человек во фризовой шинели тащили из пожара через улицу на соседний двор горевшие брёвна; другие несли охапки сена* [Толстой 2:121]. Камлот и фриз – сорта грубой шерстяной ткани, иногда с примесью шёлка и бумаги, которые использовались для изготовления мужской верхней одежды [БЭС: 321,786; Ушаков: 486; Ефремова: 761]. Шинели из такого материала защищали солдат от холода и непогоды – дождя и ветра. *Форменная одежда главнокомандующего русской армии несколько отличалась от формы солдат: При приближении главнокомандующего говор замолк, и все глаза уставились на Кутузова, который в своей белой с красным околышем шапке и ватной шинели, горбом сидевшей на его сутуловатых плечах, медленно подвигался по дороге* [Толстой 2:581]. Очевидно, что шинель фельдмаршала Кутузова была не просто шерстяной, как у всех солдат, а ватной, более тёплой, вероятно, сшитой индивидуально для главнокомандующего, поскольку он не принимал непосредственного участия в сражениях.

В первой половине XIX века шинели стали форменной одеждой для ведения боевых действий зимой не только в русской армии, но и в других европейских армиях, в том числе и французской. Французская шинель образца 1812 года, как и шинель русских солдат, изготавливалась из фабричного сукна, но дифференцирующим признаком, необходимым для различения «своих» и «чужих» во время сражения, был цвет одежды. В отличие от русских солдат французы носили синие шинели: *Он смотрел на армянское семейство и двух французских солдат, подошедших к армянам. Один из этих солдат, маленький вертлявый человечек, был одет в синюю шинель, подпоясанную верёвкой. На голове его был колпак, и ноги были босые* [Толстой 2:393]; *Немного сзади, на худой, тонкой киргизской лошадёнке с огромным хвостом и гривой и с*

продранными в кровь губами, ехал молодой офицер в синей французской шинели [Толстой 2:522]. Синий цвет шинели ассоциировался исключительно с воинами французской армии, даже главнокомандующий и маршалы носили форму того же цвета: *Наполеон стоял несколько впереди своих маршалов на маленькой серой арабской лошади, в синей шинели, в той самой, в которой он делал итальянскую кампанию* [Толстой 1:334]. Примечательно, что до кампании 1812 года французские шинели были бежевых и тёмно-коричневых расцветок. В январе 1812 году утверждённый Наполеоном регламент по обмундированию и экипировке войск предписывал серый цвет шинелей для линейных полков, а тёмно-синий – для гвардии, но лишь немногие полки французской армии успели получить новую форму накануне похода в Россию, тем самым были вынуждены использовать серую форму старого образца. Из-за нехватки шинелей солдаты французской армии шили их собственноручно или надевали обмундирование солдат побеждённых армий, поэтому нередко шинели были серо-коричневых оттенков и не соответствовали регламентированным цветам [Горшков; Армия Наполеона 1812].

О высокой степени ассимиляции лексемы *шинель* в русской речи свидетельствуют варианты лексемы с уменьшительно-ласкательным суффиксом -к- *шинелька*: *Во время проезда маршала пленные сбились в кучу, и Пьер увидел Каратаева, которого он не видал еще в нынешнее утро. Каратаев в своей шинельке сидел, прислонившись к берёзе* [Толстой 2:552]. Л. Н. Толстой использует лексему *шинель* и как троп для обозначения толпы солдат: *Такая же толпа людей, как на дешёвых товарах, наполняла Гостиный двор во всех его ходах и переходах. Но не было ласково-приторных, заманивающих голосов гостинодворцев, не было разносчиков и пёстрой женской толпы покупателей – одни были мундиры и шинели солдат без ружей, молчаливо с ношами выходявших и без ноши входивших в ряды* [Толстой 2:329].

Редкими по употреблению в романе «Война и мир» являются галлицизмы *ботфорты, колет, плюмаж, эпoletы*. Ботфорты (от фр. *bottes fortes*) являлись форменной военной, чаще всего кавалерийской, обувью с высоким жёстким

голенищем. В день подписания мира в Тильзите Николай Ростов привозит письмо одному русскому офицеру в дом, где живёт император Александр I: *Невысокий полный человек лет тридцати, в белых панталонах, **ботфортах** и в одной, видно только что надетой, батистовой рубашке, стоял в этой комнате; камердинер застегивал ему сзади шитые шелком прекрасные новые помочи, которые почему-то заметил Ростов* [Толстой 1:503]. Ботфорты носили также и солдаты французской армии: *Он смотрел на двух французских солдат... Один из этих солдат, маленький вертлявый человечек, был одет в синюю шинель, подпоясанную веревкой. На голове его был колпак, и ноги были босые. Другой... был одет в фризовый капот, в синие штаны и большие рваные **ботфорты*** [Толстой 2:393]. Ботфорты являлись предметом одежды высокопоставленных лиц государства (известно пристрастие Петра I к ботфортам), их носили императоры обеих стран того времени – Александр I и Наполеон: *Государь в Преображенском мундире, в белых лосинах и высоких **ботфортах**, с звездой, которую не знал Ростов (это была *légion d'honneur*) [звезда почетного легиона] вышел на крыльцо, держа шляпу под рукой и надевая перчатку* [Толстой 1:505]; *это был Наполеон. Он только что окончил свой туалет для верховой езды. Он был в синем мундире, раскрытом над белым жилетом, спускавшимся на круглый живот, в белых лосинах, обтягивающих жирные ляжки коротких ног, и в **ботфортах*** [Толстой 2:26]. В настоящее время слово *ботфорты* утратило свою первоначальную семантику – периферийное значение «обувь с высоким голенищем» вышло на первый план, и сегодня ботфортами чаще называют модные женские сапоги на каблучке с высоким голенищем.

Колетом (от франц. *collet* – воротник) называли короткий из белого сукна мундир кирасира, застёгивающийся на крючки [ВЭС: 340]. Колет носили кавалерийские офицеры русской и других европейских армий, но в романе упоминается только великий князь, его носивший: *Великий князь, наследник цесаревич, не могший забыть своего аустерлицкого разочарования, где он, как на смотр, выехал перед гвардией в каске и **колете**, рассчитывая молодецки раздавить французов, и, попав неожиданно в первую линию, насилу ушел в общем*

смятении [Толстой 2:45-46]. В настоящее время лексема вышла из употребления и является историзмом.

Плюмаж (от франц. *plumage* – перья) – украшение из перьев на головном уборе и конской сбруе (теперь преимущественно в некоторых иностранных армиях) [МАС 3:147]. Во времена войны с Наполеоном плюмаж был украшением головных уборов многих европейских армий, часто разных цветов: *Анатоль сидел прямо, в классической позе военных щеголей, закутав низ лица бобровым воротником и немного пригнув голову. Лицо его было румяно и свежо, шляпа с белым **плюмажем** была надета на бок, открывая завитые, напوماженные и осыпанные мелким снегом волосы* [Толстой 1:720]; *К Кутузову подскочил австрийский офицер с зелёным **плюмажем** на шляпе, в белом мундире, и спросил от имени императора: выступила ли в дело четвертая колонна* [Толстой 1:336]. Впоследствии, став элементом украшения женского наряда, плюмаж как атрибут военной формы одежды русской армии сейчас не используется.

Приведём пример словарной статьи на слово *эполет* из МАС: ЭПОЛЕТЫ, -лет и -летов, мн. (ед. *эполета*, -ы, ж. и *эполет*, -а, м). Парадные погоны офицеров, генералов и адмиралов, украшенные позументами, бахромой в т.п., в дореволюционной русской и некоторых иностранных армиях [франц. *épaulette*] [МАС 4:765]. В русской армии до 1807 года эполеты носились только на левом плече, а затем были введены на оба плеча вместо погон для всех офицеров [ВЭС: 835]. Известно, что цвет эполет офицеров французской армии был красным: *Толпа состояла из малого числа русских и большого числа наполеоновских войск вне строя: немцев, итальянцев и французов в разнородных мундирах. Справа и слева столба стояли фронты французских войск в синих мундирах с красными **эполетами**, в штиблетах и киверах* [Толстой 2:435]. Эполеты, являющиеся атрибутом военной парадной формы одежды, расшивались золотыми и серебряными нитями: *Полковой командир был пожилой, сангвинический, с седящими бровями и бакенбардами генерал... На нем был новый, с иголки, со слежавшимися складками мундир и густые золотые **эполеты**, которые как будто не книзу, а кверху поднимали его тучные плечи* [Толстой 1:140]; *Ярко*

горели восковые свечи, блестели серебро и хрусталь посуды, наряды дам и золото и серебро эполет; вокруг стола сновали слуги в красных кафтанах; слышались звуки ножей, стаканов, тарелок и звуки оживленного говора нескольких разговоров вокруг этого стола [Толстой 1:257]. В настоящее время слово *эполет*, так же, как и ботфорты, утратило свою первоначальную семантику, в современном толковании эполеты являются наплечным элементом украшения женских платьев [журнал Glamour; Амурчанка.рф].

Толстовский подход к выявлению семантики и особенностей функционирования номинаций предметов военной формы одежды в полной мере отразил высокую степень ассимиляции этих заимствованных терминов уже в первой половине XIX века и ряд их своеобразных черт плана содержания, характерных для той исторической эпохи. Они помогли ему в пластических образах полнее отразить тему войны, косвенно способствуя выражению его пацифистских позиций.

ВЫВОДЫ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

В тексте романа «Война и мир» батальная лексика французского происхождения многочисленна по составу и многообразна тематически. Она представляет собой лексику, отражающую организацию вооружённых сил, а также термины для обозначения различных реалий и атрибутов военных действий, к которым относятся орудия и оружие, военные укрепления, предметы одежды и обмундирования.

В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» неагентивная лексика французского происхождения достаточно частотна, особенно элементы следующих тематических групп – наименования родов войск, наименования войска и его подразделений, номинации отдельных частей войска, выполняющих определённую боевую задачу. Наиболее частотными являются лексемы *армия*, *артиллерия*, *батарея*, *дивизия*, *кавалерия*, *фланг*, *шинель*.

Многие заимствованные слова военной тематики несмотря на свою узко специальную сферу употребления гармонично включаются не только в нарратив произведения, описания военных сцен, но и звучат в речи героев романа, как военнослужащих русской армии, так и представителей светского общества и обычных людей, что свидетельствует о длительном функционировании этих иноязычных элементов в языке. Со времени появления в эпоху Петра I к первой половине XIX века заимствованная батальная лексика в основном оказывается ассимилированной системой русского языка. Ряд лексем находятся на этапе фонетико-морфологического приспособления (адаптации), о чём свидетельствуют наличие вариантов и неустойчивость формы: *арьергард* / *ариергард*, *батальон* / *баталион*, *флеш* / *флешей*, *redoute* (жен. род) → *редут* (муж. род), *bottes fortes* → *ботфорты* (заимствование путём сложения).

Наличие вариантов форм родительного падежа множественного числа лексемы *флеш* объясняется колебанием рода при приспособлении лексемы к системе русского языка. Во французском языке термин *flèche*, как и большинство других лексем, обозначающих военные укрепления, – *approche*, *lunette*, *carponnière*, *redoute*, *escarpe* – относятся к группе имён существительных женского

рода, тогда как в русском языке мы сталкиваемся с фактом морфологического приспособления – заимствования меняют женский род на мужской – *апрош, люнет, капонир, редут, эскарп*. Вероятно, под влиянием этого процесса у слова *флеш* и происходит колебание рода, но вариант написания слова с мягким знаком на конце в литературе первой половины XIX века всё же преобладает и закрепляется в словарях русского языка более позднего периода.

При сравнении дефиниций в толковых словарях французского и русского языков семантика анализируемых заимствованных слов в языке-доноре и в языке-реципиенте в большинстве случаев совпадает, так как для достижения успешного результата в бою необходима точность в обозначении военных реалий. Для терминов, отражающих организацию вооружённых сил в разных странах, требуется строгое соответствие наименований, поскольку Россия, как и любое цивилизованное государство, включалась в единую для всех систему военных понятий и нередко входила в различные военные союзы с другими странами.

Обычно ограниченная словарной дефиницией семантика анализируемых слов раскрывается и детализируется в контексте романа «Война и мир», где автор выявляет как ядерные, так и дополнительные, периферийные оттенки значений этих лексем, их многозначность. Так, артиллерией в романе называются как артиллерийские орудия, так и род войск с таким вооружением.

Лексема *батарея* в романе «Война и мир» употребляется в двух значениях. Если первое значение – «артиллерийское подразделение, имеющее в своём составе несколько орудий» – заимствовано вместе с понятием из французского языка, то второе, производное значение образуется от первого, являющегося исходным, на основе метонимии, переноса по смежности – «укрепление, место, где устанавливаются артиллерийские орудия».

Многочисленные примеры употребления лексемы *шинель* в романе позволяют не только выявить во всей полноте её значение, но и определить её семантический валёр в это время. В «Войне и мире» солдатская шинель, помимо основного предназначения, указанного в словарных дефинициях, оказалась многофункциональна – солдаты в случае необходимости использовали её в

качестве одеяла, подкладки для сидения во время привала или носилок для транспортировки раненых или убитых. В составе одной общей семы в слове выявляются дополнительные значения, впервые в русской языковой практике подмеченные Л. Н. Толстым. Нужно отметить, что именно текст произведения позволяет наглядно увидеть дихотомию язык – речь в отношении анализируемых нами единиц, ведь в речи так или иначе преодолевается терминологическая узость (моносемия) значения батальной лексики и слово представляется во всём богатстве своих значений и оттенков значений, почерпнутых из текста.

Неагентивные заимствования являются важными для описания батальных сцен в «Войне и мире». Лексемы *редут* и *флешь*, превратившиеся со временем в историзмы, остаются широко известными и в настоящее время благодаря тексту романа-эпопеи. Многочисленные по употребительности словосочетания с такими лексемами – *батарея Раевского*, *Шевардинский редут*, *Багратионовы флешы* – давно стали идиоматическими и по сей день олицетворяют доблесть и отвагу русской армии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предметом рассмотрения в данном диссертационном исследовании является субстанциональная система батальных заимствованных наименований французского происхождения в русском литературном языке первой половины XIX века, достаточно гомогенная и внутренне упорядоченная. В результате процесса усвоения, более или менее продолжительного, эти галлицизмы стали фактом русского литературного языка, что нами и установлено, образуя прочные парадигматические связи с кореферентными им русскими или же заимствованными из других европейских языков терминами или без них в виде лексико-семантических рядов с близкозначными единицами (*редут – флешь – батарея; авангард – аванпост – арьергард; гренадер – драгун – кавалергард*), или же групп с партитативными или родо-видовыми отношениями (*армия – батальон – бригада – дивизион – дивизия – эскадрон; артиллерия – кавалерия*), словообразовательных цепочек или же достаточно разветвлённых словообразовательных гнёзд (*атака – атаковать – атакующий – атакованный – атаковавший; кавалерия – кавалергард, кавалергардовый, кавалергардский, кавалерист, кавалерийский; мундир – обмундирование, обмундировать, обмундироваться, обмундировка; фланг – фланговый, фланкёр, фланкёрский*).

Корпус анализируемых в диссертации лексем, построенный на основе инвентаря батальных галлицизмов в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир», составляет подавляющую часть всех военных терминов французского происхождения, реально употреблявшихся в пространственно-временном континууме русского языка первой половины XIX века. Композиционное развёртывание многопланового произведения Л. Н. Толстого позволило конкретно представить скрещивание типологически разных, хотя и связанных планов рассматриваемых лексических единиц: плана обеспечения номинации (терминологическая батальная лексика французского происхождения как факт языка) и плана обеспечения коммуникации (многослойность семантической структуры рассматриваемой лексики не только в виде эволюционных изменений, но и в результате речевых приобретений при функционировании в синхронии)

[Бенвенист; Павленко 1999; Стернин; Шмелёв 1973; Якубинский; Beaugrande]. Здесь ингерентная, сущностная, тематическая номинация изучаемых заимствований соединяется с сигнификативной, смысловой, и обе они взаимно дополняют друг друга [Апресян; Васильев 1990; Колшанский; Актаян; Ullmann].

Период конца XVIII – первой половины XIX веков, когда формируется лексическая, морфологическая и синтаксическая системы современного русского литературного языка, является одним из наиболее изучаемых в истории русского литературного языка, однако весомое количество заимствованной батальной лексики французского происхождения этого периода, внёсшего заметный акцент в динамику развития складывающегося русского литературного языка, ещё не было предметом специального монографического описания.

В двуязычном романе Л. Н. Толстого «Война и мир», построенном на исторических фактах с использованием галереи реальных персонажей того времени, в том числе с детальным и реалистическим освещением военных действий, заимствования из французского языка представляются в перспективе их усвоения русским языком-реципиентом. В нём присутствуют как уже усвоенные элементы, так и языковые единицы, находящиеся на стадии адаптации и ассимиляции в языке, что и было в области терминов-существительных подвергнуто нами скрупулёзному синхронно-диахронному исследованию.

Усвоенная французская батальная лексика, как агентивная, так и предметная, в процессе заимствования прошла следующие этапы усвоения:

а. Фонетико-графическая адаптация. Наиболее распространённой графической особенностью у заимствований является отсутствие при написании на кириллице непроизносимых звуков во французских словах. Например, отсутствие звука [т] (буквы *-t-* на письме) в словах *авангард* (от *avant-garde*), *аванпост* (от *avant-poste*). Из фонетических процессов на этапе усвоения характерны эпентеза (вставка звука [и] в слове *арьергард* от *arrière-garde*), диэрза (*маршал* от *maréchal*, *капрал* от *caporal*) и метатеза (*лейтенант* вместо *льетенант* от *lieutenant*).

Некоторые лексемы в процессе адаптации испытывали различные фонетические преобразования. Например, исходное французское слово *dragon* ввиду посредства польского языка в русском варианте на конце слова приобрело -ун. Появление звука [у] вместо исходного французского [о носовой] обязано посредству польского языка, через который шло заимствование и где в слове *dragon* в последнем закрытом слоге звук [о] произносится как закрытый лабиализованный звук. Заимствованная в русский язык от французского слова *capitaine d'armes* лексема, претерпевая ряд фонетических изменений (*капитан дес армес* -> *каптенармус*) получает окончательную форму *каптенармус*.

б. Морфологическая адаптация заимствованной лексемы оказалась самым распространённым способом приспособления. Нередко иноязычные флексии заменяются русскими окончаниями (*армия* – *armée*, *атака* – *attaque*, *баталия* – *bataille*, *бригада* – *brigade*, *канонада* – *cannonade*, *мортира* – *mortier*). При заимствовании некоторые лексемы в русском языке меняют своё родовое значение (*авангард*, *арьергард*, *дивизион*, *марш*, *мортира*, *редут*, *флешь/флеш*).

Так, например, наличие вариантов форм родительного падежа множественного числа лексемы *флешь* объясняется колебанием рода при приспособлении лексемы к системе русского языка. Во французском языке термин *flèche*, как и большинство других лексем, обозначающих военные укрепления, – *approche*, *lunette*, *caponnière*, *redoute*, *escarpe* – относятся к группе имён существительных женского рода, тогда как в русском языке мы сталкиваемся с фактом морфологического приспособления – заимствования меняют женский род на мужской – *апрош*, *люнет*, *капонир*, *редут*, *эскарп*. Вероятно, под влиянием этого процесса у слова *флешь* и происходит колебание рода, но вариант написания слова с мягким знаком на конце в литературе первой половины XIX века преобладает и закрепляется в словарях русского языка более позднего периода.

Анализ употреблений наименования *генерал* в «Войне и мире» подтверждает факт, что слово *генерал* использовалось в русском языке не только для обозначения «полных» генералов – *генерал от инфантерии*, *генерал от*

кавалерии, генерал-фельдцейхмейстер (генерал артиллерии), *генерал-фельдмаршал, генерал-аншеф*. Помимо употреблений слова в качестве самостоятельной лексемы она использовалась как несклоняемый компонент в сложных словах *генерал-адъютант, генерал-провиантмейстер, генерал-вагенмейстер, генерал-губернатор, генерал-аудитор* и др. Несклоняемая часть сложного слова могла выполнять функцию определения, значение которой объясняется прилагательным *главный* (от лат. *generalis* – общий, главный), что подтверждается следующими употреблениями в «Войне и мире» – *генерал-адъютанта, генерал-адъютантов, генерал-губернатором, генерал-губернатору* и т.д. Напротив, в сложениях, обозначающих генералов 1-го и 2-го класса Табели о рангах, часть *генерал-* служит для обозначения военного чина, и подчиняется общему правилу склонения имён существительных в русском языке.

в. Факт семантического приспособления (ассимиляция) заимствований в романе выражен менее ярко, чем другие типы усвоения, поскольку объём значений и семантика батальных лексем в момент заимствования достаточно точно коррелирует в обоих языках в силу терминологического характера заимствования. Однако материал романа показывает, что сужение значения и специализация употребления на почве русского языка французских батальных терминов, например, таких, как *аванпост, батарея, бригада, капитан, маршал, флеш* и др., налицо. На более поздних синхронных срезах русского языка видно, что некоторые элементы терминосистем военной тематики приобретают дополнительные коннотативные значения (*гренадер* в значении «высокий человек», *маршал* и *генерал* в словосочетании *свадебный генерал* в значении «распорядитель свадьбы, церемонии», *бригада* в значении «группа людей, объединённых по какому-либо признаку», *ботфорты* в значении «высокие женские сапоги» и др.) и по своей семантике переходят в разряд общеупотребительной лексики.

Так, лексема *батарея* в романе «Война и мир» употребляется в двух значениях. Если первое значение – «артиллерийское подразделение, имеющее в своём составе несколько орудий» – заимствовано вместе с понятием из

французского языка, то второе, производное значение образуется от первого, являющегося исходным, на основе метонимии, переноса по смежности – «укрепление, место, где устанавливаются артиллерийские орудия».

Многочисленные примеры употребления лексемы *шинель* в романе позволяют не только выявить во всей полноте её значение, но и определить её семантический валёр в это время. В «Войне и мире» солдатская шинель, помимо основного предназначения, указанного в словарных дефинициях, оказалась многофункциональна – солдаты в случае необходимости использовали её в качестве одеяла, подкладки для сидения во время привала или носилок для транспортировки раненых или убитых. В составе одной общей семы в слове выявляются дополнительные значения, впервые в русской языковой практике подмеченные Л. Н. Толстым.

Не полностью усвоенные заимствования военной тематики, судя по материалу произведения Л. Н. Толстого, находятся на стадиях адаптации и ассимиляции. У подобной лексики на этапах фонетического, морфолого-синтаксического и семантико-функционального приспособления обнаруживается наличие вариантов, указывающее на неустойчивость формы слова: *арьергард* / *ариергард*, *батальон* / *баталион*, *генерала анишефа* / *генерал-анишефа*, *ряды французских драгун* / *капитан драгунов*, *набор рекрут* / *партия рекрутов*, *мушкетёр* / *мушкатер*, *фланкер* / *фланкёр*, *флеш* / *флешь* и др.

Однако два слова в романе «Война и мир» находятся на начальном этапе адаптации русским языком. Употребляя нетранслитерированную лексему *tête de pont*, Толстой даёт в тексте пояснение для малознамого слова, обозначающего мостовое укрепление: *Господа, – говорит один, – вы знаете, что Таборский мост минирован и контраминирован и что перед ним грозный tête de pont [мостовое укрепление] и пятнадцать тысяч войска, которому велено взорвать мост и нас не пускать* [Толстой 1:199-200]. На этапе вхождения в русский язык находится и заимствованное слово *кор д'арме*. В отличие от лексемы *tête de pont* оно употреблено в транслитерированном виде, однако сохраняет графическую форму французской лексемы-донора, о чём свидетельствует текст «Войны и мира»: *Я*

ранен, верхом ездить не могу, следственно и командовать армией. Вы кор д'арме ваш привели разбитый в Пултуск: тут оно открыто, и без дров, и без фуража, потому пособить надо, и я так как вчера сами отнесли к графу Буксгевдену, думать должно о ретираде к нашей границе, что и выполнить сегодня [Толстой 1:457]. Лексема, обозначающая часть войска, не закрепила в словарном составе русского языка, поэтому в настоящее время в современном русском языке не употребляется, даже в качестве историзма.

Несмотря на тот факт, что некоторые слова в первой половине XIX века не были полностью усвоены русским языком и впоследствии вышли из употребления, многие из них перешли в пассивный словарный запас современного русского языка. Так, например, лексемы *редут* и *флешь*, превратившиеся со временем в историзмы, остаются широко известными и в настоящее время благодаря тексту романа-эпопеи. Многочисленные по употребительности словосочетания с такими лексемами – *батарея Раевского*, *Шевардинский редут*, *Багратионовы флешии* – давно стали идиоматическими и по сей день олицетворяют доблесть и отвагу русской армии. Такие слова, как *гренадер*, *драгун*, *кавалергард*, *корнет*, *мундир*, *мушкетер*, *плюмаж*, *эполеты*, *эскадрон*, до сих пор известны носителям русского языка благодаря книгам, кино, телевидению.

Перспективы работы заключаются в детальном изучении батальной лексики французского происхождения XIX века на материале всех произведений Л. Н. Толстого, описывающих события XIX века (в том числе произведения из цикла «Севастопольские рассказы», роман «Декабристы», повести «Два гусара», «Как умирают русские солдаты», «Казачи» и др.). Предполагается расширить список источников для исследования батальной лексики французского происхождения XIX века, дополнив его произведениями русской художественной литературы других авторов, а также подлинными документами, воспоминаниями и мемуарами современников той эпохи. Такой подход позволит углубить представление о русско-французских контактах периода XVIII-XIX вв. и даст

возможность более точно определить роль заимствованной лексики французского происхождения в становлении современного русского литературного языка.

В продолжение представленного исследования запланирован «Словарь батальной лексики французского происхождения в русском языке XIX века», включающий весь корпус заимствованной из французского языка военной лексики в русском языке XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова, Н. С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени [Текст] / Н. С. Авилова. – М. : Наука, 1967. – 246 с.
2. Алексеев, А. А. Эволюция языковой теории и языковая практика Третьяковского [Текст] / А. А. Алексеев // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. – Л. : Наука, 1982. – С. 86–128.
3. Алимпиева, Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: На материале прилагательных-цветообозначений русского языка [Текст] / Р. В. Алимпиева. – Л. : ЛГУ: 1986. – 184 с.
4. Апостолов, Н. Н. Лев Толстой над страницами истории [Текст] / Н. Н. Апостолов. – М. : Комиссия по ознаменованию 100-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, 1928. – 294 с.
5. Апресян, Ю. Д. Избранные труды [Текст] : в 2 т. Т.1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1974. – 367 с.
6. Арапова, Н. С. Варваризмы как этап освоения иноязычного слова [Текст] / Н. С. Арапова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1989. – № 4. – С. 9–15.
7. Аристова, В. М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке) [Текст] / В. М. Аристова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 150 с.
8. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.
9. Бабай, Н. Г. Проблема иноязычных заимствований в общественных дискуссиях о языке [Текст] / Н. Г. Бабай // Литературная норма в лексике и фразеологии. – М. : Наука, 1983. – С. 88–104.
10. Батова, Е. Н. мода на французское в купеческой среде середины XIX в. (на материале ранних пьес А. Н. Островского) [Текст] / Н. С. Ганцовская, Е. Н. Батова // Щелыковские чтения 2005; А. Н. Островский: личность, мыслитель, драматург, мастер слова : сб. ст. – Кострома : Авантитул, 2006. – С. 294–302.

11. Бахвалова, Т. В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности [Текст] / Т. В. Бахвалова. – Орёл : Орл. гос. пед. ун-т, 1996. – 240 с.
12. Баш, Л. М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты [Текст] / Л. М. Баш // Вестн. Моск. ун-та. – 1989. – Сер. 9. Филология. – № 4. – С. 22–34.
13. Беликова, И. Ф. Морфологические преобразования в языке как результат заимствования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 [Текст] / И. Ф. Беликова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 25 с.
14. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
15. Берназ, А. Техническое оснащение русской артиллерии начала XIX в. / А. Берназ // Интернет-проект «1812 год» – [Электронный ресурс] – Дата доступа: 03.04.2012. Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/Army/RussArtillery/part1.html>.
16. Библер, В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура [Текст] / В. С. Библер. – М. : Прогресс, 1991. – 176 с.
17. Биржакова, Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования [Текст] / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. – Л. : Наука, 1972. – 431 с.
18. Блумфилд, Л. Язык [Текст] / Л. Блумфилд – М. : Прогресс, 1968. – 606 с.
19. Блюм, М. М. Охотничье ружье [Текст] / М. М. Блюм, И. Б. Шишкин. – М. : Лесная промышленность, 1983. – 215 с.
20. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики [Текст] / В. А. Богородицкий. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1935. – 351 с.
21. Бодуэн де Куртенэ, И. А. О смешанном характере всех языков [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 342–366.

22. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня [Текст] / Н. С. Болотнова. – Томск : Томский гос. ун-т, 1992. – 312 с.
23. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке (18–20 вв.) : учеб. пособие. – 3-е изд. [Текст] / Р. А. Будагов. – М. : Добросвет-2000, 2003. – 543 с.
24. Будде, Е. Ф. Очерк истории современного литературного русского языка XVII–XIX вв. [Текст] / Е. Ф. Будде – М. : КомКнига, 2005. – 144 с.
25. Будилович, А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии слов. Ч. 1–2. [Текст] / А. С. Будилович. – М. : Книга по Требованию, 2011–2012.
26. Булаховский, Л. А. Исторический комментарий к литературному русскому языку [Текст] / Л. А. Булаховский. – Харьков; Киев : Учпедгиз, 1937. – 324 с.
27. Булаховский, Л. А. Курс русского литературного языка [Текст] : в 2 т. Т. 1 / Л. А. Булаховский. – Киев : Учпедгиз, 1952. – 446 с.
28. Булаховский, Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века [Текст] / Л. А. Булаховский. – М. : Учпедгиз, 1954. – 468 с.
29. Булич, С. К. Заимствованные слова и их значение для развития языка. Т. 15. [Текст] / С. К. Булич // Рус. энциклопед. вестн. – Варшава, 1886.
30. Валишевский, К. Ф. Екатерина Великая (Роман императрицы): историч. очерк. Т. 2. [Текст] / К. Ф. Валишевский. – СПб. : Лениздат, 2005. – 382 с.
31. Василевская, И. А. К вопросу о формальной дублетности иноязычной лексики в заимствующем языке [Текст] / И. А. Василевская // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). – М. : Наука, 1966. – С. 285–310.
32. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов [Текст] / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1990. – 175 с.
33. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте [Текст] / А. Вежбицкая // Новое в заруб. лингв. Вып. 8: Лингвистика текста. – М. : 1978. – С. 402–421.

34. Вендина, Т. И. Введение в языкознание [Текст] / Т. И. Вендина. – М. : Высш. шк., 2001. – 288 с.
35. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография : избр. труды [Текст] : в 7 т. Т. 3 / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
36. Виноградов, В. В. История русского литературного языка : избр. труды [Текст] : в 7 т. Т. 4 / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – 320 с.
37. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. [Текст] : учебник. – 3-е изд. / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1982. – 528 с.
38. Володарская, Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов [Текст] / Э. Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96–118.
39. Волотов, Д. А. История русской батальной лексики французского происхождения (агентивная лексика на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир») [Текст] / Д.А. Волотов // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник статей по материалам международной научной конференции, посвящённой 1000-летию города Ярославля. В 2 ч. – Ч. 2. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 209–214.
40. Волотов, Д. А. Толкование В. Далем батальных галлицизмов: амплитуда значений агентива *драгун* в русском языке начала XIX в. [Текст] / Д.А. Волотов // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – воспитание: материалы V Всерос. науч. конф., Иваново, 14 апреля 2011 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. – С. 73–78.
41. Волотов, Д. А. Лингвокультурологическое описание войны в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (агентивная лексика: образ Наполеона) [Текст] / Д.А. Волотов // Диалог культур – культура диалога: материалы X юбилейной междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 5-10 сентября 2011 г. / под ред. Л.Н. Ваулиной. – Кострома; Дармштадт; Минск; Могилёв; Познань; Ванадзор : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – С. 80–82.

42. Волотов, Д. А. Заимствованная батальная лексика французского происхождения в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: идеи войны и мира [Текст] / Д.А. Волотов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 1. – С. 238–241.

43. Волотов, Д. А. История батальной лексики французского происхождения: Названия военных укреплений (на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир») [Текст] / Д.А. Волотов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 4. – С. 79–82.

44. Волотов, Д. А. Батальная лексика французского происхождения первой половины XIX века как результат русско-французских культурно-политических отношений [Текст] / Д.А. Волотов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 5. – С. 63–66.

45. Волотов, Д. А. К истории французских названий предметов воинского обмундирования (на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир») [Текст] / Д.А. Волотов // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л.Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации: материалы XXXIII Междунар. Толстовских чтений. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та Л.Н. Толстого, 2012. – С. 239–243.

46. Волотов, Д. А. Редут и флешы [Текст] / Д.А. Волотов // Русская речь: науч.-популяр. журнал Российской Академии наук. – 2013.– № 5. – С. 119–121.

47. Вяземский, П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. [Текст] / П. А. Вяземский. – М. : Правда, 1988. – 479 с.

48. Габдреева, Н. В. Французская лексика в русском языке : Историко-функциональное исследование [Текст] : дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Н. В. Габдреева. – Казань, 2001. – 409 с.

49. Гак, В. Г. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков) [Текст] / В. Г. Гак. – Изд. 5-е. – М. : URSS, 2010. – 334 с.

50. Гак, В. Г. Язык Пушкина и французский язык [Текст] / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 79–89.

51. Гальди, Л. Слова романского происхождения в русском языке : доклад, представленный венгерской делегацией [Текст] / Л. Гальди. – М. : Изд-во МГУ, 1958. – 81 с.

52. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е, стер. – М. : URSS : КомКнига, 2007. – 137 с.

53. Ганцовская, Н. С. О филологическом прочтении пьес А.Н.Островского: французские заимствования, проблема перевода [Текст] / Н. С. Ганцовская, М. Р. Очкасова // Щелыковские чтения: Творческое наследие и личность А. Н. Островского: бытие во времени : сб. ст. – Кострома : Авантитул, 2004. – С. 121–129.

54. Герд, А. С. Терминологическое значение и типы терминологических значений [Текст] / А. С. Герд // Проблематика определений терминов в словарях разных типов / под ред. С. Г. Бархударова, В. П. Петушкова, Ф. П. Сороколетова. – Л. : Наука, 1976. – С. 101–107.

55. Гимпелевич, В. С. О членимости заимствованных слов в русском языке [Текст] / В. С. Гимпелевич // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова : сб. ст. – М. : Наука, 1975. – С. 192–198.

56. Головин, Б. Н. Термин и слово [Текст] / Б. Н. Головин // Термин и слово: межвуз. сборник / под ред. М. Б. Борисовой. – Горький : ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1980. – С. 3–12.

57. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах [Текст] / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М. : Высш. шк., 1987. – 104 с.

58. Горшков, Н. Униформа линейных пехотных полков французской армии на 1812 год / Н. Горшков // URL: <https://sites.google.com/site/adastramipt/статья1-1/статья-по-истории/xix-век/vnesnij-vid-soldata-18go-linejnogo-polka-francuzskoj-armii-kompanii-1812-goda-avtor-stati-gorskov-nikita> (дата обращения: 8 апр. 2012).

59. Гринёв, С. В. Основы лексикографического описания терминосистем [Текст] : дис. ... док. филол. наук / С.В. Гринёв. – М. 1990. – 436 с.

60. Грот, Я. К. Заимствованные слова: источники заимствования [Текст] : в 5 т. Т. 2: Филологические разыскания: 1852–1892 / Я. К. Грот // Труды Я. К. Грота. – СПб. : 1899. – С. 363–372.

61. Диброва, Е. И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц [Текст] : учебник для вузов : в 2 ч. Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николина и др. ; под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Академия, 2001. – 544 с.

62. Долгушев, В. Г. Академик В. В. Виноградов в вятской ссылке [Текст] / В. Г. Долгушев // Вятские записки. – 1986. – №2. – С. 73–78.

63. Егорова, О. С. Заимствования из английского языка в современной российской газете (лексический аспект) [Текст] / О. С. Егорова, Д. С. Никитин // Язык. Культура. Образование : сб. материалов междунар. науч. конф. «Чтения Ушинского» / науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007. – Вып. 3. – С. 54–65.

64. Епимахова, А. Ю. Заимствование наименований лиц по профессии в когнитивно-коммуникативном аспекте [Текст] / А. Ю. Епимахова // Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию профессора Б. Н. Головина. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2006. – С. 174–176.

65. Жане, Д. К. Взаимодействие русского и французского языков в речи двуязычных персонажей Толстого и Тургенева: (социолингвистический анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. К. Жане. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 22 с.

66. Живов, В. М. Язык и культура XVIII века [Текст] / В. М. Живов. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 591 с.

67. Жук, А. А. Русская проза второй половины XIX века: пособие для учителей [Текст] / А. А. Жук. – М. : Просвещение, 1981. – 254 с.

68. Зайденшнур, Э. Е. «Война и мир» Л. Н. Толстого: создание великой книги. [Текст] / Э. Е. Зайденшнур. – М. : Книга, 1966. – 403 с.

69. Ипполитова, Л. В. Словообразовательная адаптация заимствованной лексики и проблема заимствования морфем (на материале имен существительных с суффиксом *-ёр*) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. В. Ипполитова. – М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2003. – 240 с.

70. Исаченко, А. В. Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов [Текст] / А. В. Исаченко // Вопросы языкознания. – 1958. – № 3. – С. 42–45.

71. Камнев, А. В. Л. Н. Толстой и французский язык [Текст] / А. В. Камнев. – Прага, 1967. – 41 с.

72. Канафиев, Р. Н. Структурно-семантический и лингвокультуро-логический анализ полевой организации лексики (на материале семантического поля ОРУЖИЕ в русском языке) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р. Н. Канафиев. – Иваново, 2005. – 214 с.

73. Канделаки, Т. Л. Семантика и мотивированность терминов [Текст] / Т. Л. Канделаки. – М. : Наука, 1977. – 167 с.

74. Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. 1–2: Древняя Русь. Киевская Русь [Текст] / Н. М. Карамзин. – М. : Моск. рабочий : Слог, 1993. – 366 с.

75. Карпеева А. – История солдатской шинели / А. Карпеева – [Электронный ресурс] – Дата доступа: 08.04.2012. Режим доступа: – <http://votkinsk.net/node/13610>

76. Кепещук, С. Ф. Немецкие лексические заимствования как источник пополнения русского лексикона [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. Ф. Кепещук. – Тюмень, 2001. – 199 с.

77. Кимягарова, Р. С. Типы и виды адаптации заимствованной лексики в русском языке нового времени (XVIII–XX вв) [Текст] / Р. С. Кимягарова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1989. – № 6. – С. 69–78.

78. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 3 : Курс русской истории. Часть III. [Текст] / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1988. – 452 с.

79. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 4 : Курс русской истории. Часть IV. [Текст] / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1989. – 398 с.

80. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 5 : Курс русской истории. Часть V. [Текст] / В. О. Ключевский – М. : Мысль, 1990. – 476 с.
81. Книга о эксерции – Книга о эксерции, церемониях и должностях воинским людям надлежащих : в 3 ч. Ч. 2. – СПб., 1715.
82. Ковалевская, Е. Г. История русского литературного языка [Текст] : учеб. пособие для студентов филол. спец. вузов / Е. Г. Ковалевская. – М. : Просвещение, 1978. – 384 с.
83. Колшанский, Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации [Текст] / Г. В. Колшанский [и др.] // Языковая номинация. Общие вопросы. – М. : Наука, 1977. – С. 99–146.
84. Константинова, Н. Л. Иноязычные заимствования и система языка (на материале англоязычной лексики в финансово-экономической терминологии немецкого языка) [Текст] / Н. Л. Константинова // Филологические науки. – 1999. – № 2. – С. 86 – 92.
85. Кречмер, А. Актуальные вопросы истории русского литературного языка [Текст] / А. Кречмер // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 96–123.
86. Крысин 1965 – Крысин Л. П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» [Текст] / Л. П. Крысин // Развитие лексики современного русского языка. – М. : Наука, 1965. – С. 104–116.
87. Крысин 1968 – Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
88. Крысин 1996 – Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С. 142–161.
89. Крысин 2002 – Крысин, Л. П. Лексическое калькирование и заимствование в русском языке последних десятилетий [Текст] / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 30–34.
90. Крысин, Л. П. Заметки об иноязычных словах [Текст] / Л. П. Крысин // Русская речь. – 2000. – № 6. – С. 38–41.

91. Крысин, Л. П. Ступени морфемной членимости иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова : сб. ст. – М. : Наука, 1975. – С. 131-151.
92. Крысин, Л. П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики [Текст] / Л. П. Крысин // Диахроническая социолингвистика. – М. : Наука, 1993. – С. 118–122.
93. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка [Текст] / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1989. – 216 с.
94. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание : избр. работы : учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов [Текст] / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 222 с.
95. Левин, В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в.: (лексика) [Текст] / В. Д. Левин. – М. : Наука, 1964. – 409 с.
96. Листрова, Ю. Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX века (немецкие вкрапления) [Текст] / Ю. Т. Листрова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 154 с.
97. Лобковская, Л. П. Иноязычные слова в лексической системе языка [Текст] / Л. П. Лобковская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 37. – С. 119–127.
98. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство-СПб., 1998. – С. 14–287.
99. Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 2 : Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века [Текст] / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – 480 с.
100. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века) [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1994. – 399 с.
101. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов [Текст] / Д. С. Лотте. – М. : Наука, 1982. – 149 с.

102. Маймескул, Е. А. Французский язык в художественной прозе Л. Н. Толстого [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. А. Маймескул. – Кишинев, 1982. – 18 с.
103. Майоров, М. П. К вопросу о сущности лексического заимствования [Текст] / М. П. Майоров // Учен. зап. 1-го МГПИИЯ, 1967. – Т. 37. – С. 196, 211–235.
104. Макашин, С. А. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII–XIX вв. [Текст] / С. А. Макашин // Литературное наследство. – М. : Наука, 1937. – Т. 29.– С. 5–82.
105. Мальцева, И. М. Заимствованная лексика интернационального фонда с типизированными формами в русском языке восемнадцатого века (словообразовательный аспект) [Текст] / И. М. Мальцева // Развитие словарного состава русского языка восемнадцатого века (вопросы словообразования). – Л. : Наука, 1990. – С. 58–77.
106. Мартынова, Н. А. Именованье инокультурных реалий (передача имен русскокультурных реалий в англоязычном дискурсе) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. А. Мартынова. – Орел, 2004. – 191 с.
107. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание : учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению и спец. «Филология» [Текст] / Ю. С. Маслов. – М. : Высш. шк., 1997. – 272 с.
108. Микитич, Л. Д. Иноязычная лексика [Текст] / Л. Д. Микитич. – Л. : Просвещение, 1967. – 104 с.
109. Моисеев, А. И. О языковой природе термина [Текст] / А. И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 127-139.
110. Никитин, Д. С. Особенности функционирования новых англицизмов в тексте современной газеты (на материале финансово-экономической терминологии) [Текст] / Д. С. Никитин, О. С. Егорова // Язык. Культура. Образование : сб. материалов междунар. науч. конф. «Чтения Ушинского» / науч.

ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009. – Вып. 5. – С. 15–19.

111. Новиков, Л. А. Художественный текст и его анализ [Текст] / Л. А. Новиков. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 301 с.

112. Огиенко, И. И. Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык [Текст] / И. И. Огиенко. – М. : Кн. дом «Либроком» : УРСС, 2012. – 136с.

113. Ожегов, С. И. О трёх типах толковых словарей современного русского языка [Текст] / С. И. Ожегов // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия для филол. спец. ун-тов / сост. Ф. М. Березин. – М. : Высш. школа, 1981. – 351 с.

114. Орлов, Н. А. История русской армии, 1812–1864 гг. Война за освобождение Германии в 1813 г. [Текст] / Н. А. Орлов. – СПб. : Полигон, 2003. – 719 с.

115. Очерки истории СССР : в 9 т. Т. 7. [Текст] / Н. И. Павленко, Б. Б. Кафенгауз ; под ред. Н. Дружинина. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 868 с.

116. Очкасова, М. Р. Роль французских нетранслитерированных языковых элементов в тексте романа Л. Н. Толстого «Война и мир» [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. Р. Очкасова. – Ярославль, 2002. – 23 с.

117. Павленко, Г. В. Проблема освоения иноязычных заимствований: языковой и речевой аспекты (на материале англицизмов XX века) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Павленко. – Таганрог, 1999. – С. 90–135.

118. Павленко, Н. И. Екатерина Великая [Текст] / Н. И. Павленко. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 496 с.

119. Павленко, Н. И. Пётр Великий [Текст] / Н. И. Павленко. – М. : Мысль, 1990. – 591 с.

120. Павлов, Б. Н. Иноязычные включения в прозе Л. Н. Толстого (на материале трилогии «Детство. Отрочество. Юность.») [Текст] / Б. Н. Павлов // Проблемы языка и стиля Л. Н. Толстого : сб. – Тула : ТГПИ им. Л. Н. Толстого, 1977. – С.118–124.

121. Пауль, Г. Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностран. лит., 1960. – 500 с.
122. Реформатский 1968 – *Реформатский А. А.* Термин как член лексической системы языка [Текст] / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики: сб. статей. – М. : Наука, 1968. – С. 27–36.
123. Реформатский 1974 – *Реформатский А. А.* О некоторых вопросах терминологии [Текст] / А. А. Реформатский // Сб. докл. и сообщ. лингв. о-ва. Вып. 4. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1974. – С. 142–157.
124. Реформатский 2002 – *Реформатский А. А.* Введение в языковедение : Учеб. для студ. филолог. спец. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / А. А. Реформатский. – М. : Аспект-Пресс, 2002. – 536 с.
125. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика [Текст] / В. Ю. Розенцвейг. – Л. : Наука, 1972. – 79 с.
126. Сабуров, А. А. Война и мир Л. Н. Толстого. Проблематика и поэтика [Текст] / А. А. Сабуров. – М. : МГУ, 1959. – 602 с.
127. Сергеева, Е. В. Заимствования 80-90-х годов в социолингвистическом аспекте [Текст] / Е. В. Сергеева // Русская речь. – 1996. – № 5. – С. 42–48.
128. Сидоров, Г. М. К проблеме освоения русским языком лексики немецкого происхождения [Текст] / Г. М. Сидоров // Учен. зап. Куйбышев. гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева. – 1994. – Вып. 66. – С. 57–68.
129. Смирнов, Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху [Текст] / Н. А. Смирнов // Труды по истории русского языка. Т. 2. / под ред. А. И. Соболевского. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 683 с.
130. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания : учеб. пособие для студентов филолог. специальностей пед. ин-тов [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : URSS, 2011. – 270 с.
131. Соболевский, А. И. Русские заимствованные слова [Текст] / А. И. Соболевский. – СПб. : 1891. – 152 с.
132. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён. Сочинения : в 18 кн. Кн. 8. Т. 15-16 [Текст] / С. М. Соловьёв. – М. : Мысль, 1993. – 693 с.

133. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён. Сочинения : в 18 кн. Кн. 9. Т. 17-18 [Текст] / С. М. Соловьёв. – М. : Мысль, 1993. – 720 с.
134. Сорокин, Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90 гг. XIX века [Текст] / Ю. С. Сорокин. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 565 с.
135. Сороколетов, Ф. П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. [Текст] / Ф. П. Сороколетов. – М. : Кн. дом «Либроком», 2009. – 384 с.
136. Стендаль. Итальянские хроники. Жизнь Наполеона : пер. с фр. [Текст] / Стендаль. М. : Изд-во «Правда», 1988. – 528 с.
137. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И. А. Стернин – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1985. – 170 с.
138. Суперанская, А. В. Род заимствованных существительных в современном русском языке [Текст] / А. В. Суперанская // Вопросы культуры речи. – 1965. – Вып. 6. – С. 44–58.
139. Суперанская, А. В. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1968. – 310 с.
140. Суперанская, А. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева . – М. : Рус. яз., 1993. – 243 с.
141. Суперанская, А. В. Общая терминология. Вопросы теории [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Кн. дом «Либроком», 2012. – 248 с.
142. Сухорукова, Ю. С. Динамики семантических процессов заимствования в современном французском языке (свободный и связанный контекст) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Ю. С. Сухорукова. – СПб., 2005. – 193 с.
143. Табель о рангах 1 – Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. – М. : Юрид. Лит., 1986. С. 56–61. [Электронный ресурс] – Дата доступа: 18.08.2012. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tabel.htm>

144. Табель о рангах 2 – Русская государственность. Чины в армии. [Текст] / Ю. А. Трамбицкий [Электронный ресурс] – Дата доступа: 18.08.2012. Режим доступа: <http://gosudarstvo.voskres.ru/army/range-table.htm>
145. Тарле, Е. В. Бородино [Текст] / Е. В. Тарле. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 96 с.
146. Тарле, Е. В. Сочинения : в 12 т. Т. 12 [Текст] / Е. В. Тарле. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 534 с.
147. Тарле, Е. В. 1812 год: избр. произведения [Текст] / Е. В. Тарле. – М. : Пресса, 1994. – 542 с.
148. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. [Текст] / М. Н. Тихомиров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 192 с.
149. Толстой, Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» [Текст] / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 16. – М. : Худож. лит., 1955. – С. 9–52.
150. Труайя, А. Екатерина Великая [Текст] / А. Труайя; пер. с франц. О. Чехович. – М. : Эксмо, 2007. – С. 454–455.
151. Тьер, Л.-А. История консульства и империи во Франции : в 4 т. Т. 2 [Текст] / Л.-А. Тьер ; пер. с франц. Ф. Кони. – Спб. : Тип. К. Н. Жернакова, 1847. – 208 с.
152. Успенский, Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) [Текст] / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1994. – 240 с.
153. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы [Текст] / А. А. Уфимцева. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 287с.
154. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1968. – 272 с.
155. Филатова, Е. С. Искусство понимать себя и окружающих [Текст] / Е. С. Филатова. – СПб. : Дельта, 1999. – 362 с.
156. Филин, Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (По материалам летописей) [Текст] / Ф. П. Филин // УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 80. – Л. : 1949. – С. 166.

157. Филин, Ф. П. Проблемы исторической лексикологии русского языка [Текст] / Ф. П. Филин // Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 года. – М. : 1983. – С. 256–271.
158. Хауген, Э. Процесс заимствования [Текст] / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 354.
159. Чарикова, Е. И. О терминах заимствование и освоение при взаимодействии языков. Лексикология и фразеология. Новый взгляд [Текст] / Е. И. Чарикова // Тез. 2-й межвуз. конф. – М. : МГЗПИ., 1989. – С. 153–154.
160. Чернухина, И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста [Текст] / И. Я. Чернухина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1984. – 115 с.
161. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 327 с.
162. Шанский, Н. М. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 1 [Текст] / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. – М. : Просвещение, 1987. – 192 с.
163. Шанский, Н. М. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 2 [Текст] / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
164. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка [Текст] / А. А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1941. – 288 с.
165. Шилова, Г. Е. Особенности семантики и функционирования иноязычных слов в современной российской публицистике (на материале газет, радио и телевидения) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г. Е. Шилова. – Воронеж, 2005. – 212 с.
166. Широкоград, А. Б. Тайны русский артиллерии: последний довод царей и комиссаров [Текст] / А. Б. Широкоград. – М. : Эксмо, 2003. – 480 с.
167. Шкловский, В. Б. Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир» [Текст] / В. Б. Шкловский. – М. : Федерация, 1928. – 112 с.
168. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

169. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык: лексика: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 336 с.
170. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку : сборник [Текст] / Л. В. Щерба. – М. : Аспект-Пресс, 2007. – 259 с.
171. Щербак, Е. А. Французские элементы в повестях и рассказах Толстого // Язык и стиль Л. Н. Толстого [Текст] / Е. А. Щербак. – Тула : ТГПИ им. Л. Н. Толстого, 1974. – С.154-164.
172. Щитова, О. Г. Западноевропейские заимствования в русской разговорной речи XIX века (проблема ассимиляции) [Текст] : автореферат дис. ... канд. филол. наук / О. Г. Щитова. – М. : 1986. – 21 с.
173. Якубинский, Л. П. Язык и его функционирование : избранные работы [Текст] / Л. П. Якубинский. – М. : Наука, 1986. – 205 с.
174. Ясинская, М. Б. Лексические заимствования в петровскую эпоху и языковая личность (на материале историко-биографической прозы князя Б. И. Куракина) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / М. Б. Ясинская. – М. : 2004.
175. Амурчанка.рф. [Электронный ресурс] – Дата доступа: 08.04.2012. Режим доступа: <http://амурчанка.рф/moda-epolety-i-barka.html>
176. Армия Наполеона 1812 – [Электронный ресурс] – Дата доступа: 08.04.2012. Режим доступа:– <http://on-infantry.narod.ru/imper/frainfa.htm>
177. Журнал Glamour [Электронный ресурс] – Дата доступа: 08.04.2012. Режим доступа: http://www.glamour.ru/fashion/fashion_blog/458581/
178. Ytro.ru – [Электронный ресурс] – Дата доступа: 28.10.2012. Режим доступа: <http://www.utro.ru/news/2003/10/23/243252.shtml>
179. Акмаjian, А. Linguistics. An introduction to language and communication. The MIT Press. 2001.
180. Antia, В. Е. Terminology and language planning: an alternative framework of practice and discourse [Text] / Bassegy Edem Antia. – Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2000. – 290 p.

181. Bally, Ch. *Traité de stylistique française*. Troisième édition. – Genève, Paris, 1951. – Vol. I, 264 p.
182. Bassnett, S. *Translation studies*. London, New York. 2008.
183. Beaugrande, R. de. *Text Linguistics: The Encyclopaedia of Language and Linguistics*. R.E. Asher (ed.) Oxford, New York, Seoul, Tokyo: Pergamon Press 1994. – 4578 p.
184. Bond, A. *German loanwords in the Russian language of the Petrine Period*. Bern: Herbert Lang. 1974.
185. Cabré, M. Teresa (Maria Teresa). [Terminologia. English] *Terminology: theory, methods, and applications [Text]* / M. Teresa Cabré; edited by Juan C. Sager; translated by Janet Ann DeCesaris Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1998. – 262 p.
186. *Dictionnaire Napoleon* / Ed. J. Tulard. Paris, 1986. – 1076 p.
187. Haugen, E. *The Analysis of Linguistic Borrowing*. Language. – Berlin, 1950. – P. 210–231.
188. Issatschenko, A. *Geschichte der russischen Sprache*. – Heidelberg, 1980–1983. – P. 528–616.
189. Laffitte, S. *Léon Tolstoï et ses contemporains*. – Paris, 1960. – 338 p.
190. Laffitte, S. *Les écrivains célèbres: De Goethe à Marcel Proust*. Vol. III. – Paris, 1966. – P. 177–215.
191. Leroy-Beaulieu, A. *L'empire des tsars et les russes*. Paris, 1881. – T. 1. – P. 257.
192. Ullmann, S. *Semantics*. New York. 1962.

Источники

1. Васильев, Б. Л. *Были и небыли* : в 2 кн. Кн. 2 [Текст] / Б. Л. Васильев. – М. : Вагриус, 2005. – 527 с.
2. Гоголь, Н. В. *Шинель*. Повести [Текст] / Н. В. Гоголь. – Л. : Худож. лит., 1976. – 320 с.

3. Гончаров, И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7 [Текст] / И. А. Гончаров. – М. : Правда, 1954. – 503 с.
4. КСРЯ XVIII 1 – Маршал: [карточка] // КСРЯ XVIII – Картотека Словаря русского языка XVIII века Ин-та лингв. исслед-й РАН (СПб.): [И то и сьо. - 1769 г. нед. 27-ая]. – 1 карт. На правах рукописи.
5. КСРЯ XVIII 2 – Маршал: [карточка] // КСРЯ XVIII – Картотека Словаря русского языка XVIII века Ин-та лингв. исслед-й РАН (СПб.): [Словарь Академический 1929 г.] – 1 карт. На правах рукописи.
6. КСРЯ XVIII 3 – Маршал: [карточка] // КСРЯ XVIII – Картотека Словаря русского языка XVIII века Ин-та лингв. исслед-й РАН (СПб.): [Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940г.]. – 1 карт. На правах рукописи.
7. Куприн, А. И. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 5 [Текст] / А. И. Куприн. – М. : Правда, 1972. – 419 с.
8. Лермонтов, М. Ю. Бородино // Сочинения : в 2 т. Т. 1 [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – М. : Правда, 1988. – С. 154–156.
9. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени // Сочинения : в 2 т. Т. 2 [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – М. : Правда, 1990. – С. 455–594.
10. Писемский, А. Ф. Собр. соч. : в 9 т. Т. 1 [Текст] / А. Ф. Писемский – М. : Правда, 1959. – 484 с.
11. Мемуары – Русские мемуары: Избранные страницы. 1800–1825 гг. [Текст] / Сост. И. И. Подольская – М. : Правда, 1989.– 624 с.
12. Толстой, Л. Н. Война и мир: в 2 кн. Кн. 1. Т. 1, 2 [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 733 с.
13. Толстой, Л. Н. Война и мир: в 2 кн. Кн. 2. Т. 3, 4 [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 732 с.
14. Толстой, Л. Н. Севастопольские рассказы [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : Монолит, 2001. – 128 с.
15. Фонвизин, Д. И. Бригадир; Недоросль [Текст] / Д. И. Фонвизин. – М. : Гослитиздат, 1954. – 118 с.

Список использованных словарей, справочников

1. Аванесов – Орфоэпический словарь под ред. Р. И. Аванесова [Текст] / под ред. Р. И. Аванесова. – М. : Рус. Яз., 1988. – 702 с.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка [Текст]: в 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.– М. ; Л. : АН СССР, 1950–1965.
3. БРФС – Большой русско-французский словарь [Текст] / Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, С. А. Никитина и др. – М. : Русский язык – Медиа, 2004. – 561 с.
4. БСЭ – Большая советская энциклопедия : в 30 т. [Текст] / под ред. А. М. Прохорова, Н. К. Байбакова, А. А. Благоданова и др. – М. : Совет. энцикл., 1969–1978.
5. БЭС – Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – Дата доступа: 06.04.2012. Режим доступа: <http://www.vedu.ru/BigEncDic/25707>
6. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
7. ВЭС – Военный энциклопедический словарь. – М. : Воениздат, 1986. – 863 с.
8. Ефремова – *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. Т.2: П–Я. [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 1084 с.
9. Епишкин – Исторический словарь галлицизмов русского языка – словарь иностранных французских слов и выражений в русском языке [Текст] / Н. И. Епишкин. – М. : Словар. изд-во ЭТС, 2010.
10. Крысин 2008 – Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 944 с.
11. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
12. МАС – Словарь русского языка : в 4 т. [Текст] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988.

13. НСИС – *Захаренко Е. Н.* Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний [Текст] / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – М. : Азбуковник, 2008. – 1040 с.
14. НФРЯ – Новый французско-русский словарь [Текст] / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. – М. : Рус. яз., 2002.
15. Ожегов – Толковый словарь русского языка [Текст] / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
16. Преображенский – *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1, 2. [Текст] / А. Г. Преображенский. – М. : Тип. Г. Лисснера, Д. Совко, 1910 – 1914.
17. Рецкер – Французско-русский фразеологический словарь. Около 35000 выражений [Текст] / под ред. Я. И. Рецкера. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.
18. САР–I – Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. – СПб. : 1789–1794.
19. Семёнов – *Семёнов А. В.* Этимологический словарь русского языка: словарь [Текст] / А. В. Семёнов. – М. : ЮНВЕС, 2003. – 703 с.
20. СИС 1979 – Словарь иностранных слов [Текст] / под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшеной, Ф. Н. Петрова, Л. С. Шаумяна. – М. : Рус. яз., 1979.
21. СИС 2000 – Словарь иностранных слов [Текст] / Н. Г. Комлев. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1308 с.
22. СЛТ – *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1969. – 608 с.
23. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка [Текст] / И. И. Срезневский. – СПб., 1902. – С. 175.
24. СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века: в 19 т. [Текст] / под ред. Ю. С. Сорокина. – Л. : Наука, 1984-2011. – 448 с.
25. СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Имп. Академии наук: в 4 т. – СПб. : 1847.
26. Тихонов – *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т.1 [Текст] / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1990. – 856 с.

27. ТСЖВЯ – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
28. Тучков – Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежит, из какого языка взяты, как могут быть переведены на русский, какое оных употребление и к чему служат : в 2 ч. Ч. 2, от О до Я [Текст] / под ред. С. А. Тучкова.– М.: 1818. – 251 с.
29. Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 3: Р–Я. [Текст] / ред. Д. Н. Ушаков. – М. : Вече : Мир кн., 2001. – 671 с.
30. Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964–1973.
31. Частотный словарь – Частотный словарь романа Л. Н. Толстого «Война и мир» [Текст] / З. Н. Великодворская, Г. С. Галкина, Г. Б. Куперман, В. М. Цапникова. – Тула : ТГПИ им. Л. Н. Толстого, 1978. – 378 с.
32. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2т. Т. 1 [Текст] / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1999. – 624 с.
33. ЭСБЕ – Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 14: Н–О [Текст] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.– М. : Эксмо, 2006. – 256 с.
34. Le langage. Ouvrage réalisé sous la direction de Bernard Pottier. Paris, 1973. – 544 p.
35. Le Petit Robert 1: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / Par Paul Robert. – Nouvelle édition revue, corrigé et mise à jour pour 1986. – 1153 p.
36. Petit Larousse illustré – dictionnaire encyclopédique pour tous, 1976.
37. Longman Dictionary of Contemporary English. Essex: Pearson Education Limited, Fourth Edition, 2003, Tenth Impression, 2007. – 1950 p.
38. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford : Oxford University Press, Fifth Edition, 7th Impression, 1999. – 1431 p.